

ISSN 2686-7702

Восточная Азия: факты и аналитика

East Asia: Facts and Analytics

2020

№4

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук
(ИДВ РАН)

www.ifes-ras.ru

Электронный научный информационно-аналитический журнал «Восточная Азия: факты и аналитика» издаётся ежеквартально с 2019 г. Журнал освещает широкий круг актуальных научных проблем стран Восточной и Юго-Восточной Азии, включая вопросы внутренней и внешней политики, экономики и общества, истории, литературы и языкознания, культуры и религии. Издание представляет информационно-аналитические материалы, посвящённые современным экономическим, политическим, социальным и культурным процессам в регионе. Все научные статьи проверяются на плагиат, рецензируются и получают DOI.

Учредитель: Институт Дальнего Востока РАН.

URL: <http://eastasiajournal.ru>

- Входит в Научную электронную библиотеку eLibrary.ru и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
- Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Главный редактор: Горчакова Т.Е., к.э.н.

Редакционный совет: Ву Кхоан (Вьетнам); Ёкотэ Синдзи (Япония), проф.; Жебин А.З. (Россия), к.полит.н.; Кистанов В.О. (Россия), д.и.н.; Лузянин С.Г. (Россия), д.и.н.; Мазырин В.М. (Россия), д.э.н.; Мосяков Д.В. (Россия), д.и.н.; Нгуен Данг Фат (Вьетнам); Островский А.В. (Россия), д.э.н.; Соколовский А.Я. (Россия), к.филол.н.; Такэда Масанао (Япония), проф.; Уянаев С.В. (Россия), к.и.н.

Редакционная коллегия: Афонасьева А.В., к.э.н.; Казаков О.И. (отв. секретарь); Кобелев Е.В., к.и.н.; Сафронова Е.И., к.э.н.; Трощинский П.В., к.ю.н.

Редакция: Донченко А.И.; Ильинская И.Д., Кириченко М.А.; Надточенко Б.Я.; Потапова В.А.

Отрасли науки:

03.00.00 История. Исторические науки
06.00.00 Экономика. Экономические науки
23.00.00 Комплексное изучение отдельных стран и регионов

OECD Fields of Science:

5.02 Economics and business
6.01 History and archaeology
6.05 Other Humanities

Обложка: картина А.И. Донченко в стиле *гохуа*.

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

ISSN 2686-7702

© Коллектив авторов

© ИДВ РАН

Institute of Far Eastern Studies,
Russian Academy of Sciences
(IFES RAS)
www.ifes-ras.ru

The electronic scientific information and analytical periodical “East Asia: Facts and Analytics” is published quarterly since 2019. The edition presents the coverage of the widest range of actual scientific problems of the East and Southeast Asian countries, including the issues of domestic and foreign policy, economy and society, history, literature and linguistics, culture and religion. The periodical provides the information and analytical material focusing on modern economic, political, social and cultural processes in the region. All academic articles are checked for plagiarism and peer-reviewed, and assigned to DOI.

Founders of the Journal: Institute of Far Eastern Studies
of the Russian Academy of Sciences.
URL: <http://eastasiajournal.ru>

- Included in Russian Scientific Digital Library “eLibrary.ru” and Russian Science Citation Index.
- Included in Russian Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.

Editor-in-chief: Gorchakova Tatiana E., PhD (Economics)

Editorial Council: Kistanov Valerii O. (Russia), DSc (History); Luzianin Sergei G. (Russia), DSc (History); Mazyrin Vladimir M. (Russia), DSc (Economics); Mosyakov Dmitry V. (Russia), DSc (History); Nguyen Dang Phat (Vietnam); Ostrovskii Andrey V. (Russia), DSc (Economics); Sokolovsky Aleksandr Ya. (Russia), PhD (Philology); Takeda Masanao (Japan), professor (Pedagogy); Uyanaev Sergei V. (Russia), PhD (History); Vu Khoan (Vietnam); Yokote Shinji (Japan), professor (Law); Zhebin Aleksandr Z. (Russia), PhD (Political Science)

Editorial Board: Afonaseva Alina V., PhD (Economics); Kazakov Oleg I. (*Executive Secretary*); Kobelev Evgeni V., PhD (History); Safronova Elena I., PhD (Economics); Troshchinskiy Pavel V., PhD (Law)

Editors Office: Donchenko Anna I.; Ilinskaya Irina D.; Kirichenko Maria A.; Nadtochenko Boris Ya.; Potapova Vera A.

Branch of Science (in the Russian Federation):

03.00.00 History
06.00.00 Economics
23.00.00 Comprehensive study of individual
countries and regions

OECD Fields of Science:

5.02 Economics and business
6.01 History and archaeology
6.05 Other Humanities

The cover: the painting of Donchenko Anna I. in *guohua* style.

The authors' opinion may not coincide with the Editorial Board's point of view.

ISSN 2686-7702

© Team of authors
© IFES RAS

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ: ФАКТЫ И АНАЛИТИКА 2020, № 4**СОДЕРЖАНИЕ**

Александрова М.В., Коханова В.С. Особенности экономического районирования в КНР (1949–1990 годы)	6
Чубаров И.Г. Госпрограммы регионального развития КНР в историческом контексте	21
Стрельцов Д.В. Куда пойдёт политика Японии в сфере безопасности после смены администраций в Токио и Вашингтоне?	34
Горчакова Т.Е., Казаков О.И. Об изменении ситуации в Японии и российско-японских отношениях в 2020 году	50
Кириченко М.А. Лингва Хиросима – электронный каталог книг об атомной бомбардировке	63
<i>Научная жизнь</i>	
Жебин А.З. «Дипломатическим отношениям между Россией и Республикой Корея – 30 лет». Конференция в ИДВ РАН.....	75
<i>Книжная полка</i>	
Котляров Н.Н. Китайские реформы: составляющие успеха и достигнутые результаты. Рецензия на монографию А.В. Островского «Китай становится экономической сверхдержавой».....	87
<i>Обзор СМИ</i>	
Скворцова Е.М. Обзор СМИ стран Восточной Азии (октябрь – декабрь 2020 г.)	93
<i>Новые книги</i>	100

EAST ASIA: FACTS AND ANALYTICS 2020, NO. 4

CONTENTS

Alexandrova M.V., Kokhanova V.S. Specifics of the economic zonation in the PRC (1949–1990)	6
Chubarov I.G. State-level regional development programs in China	21
Streltsov D.V. Where will Japan's security policy go after the change of administrations in Tokyo and Washington?	34
Gorchakova T.E., Kazakov O.I. On the changes of the situation in Japan and the Russian-Japanese relations in 2020	50
Kirichenko M.A. LinguaHiroshima – a Database of books on atomic bombing	63
<i>Academic Life</i>	
Zhebin A.Z. “30 Years of Diplomatic Relations between Russia and the Republic of Korea”. The Conference in the IFES RAS	75
<i>Book Review</i>	
Kotlyarov N.N. Chinese reforms: ingredients for success and results achieved. Review of the monograph “China is on its path to economic superpower” by A.V. Ostrovskii.....	87
<i>Media Review</i>	
Skvortsova E.M. East Asian countries media review (October – December 2020).....	93
<i>New books</i>	100

DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10021

Особенности экономического районирования в КНР (1949–1990 годы)

М.В. Александрова, В.С. Коханова

Аннотация. В статье рассматривается процесс становления института экономического районирования в Китае. Авторы излагают причины и предпосылки изменений моделей районирования, анализируют главные проблемы, которые должна была решить региональная политика в тот или иной рассматриваемый период. В статье исследуется диалектика системы районирования, от жёстких рамок «военный округ НОАК – экономический район» в первый период истории КНР – к постепенному отказу от модели «замкнутых региональных экономических систем» и переходу к открытым для внешнего мира региональным экономическим поясам и районам.

Ключевые слова: Китай, территориальная дифференциация, советская помощь, промышленные объекты, «большой скачок», пятилетка, стратегия регионального экономического развития.

Авторы: Александрова Мария Викторовна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений, Институт Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). E-mail: alexandrova@ifes-ras.ru

Коханова Виталия Станиславовна, магистр Института Азии и Африки МГУ им. Ломоносова (адрес: 125009, Москва, ул. Моховая, 11). E-mail: vitalia.fish@mail.ru

Specifics of the economic zonation in the PRC (1949–1990)

M.V. Alexandrova, V.S. Kokhanova

Abstract. The present article is focused on the development of the economic zonation in the PRC. The authors highlight the reasons and prerequisites, which used to result in the changes of the zonation models and also offer the detailed analysis of the major problems, which had to be resolved by the means of the regional policy during that or another period under consideration. The article also presents the study of the dialectics within the zonation system: from the tight frameworks of “the PLAC military district the economic region” in the first period of the PRC history towards the gradual discarding of “the secluded regional economic systems” model and the transition to the regional economic belts and districts being open for the outer world.

Keywords: China, territorial differentiation, Soviet assistance, industrial facilities, Great Leap Forward, five-year period, regional economic development strategy.

Authors: Alexandrova Maria V., PhD (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). E-mail: alexandrova@ifes-ras.ru

Kokhanova Vitaliya S., Master of Arts, Institute of Asian and African Studies Moscow State University (address: 11, Mokhovaya Str., Moscow, 125009, Russian Federation). E-mail: vitalia.fish@mail.ru

Введение

КНР – самая многонаселённая страна мира и одна из крупнейших по площади. Сложная и неоднозначная история освоения территорий современного Китая наряду с разнообразием физико-географических зон привела к формированию неоднородных экономических единиц. Зарождение экономического районирования начинается в конце XIX – начале XX вв. Однако свой комплексный характер региональная экономическая политика приобрела уже после образования КНР, когда были выделены экономические регионы с чёткими границами [Савкович].

Экономическое развитие Китая сопровождалось территориальной дифференциацией. Восточные регионы страны традиционно опережали по уровню развития центральные и западные. Расположенные на побережье регионы всегда развивали внешние связи, торговлю, мореплавание, портовую инфраструктуру и т. д. Соответственно, плотность населения на востоке была выше, территория быстро осваивалась в хозяйственном плане, формировались производственная база и транспортная сеть.

Политика КНР в сфере экономического районирования с 1949 г. до нынешнего времени прошла несколько этапов. Курс видоизменялся и совершенствовался вслед за развитием всей государственной, общественной и экономической структуры Китая.

В настоящей статье авторы посчитали целесообразным рассмотреть два первых периода политики экономического районирования. Данное исследование особенно актуально в свете современных диспропорций в экономическом развитии территорий КНР. Важно проанализировать, почему возник такой разрыв, и как китайцы за счёт разных «моделей» районирования пытались смягчить его.

Этап равномерного развития регионов (1949–1978 гг.)

Экономическая база, доставшаяся КНР по наследству от старого Китая, была в крайне тяжёлом состоянии. В промышленной сфере на тот период наблюдался острый дисбаланс. По состоянию на 1949 г. порядка 70 % промышленных мощностей страны занимали 12 % территории восточного приморского региона, при этом более 20 % промышленных объектов были расположены в районе дельты р. Янцзы с центром в Шанхае. Другие 20 % – в южной части Северо-Востока с центром в Шэньяне, более 10 % располагались в пров. Хэбэй и окрестностях Пекина и Тяньцзиня. В иных районах страны промышленность практически отсутствовала. К примеру, на северо-западные регионы и район Внутренней Монголии, территория которых занимала 40 % от всей площади Китая, приходилось всего 3 % стоимости валовой продукции промышленности КНР, а на долю юго-западных регионов – 6 %. Ситуация с неравномерным распределением промышленных объектов на карте Китая сложилась ещё в конце XIX – начале XX вв., что в свою очередь было обусловлено асимметричным размещением ресурсов, населения, обрабатываемых земель и т. д. [Сяо Цзиньчэн. Цюйюй фачжань...]. Следовательно, одной из главных задач

правительства Китайской народной республики на тот период стало изменение структуры экономического районирования и исправление вышеуказанных диспропорций.

В первые годы после образования КНР руководство страны нацелилось на ускорение промышленного развития внутриконтинентальных районов страны. В связи с этим было введено два комплекса мер: первый заключался в том, чтобы более развитые приморские регионы отчисляли в государственный бюджет излишки своих финансовых доходов и в то же время оказывали финансовую помощь западным и центральным территориям; второй комплекс мер включал в себя разработку пятилетних планов развития регионов, при этом инвестиции в развитие инфраструктуры смещались в пользу центральных и западных районов [Чжунго цюйюй кайфа вэньти...].

С другой стороны, проблема региональных диспропорций на тот период стояла довольно остро, поэтому в 1949 г. правительство КНР взяло курс на сбалансированное развитие всей страны. Устранить территориальные различия можно было двумя способами. Во-первых, путём создания единого хозяйственного комплекса в масштабах всей территории с учётом экономических факторов: размещения производств рядом с источниками сырья, сокращения транспортных издержек, развития территориального разделения труда. Во-вторых, с помощью анклавных, замкнутых региональных хозяйственных комплексов с опорой на собственные силы на случай военной оккупации, при сохранении административных границ регионов.

Исходя из вышеперечисленных задач, уже в 1949 г. было реализовано первое территориально-экономическое районирование КНР и выделено шесть административных районов, существовавших параллельно с провинциями и автономными районами: Северо-Восточный, Северный, Западный, Восточный, Центрально-Южный и Юго-Западный.

Данное нововведение носило временный характер и действовало с октября 1949 г. по июнь 1954 г. В этот период управление шестью административными районами осуществлялось местными народными правительствами и военно-административными комитетами. В Северо-Западном, Восточном, Центрально-Южном и Юго-Западном районах для решения проблем приграничных районов и национальных меньшинств привлекались кадровые работники из национальных меньшинств (например, уйгуры, тибетцы, хуэй-цзу, чжуаны, монголы), которые должны были представлять жителей этих районов.

С первых лет существования КНР началось восстановление экономики страны и вместе с тем было развёрнуто масштабное строительство крупных промышленных объектов, из них 156 предприятий, относящихся к ТЭК, машиностроению, чёрной и цветной металлургии, должны были быть созданы при помощи СССР. За первую пятилетку (1953–1957 гг.) построено свыше 70 % из запланированных 156 промышленных объектов, 54 из которых запущено на Северо-Востоке страны.

Таблица 1. География размещения 156 промышленных объектов, построенных в КНР с советской помощью

Провинция / ГЦП	Кол-во объектов	География размещения промышленных объектов (количество)
Ляонин	24	8 – Фушунь 7 – Фусинь По 1 объекту – Аньшань, Бэньси, Далянь, Янцзячжанцзы, Хулудао

Шэньси	24	14 – Сиань 4 – Синпин По 2 объекта – Баоцзи, Хусянь По 1 объекту – Тунчуань, Вэйнань
Хэйлунцзян	22	10 – Харбин 4 – Хэган 3 – Фулаэрци По 2 объекта – Цзямусы, Цзиси 1 – Шуанъяшань
Шаньси	15	11 – Тайюань 2 – Датун По 1 объекту – Хоума, Луань
Цзилинь	10	6 – Цзилинь По 1 объекту – Чанчунь, Фэнмань, Ляоюань, Тунхуа
Хэнань	10	6 – Лоян По 1 объекту – Чжэнчжоу, Саньмэнься, Пиндиншань, Цзяоцзо
Ганьсу	8	6 - Ланьчжоу По 1 объекту – Байинь, Хаоцзячуань
Сычуань	6	5 - Чэнду 1 – Чунцин
Хэбэй	5	По 2 объекта – Шицзячжуан, Фэнфэн 1 – Жэхэ
Внутренняя Монголия	5	5 – Баотоу
Пекин	4	4 – Пекин
Юньнань	4	2 - Гэцзю По 1 объекту – Дунчуань, Хуэйцэ
Цзянси	4	По 1 объекту – Наньчан, Даянь, Цяньнань, Диннань
Хунань	4	3 – Чжучжоу 1 – Хутань
Хубэй	3	3 – Ухань
Синьцзян	1	1 – Урумчи
Аньхой	1	1 – Хуайнань

Источник: [Дун Чжикай, У Цзянчжу].

В период первой пятилетки (1953–1957 гг.) Северо-Восток Китая (далее Дунбэй) стал главным объектом госинвестиций, поскольку со времён строительства Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и существования Маньчжоу-го в регионе была сосредоточена многопрофильная промышленная база, хотя к началу 50-х гг. XX в. уже несколько устаревшая. В первые годы существования КНР четверть всех государственных инвестиций пошла на строительство инфраструктуры Дунбэя и половина – на создание промышленной базы всей страны. Так, за годы первой пятилетки были введены в строй 694 промышленных проекта, из которых 472 (68 %) размещались во внутренних регионах [Чжунго цюйюй чжэнцэ].

Несмотря на усилия правительства молодой КНР, территориальные диспропорции – «наследство» военного лихолетья – оставались огромными, выровнять их было крайне сложно. Так, в 1952 г. стоимость промышленной продукции нескольких приморских городов

составляла $\frac{2}{3}$ от суммарной промышленной продукции КНР, в т. ч. у Ляонина этот показатель составлял 4,53 млрд юаней, Шаньдуна – более 2 млрд юаней, Шанхая – 915 млн юаней, а у пров. Нинся составлял лишь 20 млн юаней, пров. Ганьсу – 242 млн юаней. В связи с этим уже с первой пятилетки правительство утвердило комплексную стратегию развития регионов вместе с программой приоритетного развития внутренних регионов [Лю Цзецзяо, Ван Дэхуа].

К 1954 г. первое территориальное районирование потеряло свою актуальность, административные органы, созданные в центрах районов, были упразднены, хотя сама структура сохранилась, в некоторой степени её влияние на политику экономического районирования ощущается до сих пор. В середине 1950-х гг. были разработаны два новых проекта экономического районирования. В соответствии с одним из них, предложенным Академией наук КНР, страну следовало поделить на 10 экономических районов с учётом: географических особенностей; исторически сложившегося тяготения одних территорий к другим; специфики местного производства и т. д. Второй проект, разработанный Госпланом КНР, базировался на семи районах экономического «кооперирования», которые были призваны сконцентрировать слаборазвитые и развитые регионы. В результате был принят госплановский проект. Правительство считало, что он поможет решить задачу равномерного размещения производства по территории страны, а также способствовать подъёму отсталых внутренних регионов КНР.

Таблица 2. Районы экономического кооперирования (1958–1964 гг.)

Районы экономического кооперирования	Административные единицы, входящие в состав районов экономического кооперирования
Северо-восточный	Ляонин, Цзилинь, Хэйлунцзян
Северный	Пекин, Тяньцзинь, Хэбэй, Шаньси, Внутренняя Монголия
Восточный	Шанхай, Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь, Шаньдун, Аньхой, Цзянси
Южный	Гуандун, Гуанси, Хайнань
Центральный	Хэнань, Хунань, Хубэй
Юго-западный	Сычуань, Чунцин, Юньнань, Гуйчжоу, Тибет
Северо-западный	Шэньси, Ганьсу, Нинся, Цинхай, Синьцзян

Источник: [Сяо Цзиньчэн. Чжунго цзин цзи...].

После образования КНР главным принципом экономического районирования стало сбалансированное развитие всех регионов. В нём главенствовали идеи марксистских теоретиков и советской «социалистической теории размещения производства», которая предполагала не только «детерминизм в производственных отношениях», но и «равномерное распределение объектов производства». Эта теория, бесспорно, оказала огромное влияние на процесс размещения производственных мощностей в КНР и на создание новой экономической системы в целом. Кроме того, эти идеи по своей сути схожи с традиционными китайскими представлениями о гармоничном развитии государства, поэтому советская модель была легко воспринята и стала основой для стратегии размещения объектов экономической деятельности по стране. В 1956 г. Мао Цзэдун в статье «О десяти важнейших взаимоотношениях» затронул проблему взаимоотношения промышленности

внутренних регионов и приморских, а также выдвинул идею о том, что необходимо активнее использовать промышленную базу восточных регионов [Мао Цзэдун]. Однако, исходя из теории равномерного размещения и развития промышленных объектов, больше внимания требовалось уделять промышленности внутренних регионов, а не приморских [Сяо Цзиньчэн. Чжунго цзин цзи...].

В ходе второй пятилетки (1958–1962 гг.) планировалось активнее использовать старую промышленную базу восточных регионов [Чжунго гунъе фачжань...]. Тем не менее в 1958 г. начала реализовываться политика «большого скачка», которая полностью перевернула намеченные планы [Чжунго цюйюй чжэнцэ...]. Она стала по сути неудачным экономическим экспериментом, поскольку спровоцировала кризисные явления в экономике, в частности сокращение объёмов производства, массовое закрытие предприятий, безработицу и голод в городах [Величко]. Экономика КНР заметно ослабла, усугубились межотраслевые, внутриотраслевые и межрегиональные диспропорции. Переход к политике «большого скачка» в конце 1950-х гг. сопровождался резкими изменениями территориальной организации производства. При этом госплановская схема сохранялась ещё некоторое время, только Центральный и Южный районы «кооперирования» были объединены в Центрально-Южный район, таким образом на карте экономического районирования осталось шесть районов, в таком виде она просуществовала до 1965 г. [Демьяненко].

В начале 1960-х гг. военно-политическая обстановка вокруг страны заметно обострилась: перешли в напряжённую фазу советско-китайские отношения, ухудшились китайско-индийские, США также стали чаще обычного проводить военные морские учения в Тайваньском проливе, шла полномасштабная война во Вьетнаме, возросла опасность нанесения удара по КНР со стороны Гоминьдана. Чтобы обезопасить промышленные и инфраструктурные объекты, правительство КНР увеличило инвестиции в западные регионы в соответствии с принятым стратегическим планом регионального развития [Лю Цзецзяо, Ван Дэхуа]. В непростой внешнеполитической ситуации китайские руководители заявляли о необходимости укрепить оборонный потенциал, создать тыловую стратегическую базу в глубине территории страны. Из данных доклада Генштаба ЦВК КНР от 25 апреля 1964 г. следовало, что промышленный потенциал страны был сосредоточен в больших городах, расположенных в наиболее уязвимых к нападению приморских, восточных участках страны, где к началу 60-х годов XX в. располагалось 60 % мощностей машиностроения, 52 % ВПК и 50 % химической промышленности страны [Величко].

Директивным началом политики «третьей линии», т. е. новой территориально-экономической политики, учёные считают выступление Мао Цзэдуна на Рабочем совещании ЦК КПК в июне 1964 г., когда китайский лидер внёс предложение относительно необходимости строительства промышленных баз в глубине страны. В наиболее развёрнутом виде строительство «третьей линии» было обосновано премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем в «Докладе об обстоятельствах реализации третьей пятилетки», в частности, были высказаны предложения относительно перемещения промышленных предприятий, базовых учебных заведений, научно-исследовательских учреждений из районов «первой линии» к районам «третьей линии» [Величко].

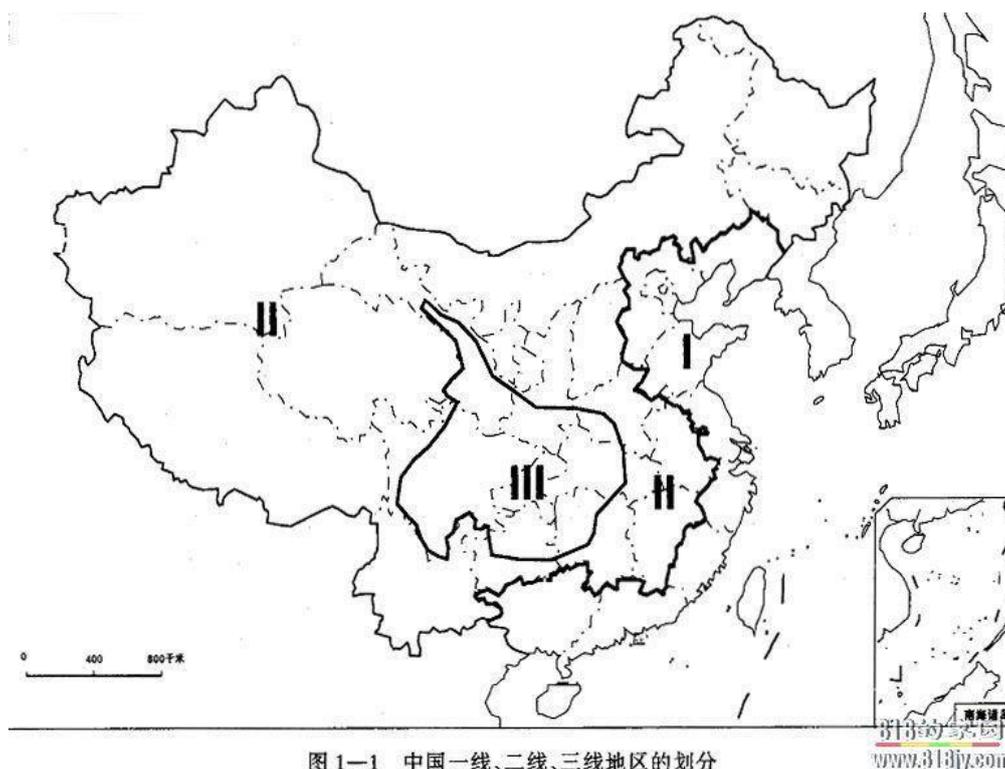

Рис. 1. Карта-схема «Трёх линий»
 Источник: [Мао чжуси...].

В апреле 1965 г. был объявлен курс на укрепление стратегических тылов всех регионов. Промышленность и инфраструктура в годы третьей (1966–1970 гг.) и четвертой (1971–1975 гг.) пятилеток должны были быть полностью переориентированы на создание оборонного комплекса. Государственные средства в этот период выделялись главным образом в Центральные, Западные и Южные районы «третьей линии» [Чжунго цюйюй чжэнцэ...].

В ответ на новые международные вызовы в 1960-х гг. правительство приняло решение разделить территорию страны на «три линии обороны». Район «третьей линии» располагался на наиболее безопасном от границ расстоянии, поэтому основная доля инвестиций шла именно в него. Он должен был стать главным стратегическим тылом страны. Район «третьей линии» включал в себя провинции Ганьсу, Шэньси, Цинхай, Нинся-Хуэйский автономный район (АР), которые формировали северо-западный тыл, и провинции Сычуань, Юньнань и Гуйчжоу, которые представляли собой юго-западный тыл. «Первая линия» включала в себя приморские провинции, а территории между «первой» и «третьей» входили в состав «второй линии».

В сентябре 1964 г. правительство издало документ «Указания по выполнению плановой работы», в котором подчёркивалось, что необходимо ускорить строительство «третьей линии», обеспечить инвестирование этого района, а также предоставить гарантии производительности для предприятий «первой линии», которые не переместились в центральные регионы. По состоянию на 1965 г. средства из государственного бюджета были выделены для почти 300 инфраструктурных и промышленных проектов северо-западного и юго-западного тыла. Кроме того, к этому времени большую часть предприятий «первой линии» удалось переместить в район «третьей линии» [Лю Цзецзяо, Ван Дэхуа].

Вместе с тем внутри районов «первой» и «второй» также были созданы свои тыловые зоны, которые представляли собой так называемые «маленькие третьи линии». В первую очередь, такая тыловая зона была создана в пров. Гуандун. В октябре 1964 г. комитет КПК этой провинции направил центральному правительству доклад «О работе по укреплению обороноспособности и строительству “третьей линии” в провинции Гуандун», в котором был представлен подробный план строительства там локальной «третьей линии». В ноябре того же года ЦК КПК опубликовал документ «Об укреплении тыла “первой” и “второй линий” и проведении оборонно-подготовительных работ», согласно которому города названных линий должны были создать свои локальные «третьи линии». Лишь со временем, когда международная обстановка улучшилась, развитие промышленности было перенаправлено от «третьей линии» в сторону приморских регионов [Лю Цзецзяо, Ван Дэхуа].

В апреле 1965 г. правительство КНР утвердило документ «Об укреплении обороноспособности Китая», из которого следовало, что в период третьей и четвёртой пятилеток (1966–1970 гг. и 1971–1975 гг.) весь производственный комплекс будет работать на усиление обороноспособности страны, а центральным звеном станет создание инфраструктуры «третьей линии обороны». В данный период в районах «третьей линии» было построено около 2000 средних и крупных предприятий и научно-исследовательских учреждений, основано пять крупных научно-исследовательских баз и 30 новых городов, создано множество объектов недвижимости, число которых составило $\frac{1}{3}$ всех объектов недвижимости по стране на тот момент. В число новых бурно растущих городов, где были созданы научно-исследовательские базы, вошли Паньчжихуа, Мянъян, Дэян, Цзуньи, Дуюнь, Кайли, Цзюцюань, Цзиньчан [Сяо Цзиньчэн].

За годы третьей пятилетки на создание инфраструктурных объектов во внутренних регионах страны было выделено 63,121 млрд юаней, что составило 64,7 % от общей суммы инвестиций в инфраструктуру по стране. Из 63,121 млрд юаней на развитие инфраструктуры 11 провинций, входящих в состав «третьей линии обороны», пришлось 48,243 млрд юаней, что в свою очередь составило 52,7 % от общей суммы всех инвестиций в инфраструктуру Китая. В соответствии с программой третьего пятилетнего плана многие старые «предприятия приморских регионов были перемещены в район «третьей линии» [Чжунго цюйюй чжэнцэ].

К концу 1975 г. крупные предприятия общенародной собственности в районах «третьей линии» составляли 43,1 % от общего числа таких предприятий по стране, мощности по угледобыче и производству гидроэнергии составили 50 % от всех мощностей по КНР, в регионе располагалось 30 % мощностей чёрной металлургии; в этих районах уже была сосредоточена большая часть всех государственных мощностей по добыче и выплавке цветных металлов, $\frac{2}{3}$ всех предприятий электроники и почти $\frac{1}{3}$ всех объектов машиностроительной отрасли [Сяо Цзиньчэн].

К положительным результатам строительства «третьей линии» относят смягчение диспропорций в развитии регионов КНР. Строительство новых или перемещение действующих предприятий и производств из «первой линии» в районы «второй» и «третьей» фактически позволило развернуть индустриализацию внутренних и особенно западных регионов.

В период четвёртой пятилетки большая часть строительных проектов осуществлялась в западных частях провинций Хэнань, Хубэй, Хунань и в юго-западном Китае. В связи с новыми проблемами в развитии экономики и возникшей необходимостью укреплять

оборонеспособность страны «сетка» районов экономического кооперирования была частично пересмотрена с учётом политической установки на подготовку к войне (Юго-Восточный, Северо-Западный, Южный, Восточный, Северный, Северо-Восточный экономические районы были «перекроены», прибавились Чжунъюаньский, Шаньдунский, Фуцзяньско-Цзянсийский и Синьцзянский). Все провинциальные центры должны были самостоятельно обеспечивать себя комплектным оборудованием и продукцией лёгкой промышленности, а также создавать местные промышленные комплексы для удовлетворения потребностей сельского хозяйства, создавая таким образом локальные «третьи линии обороны». За годы четвёртой пятилетки доля инвестиций во внутренние регионы от общей суммы всех инвестиций в инфраструктуру Китая по сравнению с периодом третьей пятилетки уменьшилась в процентном отношении с 64,7 % до 54,4 %, что составило 95,934 млрд юаней. Из этой суммы 69,098 млрд юаней приходилось на 11 провинций «третьей линии», что в свою очередь составило 41,1 % от общей суммы всех инвестиций в инфраструктуру страны [Чжунго цюйюй чжэнцэ...].

Резюмируя итоги экономического районирования 1949–1978 гг., следует отметить, что экономика регионов развивалась разными темпами, при этом в Центральном и Западном она росла заметно быстрее, чем в Восточном.

В период первой и второй пятилеток был создан полноценный независимый промышленный комплекс внутренних регионов страны. За время третьей и четвёртой пятилеток в район «третьей линии» было выделено 200 млрд юаней инвестиций, в г. Паньчжихуа пров. Сычуань, г. Люпаньшуэй пров. Гуйчжоу и г. Цзиньчан пров. Ганьсу были созданы крупные промышленные базы. За это время построены огромные инфраструктурные проекты: железные дороги Чэнду – Куньмин, Сянхэ – Чунцин, Сычуань – Гуйчжоу, Хунань – Гуйчжоу, Гуйчжоу – Куньмин и др. Кроме того, благодаря тому, что многие учебные заведения и научно-исследовательские институты переместились из района «первой линии» в Западный район, там появилось много новых ценных и талантливых рабочих кадров. За 30 лет после образования КНР диспропорции в развитии Восточного, Центрального и Западного регионов стали сокращаться, тем не менее полностью ликвидировать их не удалось во многом из-за недостаточных инвестиций [Лю Цзецзяо, Ван Дэхуа].

Следует отметить, что с начала 50-х гг. и до конца 70-х гг. XX в. сбалансированное развитие всех территорий КНР было главным направлением политики экономического районирования. Правительство стремилось через сокращение межрегиональных диспропорций достичь равномерного распределения объектов производства по территории страны и вместе с тем добиться синхронного развития региональной экономики и повышения автономности её функционирования [Сяо Цзиньчэн].

К середине 1970-х гг. Китаю удалось в основном завершить создание комплекса тяжёлой промышленности во внутренних регионах, ускорить развитие экономики этих регионов, несколько сократить межрегиональные социально-экономические диспропорции, но в то же время это привело к возникновению новых проблем. Поскольку природные условия и экономическая база Центрального и Западного регионов сильно уступали восточным, то и капиталоотдача от инвестиций в эти регионы была в разы меньше. В целом можно сказать, что политика экономического районирования в начальный период

существования КНР была сосредоточена больше на сбалансированности развития регионов и меньше – на его эффективности [Чжунго цюйюй кайфа...].

В 1978 г. КНР взяла новый курс на рыночные отношения, и прежняя модель «замкнутых региональных экономических систем» утратила свою значимость, потому что необходимо было открыть экономику страны внешнему миру. За 30 лет экономика внутренних регионов относительно окрепла за счёт государственной поддержки и политики развития, региональные диспропорции сократились, однако суммарная эффективность китайской экономики пошла на спад, темпы её роста сильно отставали от экономик других стран на тот период. В 1970-е гг. международная обстановка была уже относительно безопасной для КНР, что также поспособствовало тому, что на третьем пленуме ЦК КПК 11-го созыва были определены главные направления дальнейшей работы правительства с фокусировкой на развитие рыночной экономики социалистического типа. Сам принцип «приоритетности экономической эффективности при соблюдении справедливости» стал базисом для политики регионального развития. Несмотря на то, что государственные инвестиции все более концентрировались в западных регионах, экономическая эффективность восточных территорий по-прежнему держалась на сравнительно высоком уровне. Для сбалансированного развития всех районов страны был принят новый стратегический курс с уклоном в сторону более приоритетного развития Востока [Лю Цзецзяо, Ван Дэхуа].

Этап неравномерного развития регионов (1979–1990 гг.)

В 1978 г. на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 5-го созыва был предложен проект программы развития народного хозяйства на период 1976–1985 гг. В соответствии с ним в стране требовалось создать самодостаточный и полноценный промышленный комплекс, базу для национальной экономики. Также ставилась задача сформировать систему современного экономического районирования, состоявшую из шести крупных районов (Юго-Западный, Северо-Западный, Центрально-Южный, Восточный, Северный и Северо-Восточный), в каждом из которых предполагалось создать сильную экономику со своей локальной спецификой.

Новая политика предполагала приоритетное развитие восточных регионов, которые обладали определёнными региональными преимуществами, большей экспортоориентированностью местной экономики, более развитой инфраструктурой, и поэтому они стали базисом для реформ и открытости. Ключевым направлением политики регионального развития на тот период было повышение экономической эффективности. Правительство решило проводить последовательную, многоступенчатую политику, поскольку считалось, что после образования КНР на начальном этапе восстановления экономики страны добиться полномасштабного и равномерного развития всех регионов было практически невозможно. На новом витке политический курс был скорректирован в пользу ускоренного развития восточных регионов.

В период шестой пятилетки (1981–1985 гг.) приморские регионы стали получать больше бюджетных средств для развития инфраструктуры. Если во время пятой пятилетки приморские провинции получали 42,2 % от общей суммы всех государственных инвестиций, то в шестой эта доля достигла 47,7 %. В 1981–1985 гг. из всех средств, выделяемых

бюджетом на реновацию и реконструкцию, 51,5 % приходилось именно на приморские районы. С первых лет экономических реформ началось смещение производственных мощностей на восток страны [Чжунго цюйюй чжэнцэ...]. В связи с этим в 1988 г. Дэн Сяопин заявил, что некоторые регионы развиваются быстрее других, поэтому они должны стать двигателем для отстающих территорий, и таким образом можно будет достичь общего процветания всех районов страны [Сяо Цзиньчэн].

В середине 1980-х гг. в стране вырабатываются новые концепции экономического районирования с учётом географического разделения труда. Для совершенствования территориального планирования и разработки программ освоения территории, а прежде всего для разработки политики регионального развития китайцы решили воспользоваться опытом других стран, где уже существовало экономическое районирование, и в первую очередь, СССР.

В ходе седьмой пятилетки (1986–1990 гг.) районирование КНР было сведено к трём поясам: Восточному, Центральному и Западному. Перед каждым были поставлены важные задачи хозяйственного развития. Экономически наиболее мощный Восточный пояс должен был стать ведущим в создании и росте новых, прежде всего наукоёмких отраслей и производств с привлечением зарубежных капиталовложений и ориентироваться на выпуск экспортных товаров. В его состав вошли восемь приморских провинций и три города центрального подчинения. Развитие этого пояса было тесно связано и с формированием СЭЗ. В результате регион стал привлекательным как для иностранного, так и для китайского частного капитала, начали открываться наукоёмкие предприятия, в основном в области электроники и электротехники, а также высокодоходные – текстильной, швейной, пищевой промышленности. Зародилась мощная социальная и производственная инфраструктура.

В Центральном поясе должны были получить развитие энергетическая, химическая отрасли. Западный пояс, со слаборазвитой инфраструктурой и неразвитой промышленностью, призван был развивать сельское хозяйство, добывающую промышленность, а также первичную переработку местного сырья, но главное – совершить прорыв в транспортном освоении слабозаселённых и малоосвоенных территорий. Хотя подобное районирование планировалось лишь на седьмую пятилетку, в результате оно действовало 15 лет.

Хотя с 1979 г. региональный экономический курс изменился в сторону развития восточных регионов, территориям, где в большинстве проживали национальные меньшинства, по-прежнему оказывалась ощутимая помощь государства, в т. ч. финансовая, технологическая, кадровая и др. Для этого китайское правительство, во-первых, обязало часть наиболее экономически развитых провинций отчислять из своих бюджетов средства для нуждающихся регионов, и эта политика действует до сих пор. Во-вторых, автономным районам, где проживали национальные меньшинства, и провинциям, приравненным по статусу к национальным автономным районам, выделяли финансовые дотации. В-третьих, из бюджета направлялись гранты на специальные проекты, такие как субсидирование районов проживания национальных меньшинств, предоставление специальных выплат для строительства инфраструктуры приграничных районов и субсидий работникам, занятым в этих строительных проектах. В-четвертых, жителям отдалённых горных и скотоводческих районов стали предоставлять кредиты по низким процентным ставкам и другую финансовую

поддержку. В-пятых, этим регионам были оказаны определённые льготы в отношении удержаний валютной выручки, а также предоставлено частичное, а для некоторых и полное освобождение от налогов [Чжунго цюйной чжэнцэ...].

В заключение отметим, что рассматриваемый китайский опыт экономического районирования, как во время частичной автаркии, так и в начальный период экономических реформ, имел свои «плюсы» и «минусы». К положительным сторонам можно отнести сбалансированное развитие регионов КНР в первую пятилетку и в начале второй, а также попытки сгладить территориальные диспропорции за счёт создания «замкнутых региональных экономических систем» в 1960-е гг. Всё это было оправданно и объективно необходимо в свете военно-стратегической ситуации, сложившейся вокруг КНР. Именно снижение межпровинциальных перепадов и создание замкнутых экономических систем на основе военных округов было оптимально в 1960-е гг. Однако данные методы районирования к концу 60-х – началу 70-х гг. XX в. исчерпали себя, стали накапливаться проблемы, которые возможно было решить, только изменив экономическую и регионально-экономическую модели развития, что и произошло в конце 1970-х гг. В процессе становления рыночных отношений в КНР и изменения территориального районирования были «запущены» труднорегулируемые процессы. Так, целые регионы, которые являлись сильнейшими (по потенциалу) в области тяжёлого и среднего машиностроения, а также добывающей промышленности, оказались на «обочине» процесса. В стране шло два разнонаправленных процесса: Восточный регион активно втягивался в рыночные отношения и становился частью мирового хозяйства, а на Северо-Востоке страны продолжали доминировать огромные государственные предприятия, которые из-за смены модели экономического районирования не могли по объективным причинам встроиться в новые экономические реалии. Таким образом, к «минусам» относится углубление территориальных диспропорций, которые до сих пор невозможно преодолеть.

Надо отдать должное китайцам, которые не стоят на месте в процессе районирования, исследуют мировой опыт и учитывают ошибки прошлого в КНР, постоянно модернизируют систему территориального районирования. При разработке второй полномасштабной модификации структуры экономического районирования были учтены все новые, заметно проявившиеся диспропорции и различия региональных экономических систем, и в результате территория Китая была поделена уже на четыре крупных района: Западный, Северо-Восточный, Центральный и Восточный. Также были приняты соответствующие планы для каждого из них: программа развития западных регионов, стратегия возрождения старой промышленной базы Северо-Востока, программа подъёма центральных районов, стратегия опережающего развития восточных районов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Величко В.В. Внутренние районы Китая в контексте его региональной стратегии // Мировое и национальное хозяйство. 2018 № 3 (14). URL: <https://mirec.mgimo.ru/2010-03/vnutrennie-rajony-kitaya-v-kontekste-ego-regionalnoj-strategii> (дата обращения: 17.05.2020).

Демьяненко А.Н., Изотов Д.А. Территориальная организация экономики КНР и проблема экономического районирования // Пространственная экономика. 2008. № 1. С. 43–61.

Дун Чжикай, У Цзянчжу. Синьчжунго гунье дэ дяньциши – 156 сян цзяньшэ яньцзю [Основа нового промышленного комплекса Китая – 156 промышленных объектов]. Гуанчжоу: Гуандун чубаньшэ, 2004.

Лю Цзецзяо, Ван Дэхуа. Синьчжунго чэнли 70 няньлай цюйюй цзин цзи чжэнцэ дэ саныцы яньцинцзи цзи циши : [Три этапа эволюции политики регионального развития в новом Китае за последние 70 лет] // Цюйюй цзин цзи пинлунь [Региональный экономический обзор]. 2019. № 5. С. 10–21.

Лю Юн. Чжунго синь сандэ дидай хунгуань цюйюй гэцзюй дэ хуафэн : [Три новых крупных пояса в структуре экономического районирования Китая] // Дили сюэбао [Географический вестник]. 2005. № 3. С. 361–370.

Мао Цзэдун. Мао Цзэдун (1893–1976). Революция и строительство в Китае (Речи и выступления) / Мао Цзэдун. М.: Палей-Мишин, 2000. С. 332–358.

Мао чжуси «Саньсянь цзяньшэ» гун гай цянцзю, бужун чжиь! : [«Создание третьей линии обороны» под руководством председателя Мао – это, несомненно, успешный проект в долгосрочной перспективе!]. URL: <http://www.gxbbs.cc/29971-1.html> (дата обращения: 03.06.2020).

Островский А.В., Шиганова Ю.М. Формирование региональной политики после образования КНР и особенности районирования территории Китая в годы экономической реформы // КНР: экономика регионов. М.: Издательство ИДВ РАН, ООО «Издательство МБА», 2015. 23 с.

Савкович Е.В. Особенности китайской модели регионализации: попытки преодоления регионального дисбаланса / Асимметрии региональных интеграционных проектов XXI века / под. ред. В.И. Михайленко. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2018. С. 364–386.

Синьбянь Чжунго цзинци дили : [Экономическая география Китая в новой редакции]. Пекин: Чжунъян миньцзю дасюэ чубаньшэ [Издательство Центрального университета национальностей], 2008. 453 с.

Сяо Цзиньчэн. Цюйюй фачжань чжаньлюэ дэ яньбянь юй цюйюй сетяо фачжань чжаньлюэ дэ цюэли – синьчжунго цюйюй фачжань 70 нянь хуэйгу : [Изменение политики регионального развития и становление стратегии координированного регионального развития – ретроспектива 70 лет проведения политики регионального развития в новом Китае] // Цие цзинци : [Экономика предприятия]. 2019. № 2. С. 43–51.

Сяо Цзиньчэн. Чжунго цзинци цюйюй чунхуа: хуафэн «7+1» цзинцицюй фучу шуэймянь : [Новая структура экономического районирования Китая: разделение территории на «7+1» экономических районов]. URL: <https://www.finance.people.com.cn/GB/1037/3609662.html> (дата обращения: 21.04.2020).

Чжунго гунье фачжань баогао. 2009: СиньЧжунго гунье 60 нянь : [Доклад о развитии промышленности Китая. 2009: 60 лет промышленности нового Китая] / Чжунго шэхуэй кэсюэюань гунье цзинци яньцзюсо бянь [сост. Институтом промышленно-экономических исследований КАОН]. Пекин: Цзинци гуаньли чубаньшэ : [Экономика и управление], 2009. 486 с.

Чжунго цюйюй кайфа вэньти яньцзю : [Проблемы освоения регионов Китая]. Пекин: Чжунго цзиньци чубаньшэ : [Экономика Китая], 2009. С. 50–51.

Чжунго цюйюй чжэнцэ: пинцзя юй чжаньван : [Политика регионального развития Китая: оценка и перспективы]. Пекин: Цзинцзи гуаньли чубаньшэ : [Изд-во «Экономика и управление»], 2010. С. 1–6.

REFERENCES

Demyanenko A.N., Izotov D.A. (2008). Territorial'naya organizaciya ekonomiki KNR i problema ekonomicheskogo rajonirovaniya [Spatial Organization of Chinese Economy and Economic Zoning Issue], *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial economy]*, 1: 43–61. (In Russian).

Dong Zhikai, Wu Jiangzhu. (2009). Xin Zhongguo gongye de dianjishi – 156 xiang jianshe yanjiu [The basis of a new industrial complex in China – 156 industrial facilities], Guangzhou: Guangdong chubanshe. (In Chinese).

Liu Jiejiao, Wang Dehua. (2019). Xin Zhongguochenli 70 nianlaiquyujingzhence de sanciyanjin ji qishi [Three stages of the evolution of the regional development policy in New China over the past 70 years], *Zhenzhou: Quyu jingji pinglun*, 5: 10–21. (In Chinese).

Liu Yong. (2005). Zhongguo xin san da didai hongguan quyu geju de huafen [A Study on Zoning “New Three Macro-Regional Development Zones” of Regional Economy of China], Beijing: Dili xuebao, vol. 60, 3: 361–370. (In Chinese).

Mao Zedong. Mao Zedong (1893–1976). Revoljuciya i stroitel'stvo v Kitae (Rechi i vystupleniya) [Mao Zedong (1893–1976). Revolution and development in China (Speeches and presentations)], Moscow: Paleya-Mishin, 2000: 332–358. (In Russian).

Mao zhuxi “sanxian jianshe” gong gai qianqiu, burong zhiyi! [“The construction of the third line of defense” under the direction of Chairman Mao is undoubtedly a successful project in the long term!]. URL: <http://www.gxbbs.cc/29971-1.html> (accessed: 3 June 2020). (In Chinese).

Ostrovskiy A.V., Shiganova U.M. (2015). Formirovanie regional'noy politiki posle obrazovaniya KNR i osobennosti rayonirovaniya territorii Kitaya v gody ekonomicheskikh reform [The development of the regional policy after the founding of the People’s Republic of China and the specifics of China’s territory zoning during the years of the economic reforms], *KNR: ekonomika regionov [The PRC: the regional economy]*, ed.-in-chief A.V. Ostrovskiy, Moscow: IFES RAS, 23 p. (In Russian).

Savkovich E.V. (2018). Osobennosti kitajskoj modeli regionalizacii: popytki preodoleniya regional'nogo disbalansa [Regionalization policy of the PRC: attempts to correct regional disparities], *Asimmetrii regional'nyh integracionnyh proektov XXI veka [Asymmetries of regional integration projects of the 21st century]*, ed.-in-chief V.I. Mikhaylenko, Ekaterinburg: Ural University Press: 364–386. (In Russian).

Velichko V.V. (2010). Vnutrennie rayony Kitaya v kontekste ego regional'noy strategii [The inland regions of China in the context of the regional strategy], *Mirovoe i nacional'noe hozyajstvo*: 3 (14). URL: <https://mirec.mgimo.ru/2010-03/vnutrennie-rajony-kitaya-v-kontekste-ego-regionalnoj-strategii> (accessed: 17 May 2020). (In Russian).

Xiao Jincheng. (2019). Quyu fazhang zhanlue de yanbian yu quyu xietao zhanlue di quelli – xin Zhongguo quyu fazhan 70 nian huigu [The regional development policy change and the formation of a coordinated regional development strategy — the retrospective of 70 years of the regional development policy in New China], *Nanchang: Qiye jingji*, 2: 43–51. (In Chinese).

Xiao Jincheng. Jingji quyue zhonghua: huafen “7+1” jingji qu fuchu shuimian [The new structure of the economic zoning of China: the division of the territory of the PRC into “7+1” economic regions]. URL: <https://www.finance.people.com.cn/GB/1037/3609662.html> (accessed: 24 April 2020). (In Chinese).

Xinbian Zhongguo jingji dili [Economic geography of China in a new edition], Beijing: Zhongyong minzu daxue chubanshe, 2008. 453 p. (In Chinese).

Zhongguo gongye fazhan baogao: xin Zhongguo gongye 60 nian [China industrial development report. 2009: 60 years of New China industry], Beijing: Jingji guanli chubanshe, 2009. 486 p. (In Chinese).

Zhongguo quyue kaifa wenti yanjiu [The problems of China’s regional development], Beijing: Zhongguo jingji chubanshe, 2009: 50–51. (In Chinese).

Zhongguo quyue zhengce: pingjia yu zhanwang [China's regional development policy: assessment and prospects], Beijing: Jingji guanli chubanshe, 2010: 1–6. (In Chinese).

Поступила в редакцию 20.09.2020

Received 20 September 2020

Для цитирования: Александрова М.В., Коханова В.С. Особенности экономического районирования в КНР (1949–1990 годы) // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 4. С. 6–20. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10021

For citation: Alexandrova M.V., Kokhanova V.S. (2020). Osobennosti ekonomicheskogo rajonirovaniya v KNR (1949–1990 gody) [Specifics of the economic zonation in the PRC (1949–1990)], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2020, 4: 6–20. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10021

DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10022

Госпрограммы регионального развития КНР в историческом контексте

И.Г. Чубаров

Аннотация. Значительные межрегиональные диспропорции – одна из наиболее выпуклых особенностей современного Китая. Начав рыночные реформы и интеграцию в мировую экономику в конце 1970-х гг., китайское руководство тем самым санкционировало увеличение разрыва в социально-экономическом развитии между приморской и остальными частями страны. В соответствии с теориями полюсов роста и кривой Кузнец-Уильямсона предполагалось, что успех восточных регионов за счёт рыночных факторов быстро распространится и на остальные части страны. Эти воззрения выразились в известных идеологемах Дэн Сяопина: «пусть одни регионы богатеют раньше, чем другие» и «разбогатевшие первыми помогают отстающим». Однако на практике за три десятилетия пропасть между регионами продолжала расти. Китайские учёные по-разному пытались объяснить, почему «спилловер-эффект» не действует вообще или слишком медленно. Чтобы решить поставленную Си Цзиньпином задачу ликвидировать бедность к 100-летию основания КПК, т.е. к 2021 г., потребовалось, не отказываясь от рыночных механизмов, усилить роль государства. Вдобавок к уже имевшимся четырём нацпрограммам по развитию западного, центрального, восточного и северо-восточного макрорегионов было принято несколько новых программ для Столичного региона, дельты р. Янцзы, дельты р. Чжуцзян («регион Большого залива»), экономического пояса р. Янцзы и пров. Хайнань. Региональное измерение имеет и глобальная инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП).

Ключевые слова: Китай, региональная политика, Си Цзиньпин, социализм с китайской спецификой, межбюджетные отношения, борьба с бедностью, «Один пояс, один путь».

Автор: Чубаров Илья Георгиевич, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Центра научной информации и документации, Институт Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-4672-6566; E-mail: ilya.chubarov@gmail.com

State-level regional development programs in China

I.G. Chubarov

Abstract. Significant interregional disparities in socio-economic development are one of the most prominent features of modern China. By initiating market reforms and integration into the global economy in the late 1970s, the Chinese leadership gave a way to the inevitable rise of the gap between best-positioned coastal areas and the rest of the country. In line with the economic theories of growth-poles and the Kuznets-Williamson regional development curve, successful development of those regions market would naturally lift the rest of the country as well. As famous Deng Xiaoping quote goes, “let some areas become reach first, then lead and help other regions”. However, 3 passed decades showed that market forces took it too long for

spillover effect to develop, if any. Chinese researches provided couple of explanations to that. After coming to power, Xi Jinping set an ideological goal to eliminate poverty by the 100th anniversary of the CPC's founding (2021). Without abandoning of market mechanisms, state strengthened its role in the resources redistribution and spatial development management. Existing 4 national programs for the development of the Western, Central, Eastern and Northeastern macro-regions continued, and a number of new ones were adopted for the Capital region (including Xiong'an New Area), the Yangtze Delta, the Zhujiang Delta (Greater Bay Area), the Yangtze economic belt and the Hainan province. The global-reaching Belt and Road Initiative has its regional inter-China dimension as well.

Keywords: China, regional policy, Xi Jinping, socialism with Chinese characteristics, budgetary relations, poverty elimination, Belt and Road Initiative.

Author: *Chubarov Ilya G.*, PhD (Geographical Science), Senior Research Fellow of the Center for Scientific Information and Records, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-4672-6566; E-mail: ilya.chubarov@gmail.com

Введение

Как и другие крупные страны, КНР сталкивается с проблемой баланса общенациональных и региональных экономических интересов. Для модернизации экономики необходимо максимально использовать выгоды географического положения и агломерационного эффекта в приморской части страны, что затрудняет поддержание приемлемого уровня неравенства. Социалистический характер государственного строя предполагает сокращение социальных и пространственных диспаритетов, ликвидацию очагов вопиющей неблагоустроенности.

В последние годы усилилась роль партии и государства в большинстве сфер социально-экономической жизни Китая. Придя к власти, Си Цзиньпин выдвинул ряд амбициозных целей, призванных продемонстрировать преимущества социалистического строя с национальной спецификой. Наиболее значимой стала задача полной ликвидации бедности к 2021 г. (100-летию образования КПК), для решения которой требуются новые инструменты региональной политики. Подходы нынешнего китайского руководства к пространственному развитию страны, за рядом исключений, не привлекают значительного внимания российских исследователей. Региональному управлению в Китае и его отдельных регионах посвящены работы Л. Кондрашовой (2007), С. Песцова (2019), В. Величко (2010), С. Иванова (2017), истории китайской регионалистики – С. Макеевой (2019), В. Величко (2020), динамике пространственного развития китайской экономики – Е. Самбуровой (2014), Н. Демьяненко и Д. Изотова (2008), В. Величко (2018).

Цель данной статьи – проанализировать региональную политику китайского государства последних 5–7 лет. Первая часть посвящена историческим предпосылкам нынешнего курса, включая выдвинутое Дэн Сяопином положение «пусть одни регионы разбогатеют раньше других, после чего “подтянут” к своему уровню отстающих». Во второй части рассматриваются нацпрограммы регионального развития.

Разбогатевшие регионы ведут за собой остальные (исторический обзор)

Провозглашённая в 1949 г., КНР унаследовала от предыдущего исторического этапа крайне неравномерную пространственную структуру. Большая часть современной промышленности концентрировалась в нескольких ареалах: тяжёлые отрасли – в южной и центральной части провинции Ляонин, лёгкое и механическое производство – в приморских центрах: Шанхай, Циндао, Уси, Гуанчжоу и др. Остальная территория, за исключением нескольких крупных городов вдоль Янцзы, таких как Ухань и Чунцин, фактически не имела промышленности. Исходя из этого, а также из угрозы внешнего вторжения, уже в первую пятилетку было решено соблюдать баланс пространственного развития, а для этого всемерно развивать внутренние регионы. В программной статье «О десяти важнейших взаимоотношениях» (1956 г.) Мао Цзэдун писал: «В целях равномерного размещения промышленности нужно всемерно развивать промышленность внутренних районов... Без всякого сомнения, большую часть новой промышленности следует располагать во внутренних районах, чтобы размещение нашей промышленности постепенно становилось равномерным и отвечало интересам подготовки на случай войны». В то же время он отмечал, что развитие внутренних районов не должно вести к упадку приморских: «Надлежащее использование и развитие имеющейся промышленной базы приморских районов умножит наши силы в деле развития и поддержки промышленности внутренних районов» [Мао: 343–344].

В русле этих идей с 1953 по 1980 гг. внутренние регионы получили порядка 55 % всех инфраструктурных инвестиций, от пятилетки к пятилетке эта доля росла и к третьей (1965–1970 гг.) составила две трети: 472 из 694 новых промышленных объектов с объёмом капитальных вложений свыше 100 тыс. юаней были построены именно во внутренней части страны.

В конце 1970-х гг. Дэн Сяопин объявил о начале рыночных реформ. Резко изменился в связи с этим региональный курс: приоритет перешёл к приморским районам, которые за счёт выгодного транспортно-географического положения и исторически наработанных связей с зарубежными китайскими диаспорами обладали наибольшим потенциалом для интеграции в мировую экономическую систему. Макроэкономическим обоснованием рациональности такого подхода послужили популярные теории о «полюсах роста» и инвертированной U-кривой, т. е. кривой Кузнецца в применении Дж. Уильямсона к региональному развитию (1965 г.) [Песцов]. В 1984 г. Дэн Сяопин разрешил идеологические разночтения, заявив, что социализм допускает ситуацию, когда одни регионы и группы жителей богатеют раньше других, после чего «подтягивают» к своему уровню отстающих. Возник новый общественно-политический договор: в обмен на обещание будущей помощи жители внутренних регионов согласились ждать, пока приморская часть выйдет на запланированную ступень развития, в качестве которой был указан подушевой ВРП в размере 800 долл. США [Мэн]. Предполагалось, что затем развитые регионы помогут отстающим, увеличив налоговые поступления через бюджетные перераспределительные механизмы, а также за счёт инвестиций местных предприятий.

Целенаправленно создавая в приморской части страны благоприятную институциональную, налоговую и инфраструктурную обстановку, за два десятилетия там удалось достичь обозначенного Дэн Сяопином уровня (800 долл. США). Отставание

остальных территорий, однако, оставалось прежним. Чтобы стимулировать их рост, в 1999 г. была принята нацпрограмма развития западных регионов, в 2004 г. – центральных, в 2006 г. – северо-восточных. Возобновление государственной поддержки отстающих районов позволило говорить о начале нового, сбалансированного этапа регионального развития.

К началу 2010-х гг. некоторые китайские учёные констатировали, что курс «разбогатевшие раньше регионы ведут за собой отстающие» столкнулся со значительными сложностями [Мэн]. С точки зрения занятости, быстрая индустриализация и рост частного сектора в приморских районах создали большое число относительно высокооплачиваемых рабочих мест для жителей внутренних частей страны, доля доходов которых действительно затем поступала в родные регионы и стимулировала местное потребление. Однако создаваемая трудовыми мигрантами прибавочная стоимость и налоговые выплаты «доставались» развитому району, а отсутствие прописки позволяло экономить на социальной защите. Кроме того, разница в оплате труда «высасывала» из менее успешных областей наиболее квалифицированные кадры, что привело к росту неравенства человеческого капитала. Не оправдались также расчёты, что разбогатевшие регионы предъявят значительный спрос на продукцию менее развитых. Наоборот, модернизация местного производства сделала успешные районы нетто-экспортёрами по отношению к остальным территориям, а глубокая интеграция в международные рынки уменьшила зависимость от сырья и минеральных ресурсов северной и западной частей Китая. Одновременно, несмотря на усилия отдельных организаций, отказ от коллективистской морали при становлении рыночной экономики значительно снизил общественный энтузиазм по развитию отстающих частей страны. Наиболее трудоинтенсивные отрасли в значительно меньших масштабах переносили производство во внутренние регионы с более дешёвой рабочей силой. Близость экспортных портов и налаженная цепочка поставок комплектующих перевешивали экономию на труде. По мере углубления международной экономической интеграции началось размещение производств в странах Южной и Юго-Восточной Азии, где оплата труда – значительно меньше, чем во внутренних районах КНР.

По подсчётам китайских экономистов, эффект экономического «спилловера» («перетекания», позитивного влияния) статистически фиксируется не далее 400 км от границ более развитых регионов. В этих пределах 10-процентный рост экономики последних приводит к увеличению выпуска на 3,4 % в менее успешных областях. В более удалённых местах такого эффекта не наблюдается [Цинь, Ян].

Пришедший к власти в 2012–2013 гг. Си Цзиньпин начал воплощать в жизнь собственную, «неосоциалистическую» повестку регионального развития [Yu]. Её ядром стала задача искоренить бедность к 100-летию КПК, т. е. к 2021 г. Исходя из недостаточной скорости и эффективности общественно-рыночных процессов в отстающих регионах, правительство задействовало широкий арсенал социально-экономических мер: финансовую поддержку через систему бюджетных трансфертов, разработку национальных региональных нацпрограмм, выстраивание системы межрегионального «шефства» и др. Мозговым центром, координирующим подготовку и реализацию региональной политики, стал Госкомитет по реформе и развитию (ГКРР), к нему добавились департаменты стратегического развития и планирования, региональной экономики, регионального развития и др.

Таблица 1. Соотношение ВРП макрорегионов КНР, 1952–2018 гг.

	1952 г.	1978 г.	2018 г.	Среднегодовые темпы прироста, 1953–2018 гг., %	Среднегодовые темпы прироста, 1978–2018 гг., %
Восток	41,9	43,6	52,6	9,4	11,3
Центр	23,8	21,6	21,1	8,1	10,3
Запад	20,7	20,9	20,1	8,6	10,3
Северо-Восток	13,7	14,0	6,2	8,1	8,9

Источник: [Гоуюань гуаньюй 2019...].

Региональные нацпрограммы

В последние годы были разработаны и приняты программы государственного уровня (нацпрограммы) развития некоторых ключевых территорий, в частности Столичного макрорегиона и экономического пояса р. Янцзы. Этот проект внесён в раздел 9 «Скоординированное региональное развитие» 13-го пятилетнего плана социально-экономического развития Китая 2016–2020 гг. – первой полностью «сицзиньпиновской» пятилетки. Позже к ним были добавлены ещё несколько.

Полный список нацпрограмм разнится. Так, в постановлении правительства о координации регионального развития указаны пять программ [Чжунгун чжунъян...]:

- «Один пояс, один путь»;
- Столичный регион (Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй);
- Экономический пояс р. Янцзы;
- Большой залив Гуандун – Гонконг – Макао;
- Провинция Хайнань.

В то же время в отчёте об исполнении бюджета за 2019 г. перечислены девять программ, на которые выделялись средства из центрального бюджета [Гоуюань гуаньюй...]:

- Большой залив Гуандун – Гонконг – Макао;
- Возрождение СВК в новую эру;
- Защита окружающей среды экономического пояса р. Янцзы;
- Скоординированное развитие Столичного макрорегиона (гг. Пекин, Тяньцзинь и пров. Хэбэй);
- Интегрированное развитие региона дельты р. Янцзы;
- Развитие нового района Сюньань пров. Хэбэй;
- Высококачественное развитие и защита окружающей среды бассейна р. Янцзы;
- Подъём экономики центрального Китая;
- Хайнаньский порт свободной торговли.

Все направления можно разделить на общенациональное скоординированное развитие четырёх макрорегионов (четыре действующие с начала 2000-х гг. подпрограммы) и пять отдельных программ для ключевых территорий. При их упоминании в правительственных документах и СМИ применяется устоявшаяся формулировка «лично задуманная, лично спланированная и находящаяся на личном контроле» Си Цзиньпина (亲自谋划、亲自部署、亲自推动).

Развитие западных районов (西部大开发) – первая по времени появления (1999 г.) и наиболее масштабная из всех. Пространственный охват включает в себя 12 административных единиц полностью. В их числе: Внутренняя Монголия, Гуанси, Чунцин, Сычуань, Гуйчжоу, Юньнань, Тибет, Шэньси, Ганьсу, Цинхай, Нинся, Синьцзян (включая Синьцзянский производственно-строительный корпус). Ключевая мера – снижение ставки налога на прибыль с 25 % до 15 %. Помимо упомянутых регионов, под действие норм подпадают четыре территории за их пределами: Сянси-туцзя-мяоский автономный округ (пров. Хунань), Эньши-туцзя-мяоский автономный округ (пров. Хубэй), Яньбянь-корейский автономный округ (пров. Цзилинь) и городской округ Ганьчжоу (пров. Цзянси) [Чжунгун чжунъян Гоуюань гуаньюй...]. За двадцать лет с начала реализации программы доля западных районов в ВВП увеличилась на 2 п. п. и достигла 20 %. Доля бедного населения сократилась с 17,6 % в 2012 г. до 3,2 % в 2018 г. [Чжунда чжаньюэ...].

Целью второй по времени появления (2003 г.) макрорегиональной подпрограммы стало **возрождение (ревитализация) старопромышленной базы северо-восточного и других регионов Китая (东北等老工业基地振兴)**. Пространственный охват – три северо-восточные провинции, а также прилегающая восточная часть Внутренней Монголии (городские округа Чифэн, Тунляо, Хулун-Буир, аймаки Хинган и Шилин-Гол). Это наиболее проблемная часть страны с точки зрения региональной политики. Несмотря на относительно высокий уровень образования и социальной инфраструктуры, территория уже долгое время находится в экономическом и демографическом кризисе. Материальное и институциональное наследие массовой индустриализации советского типа затрудняет работу местных предприятий и властей в новых рыночных условиях, ухудшает инвестиционный климат. На это накладывается значительное количество ресурсно-ориентированных городов, а также невыгодное периферийное приграничное расположение большей части территории. Главное направление мер – модернизация существующей тяжёлой промышленности, включая реформу госпредприятий и поддержку частного сектора, а также интеграция в мировую экономику [Чжунгун чжунъян Гоуюань гуаньюй...]. Несмотря на усилия государства, за 2012–2018 гг. доля СВК в ВРП КНР уменьшилась с 8,7 % до 6,2 %, а постоянное население сократилось на 1,4 млн человек. С 2019 г. центральное правительство стало выделять на развитие региона по 5 млрд юаней ежегодно.

Подпрограмма по подъёму Центрального Китая (中部地区崛起) охватывает шесть провинций: Хэнань, Хубэй, Хунань, Цзянси, Аньхой и Шаньси. Выдвинутая в 2004 г., она начала реализовываться с 11-й пятилетки. Основные цели – индустриализация региона, развитие потребительской экономики и агломерационного эффекта местных городских центров. Доля центральных территорий в добавленной стоимости промышленного производства с 12,7 % в 2006 г. увеличилась до 25 % в 2018 г. [Чжунда чжаньюэ...].

Опережающее развитие восточной части (东部地区率先发展), в которую входят Хэбэй, Пекин, Тяньцзинь, Шаньдун, Цзянсу, Шанхай, Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун и Хайнань, находилось в фокусе китайской региональной политики с начала реформ. В 1980 г. в этой части страны были созданы 4 особые экономические зоны, в 1985 г. для международной торговли и инвестиций открыты 14 приморских городов. Чтобы ускорить развитие этих районов, государство использовало такие меры поддержки, как снижение налога на прибыль, передачу полномочий по утверждению инвестиционных проектов,

облегчение валютного и финансового контроля. В настоящее время в соответствующих документах подчёркивается необходимость инноваций, технического перевооружения, привлечения высококвалифицированных специалистов из-за рубежа, выработки и апробации мер, которые потом можно распространить на остальные регионы.

Стратегия скоординированного развития Столичного региона (京津冀协同发展) выдвинута в период нахождения у власти Си Цзиньпина в 2014–2015 гг., её генплан принят в 2016 г. Территориальный охват – Пекин, Тяньцзинь и Хэбэй. Основное содержание – интенсивное развитие одной из наиболее бедных среди всех приморских пров. Хэбэй за счёт передислокации из Пекина организаций «нестолчных» отраслей (промышленности, оптовой торговли, складских и логистических центров).

В рамках этого плана действует ещё одна нацпрограмма – **развитие нового района национального уровня Сюньань (雄安新区)**. Он был создан в 2017 г. на территории пров. Хэбэй в равном удалении 100 км от Пекина и Тяньцзиня. Общая площадь – 1770 км², в состав вошли части городских округов Баодин и Цанчжоу. Сюньань позиционируется как северный «ответ» Шэньчжэню и Шанхаю, долгосрочная стратегия «на тысячу лет», город с самыми современными условиями для жизни. Территория сильно заболочена, здесь находится одно из крупнейших озёр – Байяндянь. В настоящее время начато частичное осушение района и его застройка. В 2018 г. провинциальным правительством принят план развития до 2035 г. [Хэбэй Сюньань...]. На финансирование этой программы центральное правительство в 2018 г. выделило 5 млрд юаней, в 2019 и 2020 гг. – по 10 млрд.

Программа развития экономического пояса р. Янцзы (长江经济带) принята в 2016 г. и охватывает огромную территорию, на которую приходится порядка 40 % ВРП всего КНР. Это Шанхай, Цзянсу, Чжэцзян, Аньхой, Цзянси, Хубэй, Хунань, Чунцин, Гуйчжоу, Сычуань и Юньнань. Программа делает упор на улучшение экологической обстановки и развитие новых центров роста. Китайские планировщики выделяют три крупных городских агломерации: дельта р. Янцзы (центр в Шанхае, по своему масштабу может считаться мегалополисом), центральное течение (центр в г. Ухань) и верхнее течение (Чунцин-Чэнду). Река протекает через западные, центральные и восточные районы страны, что открывает дополнительные возможности по межрегиональному сотрудничеству и перетоку факторов развития. Секретариат малой руководящей группы находится в составе департамента по развитию инфраструктуры ГКРР.

Новая **программа развития дельты р. Чжуцзян (регион Большого залива Гуандун – Гонконг – Макао (粤港澳大湾区))** впервые выдвинута в ежегодном докладе правительства за 2017 г., тогда же подписано рамочное соглашение о сотрудничестве между ГКРР и правительствами трёх регионов. Подготовленный генплан опубликован в 2019 г. В программе участвуют специальные административные районы Гонконга и Макао и 9 городских округов провинции Гуандун: Гуанчжоу, Шэньчжэнь, Дунгуань, Хуйчжоу, Фошань, Чжуншань, Чжухай, Цзянмэнь и Чжаоцин. Ставка сделана на синергетический эффект, который ускорит развитие этого мегалополиса. Основные задачи проекта – поиск институциональных и технологических путей преодоления структурных ограничений курса «одна страна – две системы», для бизнеса и жителей – снижение издержек, связанных с различиями в валютных, таможенных и правовых системах трёх юрисдикций. Другая задача – увеличить уровень инфраструктурной обеспеченности региона, наращивать

строительство транспортных объектов. Есть и внутривосточное измерение – поиск путей экономически «бесшовной» интеграции Гонконга и Макао в экономику и общество материкового Китая.

Внутри пространства «Большого залива» с 2019 г. параллельно осуществляется **нацпрограмма по развитию Шэньчжэня** как пилотной образцово-показательной зоны социализма с китайской спецификой (中国特色社会主义先行示范区). Этому статусу город был удостоен к своему 40-летию. Шэньчжэнь – витрина китайских рыночных реформ, правительство которого имеет по многим вопросам значительную автономию от пров. Гуандун и управляется напрямую из Пекина. В 2020 г. был опубликован генплан до 2025 г., его основная задача – поддержание высоких темпов инновационного развития и дальнейшее улучшение бизнес-климата.

В 2018 г. набор региональных программ национального уровня дополнился пров. Хайнань. В ходе визита на остров в апреле 2018 г. Си Цзиньпин распорядился придать провинции статус порта свободной торговли (海南自贸港) и проработать меры поддержки, в 2020 г. был опубликован генплан. Новый курс в отношении пров. Хайнань развивает идеи, которые были сформулированы при выделении острова из состава пров. Гуандун в самостоятельную провинцию и наделении её статусом особой экономической зоны в конце 1980-х гг. Время показало, что эти меры не смогли в полной мере преодолеть существующие препятствия к развитию острова (изолированное положение, относительно небольшое население, его низкий образовательный и материальный уровень, слабая вовлеченность национальных меньшинств и др.). В рамках курса на свободу внешней торговли к 2025 г. пров. Хайнань будет выделена в независимую таможенную территорию с практически нулевой ставкой импортных пошлин. Ввезённое сырьё можно будет также беспошлинно перевозить в остальные части КНР при условии его переработки, что должно привлечь на остров крупные промышленные компании. Другие направления развития провинции – модернизация инфраструктуры, привлечение высококвалифицированных специалистов, развитие авиационного и морского транспорта, туризма, медуслуг и т. д. В ряду наиболее перспективных частей острова: гг. Хайкоу и Санья (на севере и юге соответственно), порт Янпу на западном побережье и посёлок Боао (г. Цюньхай) – на восточном. На весь проект центральное правительство, начиная с 2018 г., ежегодно выделяет по 10 млрд юаней.

Программа комплексного развития и защиты окружающей среды бассейна реки Хуанхэ (黄河流域生态保护和高质量发展) была анонсирована в 2019 г. во время визита Си Цзиньпина в Чжэнчжоу, пока генплан находится на разработке в ГКРР. Упор делается на борьбу с бедностью и повышение экологической устойчивости местного хозяйства.

В числе программ регионального развития начиная с 2013 г. всегда упоминается и инициатива «Один пояс, один путь». Это не «классический» пример таких проектов, а сложный комплекс взаимосвязанных или самостоятельных мероприятий по выстраиванию замкнутых на Китай цепочек добавленной стоимости и усиления «мягкой силы» [Чубаров, 2018, 2019]. В числе прочего можно выделить и внутрикитайское измерение, где задействованы в основном три группы регионов. Первая – западная часть страны, через которую проходят новые сухопутные транспортные маршруты, соединяющие Китай с ЕС и ЕАЭС. Вторая – восточные приморские области, развивающие морскую логистику и имеющие также тесные связи с китайской диаспорой за рубежом. Также компании из этих

регионов глубже других вовлечены в подрядно-строительную коммерческую деятельность в развивающихся странах. Третья группа включает в себя все приграничные районы, которые считаются участниками ОПОП, т. к. на их территории наблюдается трансграничная активность. Эти области могут рассчитывать на большую бюджетную и политическую поддержку, которая позволит им расширить свою международную деятельность. Секретариат малой руководящей группы по ОПОП находится в составе департамента региональной интеграции.

Заключение

19-й съезд КПК в 2018 г. сформулировал основное противоречие текущего этапа построения социализма в КНР как «противоречие между постоянно растущим стремлением народа к повышению уровня жизни и несбалансированным и неадекватным развитием». В глазах китайского руководства межрегиональное неравенство как составной элемент социального расслоения остаётся одним из препятствий к достижению статуса сильной социалистической державы. Переход от экспортно-ориентированного роста к экономической модели, основанной на внутреннем потреблении, несёт с собой риск сохранения сложившейся пространственной конфигурации и вынуждает центральное руководство прикладывать больше усилий для его нивелирования.

После прихода к власти Си Цзиньпина государство активизировало региональную политику, ставшую следствием недостаточно эффективных рыночных механизмов. Опыт предыдущих десятилетий показал, что рост благосостояния в приморских провинциях не «потянул» за собой развитие внутренних территорий. В формуле Дэн Сяопина о разбогатевших регионах, которые помогут отстающим, Си Цзиньпин переставил акцент с первой части на вторую. Итогом стала концепция «всеобщего процветания», идеологически обусловленная тем, что в социалистической стране несколько поколений не могут быть заложниками «естественного хода событий», а государство должно ликвидировать бедность в отсталых районах при первой же возможности путём более масштабного бюджетного перераспределения.

Новый этап отмечен инновационным подходом к разработке программ регионального развития. Традиционно китайские планировщики выделяли три класса мер региональной политики, а именно: меры, направленные на развитие целых макрорегионов, а также зон с особым (преференциальным) режимом хозяйствования и особых территорий (бедных, с истощившимися ресурсами, особо охраняемых районов и др.). В правление Си Цзиньпина добавилось четвёртое измерение – нацпрограммы регионального развития. Были сохранены четыре макрорегиональные, а в ответ на вызовы времени инициированы новые программы развития: столичного и хайнаньского регионов, дельты р. Чжуцзян, а также международный проект «Один пояс, один путь», имеющий региональную компоненту.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Величко В.В. «Первая волна» трансформаций в регионалистике Китая периода реформ // 40 лет экономических реформ в КНР. Отв. ред. А.В. Островский. М.: ИДВ РАН. 2020. С. 295–315.

Величко В.В. Внутренние районы Китая в контексте его региональной стратегии // Мировое и национальное хозяйство: электронный журнал. 2010. № 3 (14). URL: <https://mirec.mgimo.ru/2010/2010-03/vnutrennie-rajony-kitaya-v-kontekste-ego-regionalnoj-strategii> (дата обращения: 05.11.2020).

Величко В.В. Некоторые черты и итоги регионального развития КНР за 40 лет реформ (1978–2018 гг.) // Актуальные проблемы развития КНР в процессе её регионализации и глобализации. Под ред. Т.Н. Кучинской и В.С. Морозовой. Чита: ЗабГУ. 2018. С. 16–29.

Гоуюань гуаньюй 2019 нянь чжуньян цзюэсюань дэ баогао : [Госсовет КНР. Доклад об исполнении бюджета за 2019 г.]. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202006/c6b4e1f6afa348dc8ea9e020dd1ebb80.shtml> (дата обращения: 05.11.2020). (На кит.).

Гуаньюй яньсюй сибу дакайфа цие содэшуй чжэнцэ дэ баогао : [Госсовет КНР. Объявление о продлении особого режима ставки подоходного налога для предприятий в рамках развития западной части Китая]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2020-04/28/content_5506990.htm (дата обращения: 05.11.2020). (На кит.).

Демьяненко А.Н., Изотов Д.А. Территориальная организация экономики КНР и проблема экономического районирования // Пространственная экономика. 2008. № 1. С. 43–61.

Иванов С.А. Северо-Восток в региональной политике центрального правительства Китая в 2000–2010-е гг. // Россия и АТР. 2017. № 4. С. 47–68.

Кондрашова Л.И. Современная региональная политика КНР. М.: Институт экономики РАН, 2007.

Лян Цзяньфэн. Мао Цзэдун цююй цзинци цзюньхэнхуа фачжань чжаньлюэ цзяньлунь : [Краткое изложение стратегии Мао Цзэдуна по выравниваю развития региональной экономики] // Вестник Шансийского сельскохозяйственного университета (социальные науки). 2008. № 1. С. 55–57, 64. (На кит.).

Макеева С.Б. Проблемы неравномерного развития Китая в работах китайских учёных-регионоведов // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 1. С. 225–236.

Мао Цзэдун. О десяти важнейших взаимоотношениях / Избранные произведения. Т. 5. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1977. 637 с.

Мэн Хуэй. Цунь «сяньфу» дайдун «хоуфу» цзюду цзеси цююй гунтун фууюй куньцзин : [Анализ сложностей достижения регионами всеобщего благосостояния в свете концепции «разбогатевшие регионы ведут за собой отстающие»] // Вестник Юго-Западного Университета (социальные науки). 2013. № 4. (На кит.).

Песцов С.К. Управление региональным развитием: опыт Китая // Фундаментальные исследования. 2019. № 10. С. 57–63.

Самбурова Е.Н. Региональные диспропорции современного развития экономики Китая // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2014. № 4. С. 49–55.

Хэбэй Сюньань синьцюй гуйхуа ганьяо : [Правительство района Сюньань. Программа развития нового района Сюньань провинции Хэбэй]. URL: http://www.xiongan.gov.cn/2018-04/21/c_129855813.htm (дата обращения: 05.11.2020). (На кит.).

Цинь Чэнлинь, Ян Ся. Сяньфу дицюй дайдун лэ цита дицюй гунтун фууюй ма цзюй кунцзянь вайи сяоин дэ фэнси : [Повели ли раньше разбогатевшие регионы за собой

остальные? Анализ эффекта пространственного спилловера] // Экономика промышленности Китая. 2017. № 10. С. 41–66. (На кит.).

Чжунго дэ цююй чжэнцэ хэ цююй фачжань хуэйгу юй цяньчжань : [Пресс-канцелярия Госсовета КНР. Исторический обзор и перспективы на будущее регионального развития и региональной политики Китая]. URL: <http://www.scio.gov.cn/ztk/xwfb/04/5/Document/542304/542304.htm> (дата обращения: 05.11.2020). (На кит.).

Чжунгун чжунъян Гоуюнь гуаньюй цюаньянь чжэньсин дунбэй дицюй дэн лао гунье цзиди дэ жогань ицзянь : [ЦК КПК, Госсовет КНР. Некоторые мнения о всестороннем возрождении старопромышленных баз в северо-восточной и других частях Китая] // Сайт Госсовета КНР. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2016-04/26/content_5068242.htm (дата обращения: 05.11.2020). (На кит.).

Чжунгун чжунъян Гоуюань гуаньюй цяньли гэнцзя юсяо дэ цююй сетяо фачжань синь цзичжи дэ ицзянь : [ЦК КПК, Госсовет КНР. Мнение о создании нового, более эффективного механизма координации регионального развития]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2018-11/29/content_5344537.htm (дата обращения: 05.11.2020). (На кит.).

Чжунда чжаньюэ чжаши туйцзинь, цююй фачжань чэнсяо сяньчжу – Синь Чжунго чэнли 70 чжоуньянь цзинци шэхуэй фачжань чэнцзю силе баогао чжи ши ба : [ГСУ КНР. Серия докладов о достижениях социально-экономического развития в честь 70-летия основания нового Китая. Доклад 18. Результаты регионального развития]. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201908/t20190819_1691881.html (дата обращения: 05.11.2020). (На кит.).

Чубаров И.Г. Пять составляющих внешнеэкономического курса Китая «Один пояс, один путь» // Международная аналитика. 2018. № 3. С. 45–56.

Chubarov Ilya. Challenges and opportunities for the spatial development of Eurasia under the BRI: the case of the Eurasian Economic Union // *Area Development and Policy*. 2019. Vol. 4. No. 1. P. 81–97. DOI: 10.1080/23792949.2018.1527181 (На англ.).

Yu Hong. Regional Development in China: Xi Jinping's Agenda and the Challenges // *China: An International Journal*. 2018. Vol. 16. No. 3. P. 179–199. (На англ.).

REFERENCES

Chubarov I.G. (2018). Pyat' sostavlyayushchikh vneshneekonomicheskogo kursa Kitaya «Odin poyas, odin put'» [Five components of Chinese foreign economic policy of BRI], *Mezhdunarodnaya analitika*, 3: 45–56. (In Russian).

Chubarov I.G. (2019). Challenges and opportunities for the spatial development of Eurasia under the BRI: the case of the Eurasian Economic Union, *Area Development and Policy*, vol. 4, 1: 81–97. DOI: 10.1080/23792949.2018.1527181.

Dem'yanenko A.N., Izotov D.A. (2008). Territorial'naya organizatsiya ekonomiki KNR i problema ekonomicheskogo rayonirovaniya [Spatial organization of Chinese economy and a problem of dividing in economic regions], *Prostranstvennaya ekonomika*, 1: 43–61. (In Russian).

Guanyu yanxu xibu dakaifa quye suodeshui zhengce de gonggao [State Council of China. On prolongation of special income tax rate regime for enterprises under the Developing West policy].

URL: http://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2020-04/28/content_5506990.htm (accessed: 5 November 2020). (In Chinese).

Guowuyuan guanyu 2019 nian zhongyang juesuan de baogao [State Council of China. Central budgetary report 2019]. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202006/c6b4e1f6afa348dc8ea9e020dd1ebb80.shtml> (accessed: 5 November 2020). (In Chinese).

Hebei Xiongan xinqu guihua gangyao [Xiongan Government. Hebei Province Xiongan New Area Development Plan]. URL: http://www.xiongan.gov.cn/2018-04/21/c_129855813.htm (accessed: 5 November 2020). (In Chinese).

Ivanov S.A. (2017). Severo-Vostok v regional'noy politike tsentral'nogo pravitel'stva Kitaya v 2000–2010-e gg. [Regional policy of Chinese government towards the North-East in 2000s and 2010s], *Rossiya i ATR*, 4: 47–68. (In Russian).

Kondrashova L.I. (2007). Sovremennaya regional'naya politika KNR [Regional policy in modern China], Moscow: Institute of Economics RAS, 2007. (In Russian).

Liang Jianfeng (2008). Mao Zedong quyu jingji junhenghua fazhan zhanlue jianlun [Briefing Mao Zedong's Strategy of Balanced Development of Regional Economy], *Journal of Shanxi Agric. Univ. (Social Science Edition)*, 7 (1): 55–57, 64. (In Chinese).

Makeyeva S.B. (2019). Problemy neravnomernogo razvitiya Kitaya v rabotakh kitayskikh uchenykh-regionovedov [Problems of uneven development of China in the works of Chinese area studies scholars]. *Vestnik VolGU. Seriya 4, Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya*, 24 (1): 225–236. (In Russian).

Mao Zedong (1977). O desyati vazhneyshikh vzaimootnosheniyakh. Izbrannyye proizvedeniya [About the ten most important relationships. Selected works], vol. 5. Beijing: Publishing house of literature in foreign languages, 1977, 637 p. (In Russian).

Meng Hui (2013). Cong “xianfu” daidong “houfu” jiaodu jiexi quyu gongtong fuyu kunjing [Problems of joint regional development in China in the light of conception of “getting rich first regions” lead “getting reach later regions”], *Journal of Southwest University (Social Sciences Edition)*, vol. 39 (4). (In Chinese).

Pestsov S.K. (2019). Upravleniye regional'nym razvitiyem: opyt Kitaya [Regional development management: China experience], *Fundamental'nyye issledovaniya*. 10: 57–63. (In Russian).

Qin Chenglin, Yang Xia (2017). Xianfu diqu daidong le qita diqu gongtong fuyu ma — jiyu kongjian waiyi xiaoying de fenxi [Have the Earlier Prosperous Regions Driven the Other Regions to be Rich? – A perspective of Spatial Spillover Effects], *Chinese Journal of Industrial Economics*, 10: 41–66. (In Chinese).

Samburova E.N. (2014). Regional'nyye disproportsii sovremennogo razvitiya ekonomiki Kitaya [Regional disparities in the present day development of China's economy], *Vestnik Moskovskogo universiteta, series 5: Geography*, 4: 49–55. (In Russian).

Velichko V.V. (2010). Vnutrenniye rayony Kitaya v kontekste ego regional'noy strategii [Inland regions of China in the Framework of Its Regional Strategy], *Mirovoye i natsional'noye khozyaystvo: elektronnyy zhurnal*, vol. 3 (14). URL: <https://mirec.mgimo.ru/2010/2010-03/vnutrennie-rajony-kitaya-v-kontekste-ego-regionalnoj-strategii> (accessed: 5 November 2020). (In Russian).

Velichko V.V. (2018). Nekotoryye cherty i itogi regional'nogo razvitiya KNR za 40 let reform (1978–2018 gg.) [Some Features and Results of Regional Development of China During 40 Years of Reforms and Openness Policy (1978–2018)], *Aktual'nyye problemy razvitiya KNR v protsesse eyë regionalizatsii i globalizatsii*, Chita: ZabGU: 16–29. (In Russian).

Velichko V.V. (2020). “Pervaya volna” transformatsiy v regionalistike Kitaya perioda reform [“The first wave” of transformations in China's regionalism during reform period], *40 let Ekonomicheskikh reform v KNR* [40 years of Economic reforms in China], ed. by A.V. Ostrovskii, Moscow: IFES RAS: 295–315. (In Russian).

Yu Hong. (2018). Regional Development in China: Xi Jinping's Agenda and the Challenges, *China: An International Journal*, vol. 16, 3: 179–199.

Zhongda zhanlue zhashi tuijin, quyu fazhan chengxiao xianzhu – xin Zhongguo chengli 70 zhounian jingji shehui fazhan chengjiu xilie baogao zhi shi ba [Statistic Bureau of China. Series of reports commemorating the 70th anniversary of founding of New China. Report 18. Strategy of regional development]. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201908/t20190819_1691881.html (accessed: 5 November 2020). (In Chinese).

Zhonggong zhongyang Guowuyuan guanyu quanmian zhenxing dongbei diqu deng lao gongye jidi de ruogan yijian [CC CPC, State Council of China. Some Opinions on full scale revival of old industrial bases in north-eastern and other parts of China]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2016-04/26/content_5068242.htm (accessed: 5 November 2020). (In Chinese).

Zhonggong zhongyang Guowuyuan guanyu jianli gengjia youxiao de quyu xietiao fazhan xin jizhi de yijian [CC CPC, State Council of China Opinion on establishing new, more effective regional development coordination mechanism]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2018-11/29/content_5344537.htm (accessed: 5 November 2020). (In Chinese).

Zhongguo de quyu zhengce he quyu fazhan huigu yu qianzhan [Press Office of State Council of China. Historical overview and future prospective of regional development and regional policies in China]. URL: <http://www.scio.gov.cn/ztk/xwfb/04/5/Document/542304/542304.htm> (accessed: 5 November 2020). (In Chinese).

Поступила в редакцию 09.11.2020

Received 9 November 2020

Для цитирования: Чубаров И.Г. Госпрограммы регионального развития КНР в историческом контексте // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 4. С. 21–33. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10022

For citation: Chubarov I.G. (2020). Gosprogrammy regional'nogo razvitiya KNR v istoricheskom kontekste [State-level regional development programs in China], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2020, 4: 21–33. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10022

DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10023

Куда пойдёт политика Японии в сфере безопасности после смены администраций в Токио и Вашингтоне?

Д.В. Стрельцов

Аннотация. Приход к власти кабинета Суга Ёсихидэ в Японии в сентябре 2020 г. и избрание Дж. Байдена президентом США в ноябре 2020 г. могут внести существенные коррективы в политику Токио в области безопасности. Акцент на глобальной повестке дня заставит Байдена активизировать диалог с Китаем, а это может нанести ущерб японо-американским отношениям в сфере безопасности. С другой стороны, новый американский лидер не станет менять обозначившуюся при Трампе «ястребиную» политику по отношению к Китаю, а поэтому у Японии нет веских причин для беспокойства. В любом случае Япония продолжит делать ставку на Договор безопасности с США, укреплять диалоговые отношения в этой сфере с Индией, Австралией и иными «близкими по духу» демократиями, развивать политический диалог с Китаем и Россией. Каковы будут приоритеты этой политики и проявится ли в ней крен в ту или иную сторону, говорить пока рано.

Ключевые слова: Япония, политика в области безопасности, «Четвёрка», Суга Ёсихидэ, видение Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона, близкие по духу демократии, гарантии безопасности, Джо Байден.

Авторы: Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра японских исследований, Институт Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32); заведующий кафедрой востоковедения МГИМО МИД России. ORCID: 0000-0001-7177-2831; E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Where will Japan's security policy go after the change of administrations in Tokyo and Washington?

D.V. Streltsov

Abstract. The rise to power of the Suga Cabinet in Japan in September 2020 and the victory of J. Biden in the U.S. presidential elections in November 2020 will have a considerable impact on Tokyo's security policy. According to one view, a focus on the global agenda would force Biden to step up dialogue with China, which could damage the Japan-U.S. security relations. Others say that Biden will not correct the «hawkish» policy towards China that has emerged under D. Trump, and therefore Japan has no good reason for concern. In its security policy Japan will in any case continue to rely on the Security Treaty with the United States, strengthen security dialogue with India, Australia and other «like-minded» democracies, and develop political dialogue with China and Russia. However, it is too early to ascertain what will be the priorities of this policy and will there be a tilt in any direction.

Keywords: Japan, security policy, the Quad, the vision of a Free and open Indo-Pacific region, like-minded democracies, security guarantees, Joe Biden.

Author: *Streltsov Dmitry V.*, Doctor of Sciences (History), Professor, Leading Research Fellow of the Center for Japanese Studies, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation); Head of Afro-Asian Department, MGIMO University. ORCID: 0000-0001-7177-2831; E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Большой исследовательский интерес представляет современная политика Японии в военной сфере. Во второй половине 2020 г. произошло два значимых события, которые могут внести существенные коррективы в стратегию Токио в области безопасности, да и во всю его внешнюю политику в целом.

Во-первых, это формирование кабинета Суга Ёсихидэ, сменившего на посту премьера Абэ Синдзо, который занимал эту должность рекордный по продолжительности срок – почти девять лет. И хотя Суга считается близким к Абэ политиком (в кабинетах последнего он был генеральным секретарём кабинета министров) и по этой причине, вероятно, не станет что-то радикально менять во внешнеполитической линии, определённые коррективы, связанные с личным политическим стилем нового премьера, по всей видимости, будут неизбежными.

Во-вторых, это выборы в США, на которых победил кандидат от Демократической партии Дж. Байден. Приход в Белый дом президента, представляющего иную политическую философию по сравнению с республиканцем Д. Трампом, означает новую реальность и вызовы для ключевого союзника США в Восточной Азии, каковым является Япония.

В настоящей статье сделана попытка оценить эту реальность и проанализировать факторы, которые будут влиять на политику администрации Суга в области безопасности в ближней перспективе.

Поиск золотой середины в отношениях с США и Китаем

Япония на протяжении двух последних десятилетий сталкивается с двумя системными вызовами: военным подъёмом Китая и ракетно-ядерной программой КНДР. Китайская Народная Республика, представляющая авторитарную модель государственной власти, кажется Японии вызовом, в меньшей степени в плане мировоззренческих ценностей (несоответствие «стандартам демократии»), а в большей – в контексте прямых угроз национальной безопасности, прежде всего в военной сфере. Токио рассматривает Китай и как ревизионистскую державу, которая стремится к региональному превосходству в Восточной Азии, и как угрозу территориальной целостности Японии, что связано с конфликтом двух стран вокруг островов Сэнкаку/Дяюйдао. Другой вызов национальной безопасности – ситуация на Корейском полуострове. В Токио остро ощущают опасность со стороны ядерного потенциала КНДР, прежде всего в связи с тем, что северокорейские ракеты средней дальности с ядерными боеголовками могут держать Японию под прицелом.

С указанными вызовами связаны произошедшие в 2000–2010-е гг. качественные изменения в военном строительстве Японии, особенно ощутимые при кабинетах Абэ (2012–2020 гг.). Был увеличен военный бюджет, принято новое законодательство в сфере национальной безопасности и два плана государственной обороны (2014 и 2019 гг.), создан новый орган внешнеполитического и военного планирования – Совет национальной безопасности, скорректированы приоритеты военного сотрудничества с США – ключевым

союзником Японии, – которые нашли отражение в Основных направлениях сотрудничества в области национальной обороны в редакции 2015 г. После прихода в 2016 г. на пост президента США Д. Трампа, с которым Абэ установил тесные личные отношения, союзнические контакты с Америкой на фоне ужесточения американо-китайской конфронтации стали эволюционировать в направлении полноценного военного альянса, в котором стороны несут равноценные обязательства по отношению друг к другу [Швыдко, Ключева].

Со второй половины 2000-х гг. во внешнеполитической стратегии Японии в области национальной безопасности, помимо традиционного курса на укрепление взаимодействия с Америкой, обозначился вектор в сторону развития сетевых форматов отношений с «близкими по духу демократиями», озабоченным стремительным изменением в бассейнах Тихого и Индийского океанов стратегического баланса сил в пользу Китая. В 2007 г. по инициативе японского премьер-министра С. Абэ был запущен Четырёхсторонний диалог по вопросам безопасности («Четвёрка», или Quad) с участием Японии, США, Индии и Австралии. Группа распалась примерно через год после выхода из неё Австралии на фоне проявившихся у участников разногласий по поводу целей и задач данного формата. Однако несмотря на отсутствие многостороннего диалога, двусторонние соглашения по вопросам безопасности между странами «Четвёрки» продолжали заключаться. Например, Япония подписала совместные декларации о сотрудничестве в области безопасности с Австралией (март 2007 г.) и Индией (октябрь 2008 г.).

Курс на укрепление отношений в области безопасности с членами «Четвёрки», как с Австралией, так и с Индией, в 2009–2012 гг. продолжали кабинеты Демократической партии Японии (ДПЯ), несмотря на высветившиеся противоречия с США по поводу плана передислокации американской военной базы на Окинаве. С Австралией в мае 2010 г. было заключено Соглашение о закупках и обслуживании военной продукции (Acquisition and Cross-servicing Agreement, ACSA), а также Соглашение об информационной безопасности. Первый документ, в частности, позволяет военнослужащим двух стран обмениваться наиболее распространёнными видами военной и стратегической продукции, включая топливо, транспорт, боеприпасы и боевую технику. В ходе визита в Индию премьер-министр Хатояма Юкио (2009–2010 гг.) подписал с премьер-министром Манмоханом Сингхом совместное заявление «Новый этап японо-индийского стратегического и глобального партнёрства». Силы самообороны Японии и ВМС Индии в июне 2012 г. провели первые совместные военно-морские учения.

С июня 2015 г. по декабрь 2017 г. между Японией, Австралией и Индией прошли четыре трёхсторонние встречи по вопросам безопасности. Потребность в усилении политической координации политики трёх стран и США в данной сфере, связанная с растущим в Токио алармизмом относительно напористого укрепления Китаем военного и политического лидерства в регионе, стало основной причиной возрождения «Четвёрки» в 2017 г. Оживление формата нередко связывают с активной позицией японского премьера Абэ Синдзо, который в публикациях и выступлениях призывал «демократических коллег» к сдерживанию КНР путём тесного сотрудничества на морском пространстве от Индийского океана до западной части Тихого [Лебедева: 57].

Вместе с тем, добиваясь укрепления союзнических отношений, Япония продолжает стремиться к сохранению стабильных связей с Китаем. С возвращением к власти в 2012 г. администрации Абэ Япония сделала в отношении Поднебесной ряд шагов, направленных на

нормализацию политического сотрудничества, серьёзно ухудшившегося в период кабинетов ДПЯ в 2010–2012 гг. С 2013 г. был возобновлён политический диалог между государствами, а с 2017 г. Япония перестала критиковать китайскую инициативу «Один пояс, один путь» (ОПОП) и в 2018 г. договорилась сотрудничать с Пекином в проведении совместных инфраструктурных проектов, правда, без упоминания ОПОП. В середине 2018 г. Токио перестал называть «стратегией» выдвинутую им ранее, очевидно, в противовес «Поясу и пути», концепцию «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», и вместо этого стал использовать термин «видение», что, по всей вероятности, было призвано смягчить впечатление о её откровенно антикитайской направленности.

Особая позиция Японии не изменилась и после прихода к власти в США в 2017 г. республиканской администрации Д. Трампа, взявшей курс на конфронтацию с Китаем. Япония в геополитическом отношении находилась на стороне Штатов и не стеснялась заявить об этом публично. Однако это не означало, что Токио по китайскому вопросу во всем следовал позиции Вашингтона. Иными словами, даже полагаясь на американские гарантии безопасности, в том числе ядерные, Япония стремилась к тому, чтобы её курс в китайском направлении полностью не отождествлялся с американским.

Вместе с тем достижение двоякой цели – развить диалоговые и союзнические форматы, нацеленные на сдерживание Китая, и одновременно сохранить с ним стабильные дружественные отношения, – требовало особого искусства лавирования по мере ужесточения американо-китайского противостояния, особенно во второй половине президентства Трампа. Поиск золотой середины – цельной и последовательной стратегии по отношению к Пекину, которая бы носила непротиворечивый характер, становился для Токио задачей всё более сложной, если не сказать неразрешимой.

В 2020 г. среда безопасности вокруг Японии продолжала ужесточаться. В Восточной Азии американо-китайская конфронтация в военно-политической сфере активно проявляла себя в течение всего года. Беспокойство США и их союзников усугублялось китайским противодействием доступу к акваториям Восточно-Китайского моря и Западной части Тихого океана.

Китай продолжал активно демонстрировать миру результаты технической модернизации вооружённых сил. Были сделаны пуски новых видов ракет (Dongfeng-41 и Dongfeng-17), созданы новые подводные лодки, способные нести ядерные баллистические ракеты [Hanson]. Китайские палубные истребители и авианосцы на протяжении последних нескольких лет активно курсировали через пролив Мияко к югу от Японии. В апреле 2020 г. китайский авианосец «Ляонин» и пять эсминцев и фрегатов с управляемыми ракетами пересекли пролив и вышли в Тихий океан, что вызвало в Токио ощущение прямой военной угрозы [Aoyama]. В опубликованной в июле 2020 г. в Японии «Белой книге по обороне» недвусмысленно указывалось на появление новых вызовов безопасности в регионе, где «сосредоточены военные силы высокого качества и количества» [Defense of Japan: 1].

Поводом для особой тревоги явилась для Японии напряжённость вокруг островов Сэнкаку. С апреля 2020 г. суда береговой охраны Китая заходили в прилежащие к островам акватории Восточно-Китайского моря практически ежедневно. В июле 2020 г. Япония подала протест КНР против появления в территориальных водах близ Сэнкаку китайских судов, задержавшихся там более 39 часов, что стало рекордом по длительности с тех пор, как Япония национализировала острова в 2012 г. [Aoyama]. Не осталось незамеченным в Токио и

то, что Пекин опубликовал в ноябре 2020 г. законопроект, который даёт судам его береговой охраны право открывать огонь по иностранным плавательным средствам, участвующим в «незаконной деятельности» в водах, на которые претендует Китай [Denyer, Dou].

Напряжённость также нарастала вокруг острова Окинотори, который Япония считает своей самой южной территорией. В 2018–2020 гг. администрация Абэ выступала с протестами после появления китайских исследовательских судов в исключительной экономической зоне (ИЭЗ) вблизи острова. В свою очередь, китайские представители заявляли, что владение Окинотори не создаёт для Японии прав ИЭЗ, поскольку это всего лишь скалы, а не остров [Siripala].

В 2020 г. общий климат политических отношений двух стран существенно ухудшался в связи с действиями Пекина в военной и политической сфере, которые воспринимались в Токио с большим алармизмом. Так, Китай принял новое законодательство о безопасности, наносящее удар по нынешнему статусу Гонконга, наблюдались агрессивные действия КНР в сторону Тайваня. Не мог не сказаться на общей атмосфере японо-китайских отношений и существенный рост враждебности между США и Поднебесной в условиях пандемии.

На фоне усилившейся напряжённости в Японии стали чаще выражаться сомнения в надёжности гарантий безопасности США по защите Японии. В этих условиях некоторые сторонники жёсткой линии в японском политическом истеблишменте стали утверждать, что стране необходимо наращивать собственный военный потенциал и быть готовой защищать себя в одиночку.

Первые шаги кабинета Суга в сфере безопасности

Пришедшее в сентябре 2020 г. к власти правительство во главе с премьер-министром Суга Ёсихидэ продолжило укреплять союз с Америкой, с одной стороны, и развивать сетевое партнёрство с «близкими по духу» странами Индо-Тихоокеанского региона, с другой. Продолжилось укрепление двусторонних контактов в сфере безопасности с государствами, которые Япония считает «близкими по духу демократиями» (like-minded democracies).

В ходе визита в Токио министра обороны Австралии Л. Рейнольдс в октябре 2020 г. было подписано соглашение, в соответствии с которым японские Силы самообороны должны будут защищать австралийские активы, включая военные суда [Japan Agrees...]. Австралия стала второй после США страной, с которой Токио заключило подобное соглашение. Было также решено, что Австралия начиная с этого года присоединится к ежегодным Малабарским военно-морским учениям с участием Японии, Соединённых Штатов и Индии. По Соглашению о взаимном доступе, заключённому во время визита премьер-министра Австралии С. Моррисона в Японию в ноябре 2020 г., японские и австралийские боевые единицы могут наносить друг другу визиты для обучения и проведения совместных операций [Suga Says...].

Свою первую зарубежную поездку Суга совершил в октябре 2020 г. во Вьетнам и Индонезию – страны ЮВА, являющиеся важнейшими партнёрами Токио по диалогу в сфере безопасности. В ходе визита во Вьетнам японский премьер продемонстрировал намерение Токио продолжать сотрудничество с этой страной в деле развития потенциала береговой охраны Вьетнама, который ориентирован на сдерживание военных приготовлений КНР в Южно-Китайском море. Говоря о территориальных спорах, Суга отметил: «Позвольте мне

вновь подчеркнуть важность того, чтобы все страны, занимающиеся вопросами Южно-Китайского моря, не прибегали к силе или принуждению, а работали над мирным разрешением споров на основе международного права» [Strategy for an open...].

Вместе с тем новый японский премьер всячески демонстрировал в своих публичных выступлениях намерение поддерживать хорошие отношения с Китаем и налаживать с ним региональное сотрудничество. По мнению некоторых обозревателей, свою роль играло здесь то обстоятельство, что стоящая за Суга влиятельная фракция Никай традиционно занимает прокитайскую позицию [Osaki, Ascione...]. Несмотря на принятие Всекитайским собранием народных представителей закона «О национальной безопасности Гонконга», фракция Никай заблокировала любые попытки использовать этот документ для отмены государственного визита председателя КНР Си Цзиньпина в Японию, который был запланирован на апрель 2020 г., но отложен из-за пандемии COVID-19. Никай также сообщила о возможности подписания нового, пятого политического документа, определяющего отношения между Китаем и Японией, в случае государственного визита Си в Японию.

Позиция нового японского кабинета по отношению к «Четвёрке» прояснилась в ходе Второй министерской встречи в Токио, которая состоялась 6 октября 2020 г. В ходе встречи проявились определённые противоречия между США и другими членами формата. Так, госсекретарь США Майк Помпео активно призывал к «организационному закреплению» сотрудничества между четырьмя странами для создания «полноценной структуры безопасности». Предложения Помпео заключались в том, чтобы группа была «институционализована», а затем «выстроена в истинные рамки безопасности» с другими странами, присоединившимися «в соответствующее время». По сути, речь шла о возможности создания азиатского аналога НАТО. В ответ на американские инициативы официальный представитель МИД Китая Ван Вэньбинь предостерег от «нацеливания на третьи стороны или подрыва интересов третьих сторон», а также призвал к «открытому, инклюзивному и прозрачному» сотрудничеству, которое «способствует взаимопониманию и доверию между региональными странами» [The “Quad” offers...].

Япония проявила осторожный подход к предложениям Помпео, не выразив никакого намерения переходить границы диалогового формата. Ещё 12 сентября 2020 г. во время дебатов в Национальном клубе прессы Японии премьер Суга отмечал, что «у азиатского варианта НАТО нет иного выбора, кроме как стать антикитайской организацией», а «создание азиатского аналога НАТО чревато тем, что страны региона разделятся на врагов и союзников» [Nakamaru].

После встречи «Четвёрки» представлявший на ней Японию министр иностранных дел Мотэги Тосимицу заявил, что члены организации договорились регулярно встречаться, обсуждать мнения и сотрудничать по этим и другим вопросам. Он также предложил, чтобы «Четвёрка» расширяла сотрудничество с другими странами [Panda]. На пресс-конференции 21 октября премьер Суга подтвердил, что Токио «абсолютно не намерен» создавать Индо-Тихоокеанскую версию НАТО [Strategy for an open...].

Особенность подхода Японии к развитию международных контактов в области военной безопасности заключается в наличии мирной конституции, которая не позволяет ей брать на себя чёткие юридические обязательства в области военной безопасности в отношении других стран. На этом фоне Страна восходящего солнца, проявляя сдержанность в отношении институционализации «Четвёрки» в качестве военного блока, выступает сторонником

развития диалога по вопросам безопасности, причём не только милитаристской, координации политики в этой сфере, а также обмена информацией. Хотя на встрече в Токио основное внимание уделялось военным учениям, дискуссии носили гораздо более широкий характер, охватывая такие темы, как инфраструктура, телекоммуникационные системы (в частности, 5G), кибербезопасность, защита интеллектуальной собственности и меры реагирования на пандемию COVID-19.

Новые вызовы перед Японией после президентских выборов в США

Победа кандидата от Демократической партии США Дж. Байдена на президентских выборах в США в ноябре 2020 г. стала событием, влекущим за собой существенные последствия для японо-американских отношений. Сразу после объявления официальных результатов в Токио усилились настроения сдержанного оптимизма. Высокопоставленный чиновник японского МИДа, например, признался, что чувствует себя «гораздо спокойнее», чем четыре года назад [Victorious Biden...].

Очевидно, позитивное восприятие Токио смены власти в Вашингтоне связано с тем, что Байден декларировал гораздо более близкую Японии позицию по многим международным проблемам, чем это было при администрации Трампа. Последний же, как считают многие в Японии, нанёс её интересам большой ущерб своей «авантюристической» внешней политикой: вывел США из Транстихоокеанского партнёрства (ТТП) и Парижского соглашения по климату, обложил тарифами японский экспорт в США, спровоцировал торговую войну с Китаем, которая принесла Японии астрономические потери, угрожал лишить финансирования Всемирную организацию здравоохранения в условиях глобальной пандемии и т. д. Кроме того, Трамп пытался, во всяком случае, в своей риторике, перевести союзнические отношения двух стран на «коммерческие» рельсы, применив к ним явно «деляческий» подход.

В Токио надеются, что Байден, будучи сторонником Киотского протокола, выступит с инициативой о подключении США к Парижскому соглашению по климату с последующим принятием на себя обязательств по сокращению парниковых газов. У Японии, являющейся одним из главных инициаторов киотского процесса, такой шаг, бесспорно, вызовет искреннее одобрение. Ценят в Японии и то, что Байден является сторонником свободы международной торговли. В Токио ожидают, что давление США на торговых партнёров в целях заключения выгодных для США двусторонних сделок (тактика, которой придерживался Трамп) может существенно ослабнуть, что снизит накал противоречий двух стран в торгово-экономической сфере и улучшит перспективы достижения компромисса по тарифной политике. Вместе с тем в Японии нет особых иллюзий относительно возможности немедленного возврата США в Транстихоокеанское партнёрство: большинство экспертов понимает, что Байден сосредоточится в первую очередь на внутренних проблемах, включая борьбу с пандемией COVID-19 и меры по стимулированию собственной экономики [Suzuki].

По ядерным вопросам Япония рассчитывает, что Байден активизирует свою антиядерную дипломатию и станет прилагать усилия к тому, чтобы вовлечь Китай в процесс ядерного разоружения. Надежды в Токио вызывает и обозначившаяся теперь перспектива возобновления иранской ядерной сделки, которую в Японии с нетерпением ждут как возможности вывода Ирана из санкционного режима.

В отличие от Трампа, Байден с пониманием относится к неядерному статусу Японии. В Токио вспоминают его высказывание 2016 г. в бытность вице-президентом о том, что США «написали Конституцию Японии, чтобы сообщить ей, что она не сможет стать ядерной державой» [Landers]. Это заявление контрастирует с позицией Трампа, который в период своей предвыборной кампании говорил о возможности ядерного вооружения азиатских союзников Америки – Японии и Южной Кореи (следует признать, впрочем, что во время президентства эта тема в выступлениях Трампа больше не звучала). Особую актуальность данное высказывание Байдена приобретает в условиях, когда в Японии активно обсуждается вопрос о внесении изменений в конституцию, которые позволят ей стать полноценной военной державой. В этом смысле приход демократического лидера к власти воодушевил ту часть японского политического истеблишмента, которая делает ставку на невоенные средства обеспечения безопасности и выступает против ревизии 9-й статьи.

В условиях, когда США продолжают переговоры о новом соглашении по американским военным базам на территории Японии, Байден, как ожидается, будет оказывать давление на Суга, чтобы побудить Токио увеличить «бюджет сочувствия». Однако, по мнению большинства обозревателей, он не станет прибегать, как это делал Трамп, к угрозам вывести американские войска из Японии, если японское правительство не закупит существенное количество американской военной техники, особенно самолётов F-35 [Akimoto, Walton]. Показательно признание одного из американских чиновников: «Я думаю, произойдёт просто возвращение к профессионализации этих дискуссий вместо их политизации. Я не утверждаю, что Соединённые Штаты будут требовать от Японии меньше, но и не думаю, что они станут выдвигать возмутительные требования, которые невозможно выполнить» [Для выстраивания отношений...].

Надежда Токио на улучшение двусторонних отношений с Америкой связана и с тем, что ключевые дипломатические посты по вопросам восточноазиатской политики с высокой степенью вероятности займут высокопоставленные чиновники из администрации бывшего президента Барака Обамы, хорошо знающие Японию, что это будет команда, на которую Байден станет опираться для разработки стратегии в области безопасности. Это обозначит явный отход от дипломатической практики Д. Трампа, которая во многом строилась на личных отношениях американского президента с Абэ Синдзо.

Вместе с тем у Японии есть и поводы для беспокойства в связи со сменой власти в Вашингтоне. В Токио всерьёз опасаются, что Байден, заинтересованный в решении глобальных проблем невоенного характера, которые невозможно решить без участия Китая, займёт по отношению к Пекину более мягкую и компромиссную позицию, чем нанесёт ущерб американско-японским отношениям. Один из наиболее показательных примеров в этом отношении – проблема изменения климата. В Вашингтоне исходят из того, что только участие в Парижском соглашении КНР – крупнейшего после США эмитента парниковых газов – способно коренным образом улучшить ситуацию на фронте борьбы с выбросами. В этом смысле Китай, переходящий в категорию ключевого партнёра Америки, пусть и по ограниченному кругу вопросов мировой политики, скорее всего, уже не будет демонизироваться в той же степени, как это было при Трампе, и строительство отношений с ним потребует гораздо большей аккуратности и «политкорректности». Для Японии, основного союзника США в деле сдерживания экспансионистской линии Пекина, это может означать, что администрации Байдена

придётся строить отношения с ней с большей оглядкой на реакцию Китая, в результате чего её место и роль во внешнеполитических приоритетах Америки неизбежно снизятся.

В Японии, как было отмечено выше, были не в восторге от многих внешнеполитических шагов и высказываний Трампа, открыто критиковавшего азиатских союзников за «нежелание себя защищать». Однако верно и то, что в период его президентства в реальности произошло существенное укрепление стратегической оси Вашингтон – Токио. Конфронтация Америки с Китаем приобрела очертания полноценного мировоззренческого конфликта, получив название «новой биполярности», в результате чего в глазах Вашингтона существенно повысилась ценность Японии, причём не только как источника передовых технологий двойного назначения, но и как полноценного союзника, способного выполнять военные обязательства в рамках совместных боевых операций. В Японии же на фоне роста китайской военной мощи и отсутствия позитивных подвижек в ситуации вокруг островов Сэнкаку укрепилось понимание значимости союза с Америкой. Особенно это было заметно по сравнению с периодом президентства Б. Обамы, когда в контексте ряда нерешительных внешнеполитических действий США в разных частях мира в японском истеблишменте начались дискуссии о том, серьёзно ли США воспринимают «китайский вызов» и станут ли они в полной мере защищать Японию [Nakayama]. Приход Д. Трампа, занявшего жёсткую линию по отношению к Китаю и открыто заявившего о том, что США будут защищать острова Дяоюйдао/Сэнкаку военными средствами, был в этом смысле для Японии большим облегчением. Это заявление выходило за рамки стандартных заверений его предшественников о приверженности США положениям Договора безопасности, которые фактически не определяют, как конкретно Америка должна реагировать в случае нападения на спорные острова [Kingston]. Теперь же, когда в Белом доме воцарились демократы, в Токио вновь возникают поводы для сомнений в надёжности американских гарантий безопасности.

Некоторые основания для неблагоприятных для Японии перспектив развития отношений в области безопасности с США при Байдене связаны также с южнокорейским фактором в американской политике. Уместно вспомнить, что Вашингтон при Трампе понизил градус отношений с Сеулом, во многом по причине проводившейся администрацией Мун Чжэ Ина дипломатии активного балансирования в треугольнике Вашингтон – Сеул – Пекин, совершенно неуместной в глазах американского президента на фоне обострения американо-китайской конфронтации. Вашингтон ужесточил линию на американо-южнокорейских переговорах о торговле и выступил с требованием о пятикратном увеличении Сеулом платежей за содержание американских баз. В свою очередь, к Японии в Вашингтоне, несмотря на подстрекательскую риторику Трампа в ходе предвыборной кампании 2016 г., относились более лояльно. Теперь же в Токио ожидают нормализации американо-южнокорейских отношений до «дотрамповского» уровня, тем более что Байден и его команда известны своими сильными связями с южнокорейским истеблишментом. Усиление внимания Белого дома к корейской повестке в сфере безопасности неизбежно будет означать ослабление в этой политике места и роли самой Японии.

Вообще в послевоенный период японские политические лидеры, представлявшие консервативную Либерально-демократическую партию (особенно из числа «сильных» премьеров с президентским стилем правления), всегда имели лучшие отношения с Республиканской, чем с Демократической администрацией США. Это связано с тем, что

американские республиканцы, приверженцы неоконсерватизма в экономике, традиционно придавали торговому дефициту с Японией гораздо меньшее значение, чем стратегическому партнёрству с ней, основанному на антикоммунистической идее. На руку Японии играла глобальная конфронтация и холодная война. Например, в период правления Накасонэ Ясухиро, завязавшего с Рейганом в начале 1980-х гг. тесные дружеские отношения¹, союз США с Японией стал приобретать очертания идейного альянса (союз «единства судеб»), основанного на приверженности «общедемократическим ценностям», сохраняя своё значение и после распада СССР. Так, в 2001 г. Коидзуми Дзюнитиро активно апеллировал к этим идеям, взяв после атаки на башни-близнецы курс на усиление партнёрства с администрацией Дж. Буша-младшего в борьбе с исламским терроризмом. Укреплялся альянс двух стран и в период администрации Трампа, с которым Абэ установил тесные личные отношения, получившие название «гольф-дипломатии». Нарушив протокол, Абэ посетил будущего президента через несколько дней после его победы на выборах в 2016 г.

Между тем в период правления президентов от Демократической партии подобных примеров практически не наблюдалось. Дж. Картер, Б. Клинтон и Б. Обама при планировании своей азиатской политики явно отдавали приоритет Китаю, а Япония в их глазах не заслуживала того, чтобы обсуждать с ней крупные внешнеполитические шаги на китайском направлении.

Уместно вспомнить, что традицию не консультироваться с Японией по китайскому вопросу сформировали не демократы: её начало было положено в период правления республиканца Р. Никсона, когда Г. Киссинджер нанёс свой исторический тайный визит в Китай летом 1971 г. Однако Демократическая партия с готовностью переняла обычай «переступать через голову» Японии, который, строго говоря, противоречил Договору о безопасности 1960 г., постулировавшему необходимость консультаций между союзниками по важным вопросам мировой политики. В 1970-е гг. президент Дж. Картер, равно как и его советник по национальной безопасности З. Бжезинский, фактически не утруждали себя излишними обсуждениями с Токио. Особое развитие «дипломатия игнорирования Японии» получила в период президентства Б. Клинтона. Например, в ходе своей девятидневной поездки в Пекин в июне 1998 г. американский президент так и не заехал в Токио, что дало пищу для разговоров об «уходящей Японии» («Japan passing»). В 2011 г. незамеченным не осталось ежегодное послание Конгрессу другого президента-демократа, Барака Обамы, который сосредоточился в нём исключительно на Китае, сделав акцент на его растущей конкурентоспособности, тогда как Япония не была упомянута ни разу. Именно при Обаме в американском политическом дискурсе стала активно циркулировать крайне неприятная для японского слуха идея «Большой двойки», в рамках которой ключевую роль в решении глобальных проблем должны играть США и Китай.

В Токио также опасаются, что Байден ослабит своё внимание к Японии и из-за собственной внутренней повестки – сосредоточенности на проблемах восстановления экономики после пандемии, медицинского и пенсионного обеспечения, расовой сегрегации, сокращения найма на фоне торговой либерализации и т. д. Очевидно, что эти вопросы будут иметь приоритет в работе новой американской администрации по сравнению со сферой

¹ Эти отношения получили название «Рон-Ясу» по уменьшительным именам двух лидеров, которые они стали использовать в нарушение протокола при личных беседах.

внешней политики. Обозреватели отмечают, что в предвыборные выступления Байдена вошли многие лозунги, присущие, скорее, риторике Трампа, например, «Покупай американское», а внешнеполитическая тема там явно не занимала первоочередное место. Кроме того, в Токио хорошо понимают, что у администрации Байдена будет явно меньше, чем в период президентства Обамы, экономических возможностей для ведения активной политики в сфере безопасности в Восточной Азии. В регионе это предоставит большую свободу усиливающемуся Китаю, с которым Япония не хотела бы остаться наедине.

Кроме того, даже если сам Байден, будучи центристом, займёт по отношению к Японии умеренную позицию, этого нельзя будет гарантировать в отношении Демократической партии в целом и особенно связанной с ней «медиа-тусовки», которые традиционно критично настроены по отношению к Японии, в частности, по вопросам экологии и правозащитной сферы. Уместно вспомнить, как в январе 2014 г., в период администрации Обамы, посол США в Японии К. Кеннеди написала сообщение в Twitter, в котором обвинила Японию в сохранении «бесчеловечной» практики убийства дельфинов (речь идёт о традиционном промысле в небольшом городке Тайдзи на юго-западе Японии) [Spitzer]. На фоне японо-южнокорейской войны по вопросам исторического прошлого симпатии «демократической тусовки» США явно на стороне Сеула – и по проблеме «женщин для утешения», и по проблеме компенсаций за подневольный труд корейцев, и другим вопросам, восходящим к колониальному господству Японии в Корее. В «продемократических» американских СМИ, имеющих большое влияние на электорат Байдена, можно встретить статьи и материалы, касающиеся не критического отношения Токио к собственному милитаристскому прошлому.

Справедливости ради стоит отметить, что есть в Японии и противоположная точка зрения, заключающаяся в том, что ей нечего опасаться «китайского крена» в политике администрации Байдена. Её сторонники, демонстрирующие уверенность в надёжности традиционной опоры на Договор безопасности, утверждают, что по сравнению с периодом Обамы Белый дом на китайском направлении будет вынужден проявлять большую жёсткость по той причине, что архитектура геополитических процессов в регионе и мире за последние несколько лет сильно эволюционировала в направлении глобальной американо-китайской конфронтации. Сам же Байден, будучи приверженцем присущей демократам философии ценностей, неоднократно выступал с критическими заявлениями в отношении политики Пекина в Синьцзяне и Гонконге, подчёркивал важность Тайваня для национальных интересов США, обещал возобновить прежнюю практику президентских встреч с Далай-ламой и т. д. Скептически к амбициям Китая относятся и основные внешнеполитические советники Байдена, на мнение которых ему придётся опираться в ещё большей степени, чем это делал его предшественник.

Таким образом, в Японии по-разному смотрят на то, как приход администрации Байдена скажется на положении Японии в военно-политической сфере и в области безопасности. «Алармисты» считают, что традиционный для демократов акцент на глобальной повестке заставит Байдена активизировать диалог с Китаем, который может нанести ущерб японо-американским отношениям в сфере безопасности, и поэтому от Японии требуется пересмотреть оборонную стратегию в направлении автономизации и расширения военного сотрудничества с партнёрами из числа «близких по духу демократий». «Традиционалисты» полагают, что новый глава Белого дома не будет существенно

корректировать обозначившуюся при Трампе «ястребиную» политику по отношению к КНР, а поэтому веских причин беспокоиться относительно надёжности американских гарантий у Японии нет. Есть и ещё более «оптимистическая» точка зрения, основанная на предположении, что Япония может стать бенефициаром подвижек в американо-китайских отношениях, связанных с политикой отнюдь не Вашингтона, а Пекина. «Оптимисты» исходят из того, что усиление противостояния с Америкой может заставить Китай добиваться улучшения контактов с Японией в рамках политики балансирования, а это в свою очередь даст Токио дополнительный рычаг в отношениях с США. В целом эта позиция основана на гипотезе, что обозначившаяся в последние годы оттепель в японо-китайских отношениях имеет долгосрочный характер, а сами они обладают значительной резистентностью к внешним факторам. Стоит заметить, что в основе контактов Токио и Пекина лежат, скорее, экономические мотивы, а именно – взаимозависимость экономик двух стран, а также общий подход к вопросам либерализации мировой торговли. Между тем исключительная ставка на экономический фактор как «стабилизатор» политических связей и инструмент предотвращения вооружённых конфликтов, как показывает исторический опыт, нередко оказывалась несостоятельной.

Первые контакты Суга и Байдена пока поддерживают оптимистические настроения в Токио. 12 ноября 2020 г. премьер-министр Страны восходящего солнца провёл телефонный разговор с новым лидером США, в ходе которого американская сторона подтвердила оборонные обязательства перед Японией по статье 5 американо-японского договора о взаимном сотрудничестве, касающиеся островов Сэнкаку [U.S. will defend...]. Очевидно, что в области безопасности Токио при любом раскладе продолжит стратегию последних двух десятилетий – делать ставку на Договор безопасности с США как краеугольный камень её внешней политики, укреплять диалоговые отношения в сфере безопасности со всеми «близкими по духу» государствами: Индией, Австралией, странами ЕС, Республикой Корея, а также с государствами ЮВА. Очевидно, для стабилизации регионального стратегического баланса Япония параллельно будет делать шаги в российском и китайском направлениях, развивая экономические связи и политический диалог с соседями. Однако каковы будут приоритеты этой политики безопасности и проявится ли в ней крен в ту или иную сторону, говорить пока рано.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Для выстраивания отношений с Японией Байден обратится к экспертам в области дипломатии. Nippon.com. URL: <https://www.nippon.com/ru/news/yjj2020110800417/> (дата обращения: 06.12.2020).

Лебедева Н.Б. Станет ли QUAD 2.0. форматом QUINT? // Восточная аналитика. 2019. № 4. С. 56–76.

Швыдко В.Г., Ключева Е.А. Япония и США: сравнительный анализ новых подходов к двусторонним отношениям // Сравнительная политика. 2020. № 1. С. 75–87. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10006.

Akimoto D., Walton D. Biden's comfortable style of diplomacy will be welcome for Japan // The Interpreter. 2020. 11 November. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/biden-s-comfortable-style-diplomacy-will-be-welcome-japan> (дата обращения: 06.12.2020).

Aoyama R. Can a Xi charm offensive win over Japan? // East Asia Forum. 2020. 21 August. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2020/08/21/can-a-xi-charm-offensive-win-over-japan/> (дата обращения: 06.12.2020).

Defense of Japan. Pamphlet. URL: https://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/wp2020/DOJ2020_Digest_EN.pdf (дата обращения: 06.12.2020).

Denyer S., Dou E. Biden vows to defend U.S. allies as China asserts power in Asia // The Washington Post. 2020. 12 November. URL: https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/biden-china-japan-korea-allies/2020/11/12/6cf6e212-24af-11eb-9c4a-0dc6242c4814_story.html (дата обращения: 06.12.2020).

Hanson M. Linking US–Russian arms control to East Asian security // East Asia Forum. 2020. 1 September. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2020/09/01/linking-us-russian-arms-control-to-east-asian-security/> (дата обращения: 06.12.2020).

Japan Agrees to Protect Australian Military Assets // Nippon.com. 2020. 19 October. URL: <https://www.nippon.com/en/news/yjj2020101901016/> (дата обращения: 06.12.2020).

Kingston J. Japan welcomes end of Trump era but has its doubts over Joe Biden-led US // South China Morning Post. 2020. 18 November. URL: <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3110154/japan-welcomes-end-trump-era-has-its-doubts-over-biden-led-us> (дата обращения: 06.12.2020).

Landers P. Biden Gets Japan’s Attention with Nuclear Remark // The Wall Street Journal. 2020. 17 August. URL: <https://www.wsj.com/articles/biden-gets-japans-attention-with-nuclear-remark-1471424823> (дата обращения: 06.12.2020).

Nakamaru Ryotaro. Suga vows to underpin Japan economy as post-Abe race hits home stretch // Kyodo news. 2020. 12 September. URL: <https://english.kyodonews.net/news/2020/09/987294670697-post-abe-candidates-make-late-stage-appeals-in-debate.html> (дата обращения: 06.12.2020).

Nakayama T. Resolved: Joe Biden Would be Good for Japan // Debating Japan. 2020. Vol. 3. Iss. 7. URL: <https://www.csis.org/analysis/resolved-joe-biden-would-be-good-japan> (дата обращения: 06.12.2020).

Osaki Y., Ascione B. Political sclerosis? Suga’s stability backed by LDP gerontocracy // East Asia Forum. 2020. 12 October. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2020/09/01/linking-us-russian-arms-control-to-east-asian-security/> (дата обращения: 06.12.2020).

Panda Jagannath. Tokyo’s Quad Move for Closer Ties, Strengthened Security in the Indo Pacific // Japan-forward.com. 2020. 17 October. URL: <https://japan-forward.com/asias-next-page-tokyos-quad-move-for-closer-ties-strengthened-security-in-the-indo-pacific/> (дата обращения: 06.12.2020).

Siripala T. Japan Slams China for Unauthorized Research Around Okinotori Island // The Diplomat. 2019. 8 January. URL: <https://thediplomat.com/2019/01/japan-slams-china-for-unauthorized-research-around-okinotori-island/> (дата обращения: 06.12.2020).

Spitzer K. Japan says Kennedy dolphin tweet improper // USA Today. 2014. 21 January. URL: <https://www.usatoday.com/story/news/world/2014/01/21/kennedy-dolphin-tweet/4700405/> (дата обращения: 06.12.2020).

Strategy for an open Indo-Pacific should not raise regional tensions // The Asahi Shimbun. 2020. 22 October. URL: <http://www.asahi.com/ajw/articles/13859507> (accessed: 6 December, 2020).

Suga says broad agreement reached on military pact with Australia // *The Japan Times*. 2020. 17 November. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2020/11/17/national/politics-diplomacy/australia-scott-morrison-japan-yoshihide-suga-defense-china/> (дата обращения: 06.12.2020).

Suzuki Noriyuki. After unpredictable Trump, Biden may keep Japan in trade quagmire // *The Japan Times*. 2020. 10 November. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2020/11/10/business/economy-business/donald-trump-joe-biden-japan-trade/> (дата обращения: 06.12.2020).

The “Quad” offers hope for a free and open Indo-Pacific // *The Japan Times*. 2020. 8 October. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2020/10/08/editorials/quad-offers-hope-free-open-indo-pacific/> (дата обращения: 06.12.2020).

U.S. will defend Senkakus under security treaty, Biden tells Suga // *Kyodo News*. 2020. 12 November. URL: <https://english.kyodonews.net/news/2020/11/ea088f2cd634-urgent-suga-holds-phone-talks-with-biden.html> (дата обращения: 06.12.2020).

Victorious Biden faces task: Restore U.S. stability, dignity // *The Yomiuri Shimbun*. 2020. 10 November. URL: <https://the-japan-news.com/news/article/0006919419> (дата обращения: 06.12.2020).

REFERENCES

Akimoto D., Walton D. (2020). Biden’s comfortable style of diplomacy will be welcome for Japan. *The Interpreter*, 11 November. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/biden-s-comfortable-style-diplomacy-will-be-welcome-japan> (accessed: 6 December 2020).

Aoyama R. (2020). Can a Xi charm offensive win over Japan? *East Asia Forum*, 21 August. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2020/08/21/can-a-xi-charm-offensive-win-over-japan/> (accessed: 6 December 2020).

Defense of Japan. Pamphlet (2020). URL: https://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/wp2020/DOJ2020_Digest_EN.pdf (accessed: 6 December 2020).

Denyer S., Dou E. (2020). Biden vows to defend U.S. allies as China asserts power in Asia, *The Washington Post*, 12 November. URL: https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/biden-china-japan-korea-allies/2020/11/12/6cf6e212-24af-11eb-9c4a-0dc6242c4814_story.html (accessed: 6 December 2020).

Dlya vystraivaniya otnosheniy s Yaponiyey Bayden obratitsya k ekspertam v oblasti diplomatii [To Build Relations with Japan Biden Turned to Diplomacy Experts], *Nippon.com*, 2020, 9 November. URL: <https://www.nippon.com/ru/news/yjj2020110800417/> (accessed: 6 December 2020). (In Russian).

Hanson M. (2020). Linking US–Russian arms control to East Asian security, *East Asia Forum*, 1 September. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2020/09/01/linking-us-russian-arms-control-to-east-asian-security/> (accessed: 6 December 2020).

Japan Agrees to Protect Australian Military Assets, *Nippon.com*, 2020, 19 October. URL: <https://www.nippon.com/en/news/yjj2020101901016/> (accessed: 6 December 2020).

Kingston J. (2020). Japan welcomes end of Trump era but has its doubts over Joe Biden-led US, *South China Morning Post*, 18 November. URL:

<https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3110154/japan-welcomes-end-trump-era-has-its-doubts-over-biden-led-us> (accessed: 6 December 2020).

Landers P. (2016). Biden Gets Japan's Attention with Nuclear Remark. *The Wall Street Journal*, 17 August. URL: <https://www.wsj.com/articles/biden-gets-japans-attention-with-nuclear-remark-1471424823> (accessed: 6 December 2020).

Lebedeva N. (2019). Stanet li QUAD 2.0. formatom QUINT? [Will QUAD 2.0. become a QUINT format?], *Vostochnaya Analitika*, vol. 4: 56–76. (In Russian).

Nakamaru Ryotaro. (2020). Suga vows to underpin Japan economy as post-Abe race hits home stretch. *Kyodo news*, 12 September. URL: <https://english.kyodonews.net/news/2020/09/987294670697-post-abe-candidates-make-late-stage-appeals-in-debate.html> (accessed: 6 December 2020).

Nakayama T. (2020). Resolved: Joe Biden Would be Good for Japan. *Debating Japan*, vol. 3, iss. 7. URL: <https://www.csis.org/analysis/resolved-joe-biden-would-be-good-japan> (accessed: 6 December 2020).

Osaki Y., Ascione B. (2020). Political sclerosis? Suga's stability backed by LDP gerontocracy. *East Asia Forum*, 12 October. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2020/09/01/linking-us-russian-arms-control-to-east-asian-security/> (accessed: 6 December 2020).

Panda Jagannath. (2020). Tokyo's Quad Move for Closer Ties, Strengthened Security in the Indo Pacific, *Japan-forward.com*, 17 October. URL: <https://japan-forward.com/asias-next-page-tokyos-quad-move-for-closer-ties-strengthened-security-in-the-indo-pacific/> (accessed: 6 December 2020).

Shvydko V.G., Klyueva E.A. (2020). Yaponiya i SSHA: sravnitel'nyy analiz novykh podhodov k dvustoronnim otnosheniyam [Japan and US: Comparative Analysis of New Approaches to Bilateral Relations], *Comparative Politics*, vol. 11 (1): 75–87. URL: <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10006> (accessed: 6 December 2020). (In Russian).

Siripala T. (2019). Japan Slams China for Unauthorized Research Around Okinotori Island, *The Diplomat*, 8 January. URL: <https://thediplomat.com/2019/01/japan-slams-china-for-unauthorized-research-around-okinotori-island/> (accessed: 6 December 2020).

Spitzer K. (2014). Japan says Kennedy dolphin tweet improper, *USA Today*, 21 January. URL: <https://www.usatoday.com/story/news/world/2014/01/21/kennedy-dolphin-tweet/4700405/> (accessed: 6 December 2020).

Strategy for an open Indo-Pacific should not raise regional tensions (2020). *The Asahi Shimbun*, 22 October. URL: <http://www.asahi.com/ajw/articles/13859507> (accessed: 6 December 2020).

Suga says broad agreement reached on military pact with Australia (2020). *The Japan Times*, 17 November. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2020/11/17/national/politics-diplomacy/australia-scott-morrison-japan-yoshihide-suga-defense-china/> (accessed: 6 December 2020).

Suzuki Noriyuki. (2020). After unpredictable Trump, Biden may keep Japan in trade quagmire, *The Japan Times*, 10 November. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2020/11/10/business/economy-business/donald-trump-joe-biden-japan-trade/> (accessed: 6 December 2020).

The “Quad” offers hope for a free and open Indo-Pacific (2020). *The Japan Times*, 8 October. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2020/10/08/editorials/quad-offers-hope-free-open-indo-pacific/> (accessed: 6 December 2020).

U.S. will defend Senkakus under security treaty, Biden tells Suga (2020). *Kyodo News*, 12 November. URL: <https://english.kyodonews.net/news/2020/11/ea088f2cd634-urgent-suga-holds-phone-talks-with-biden.html> (accessed: 6 December 2020).

Victorious Biden faces task: Restore U.S. stability, dignity (2020). *The Yomiuri Shimbun*, 10 November. URL: <https://the-japan-news.com/news/article/0006919419> (accessed: 6 December 2020).

Поступила в редакцию 06.12.2020

Received 6 December 2020

Для цитирования: Стрельцов Д.В. Куда пойдёт политика Японии в сфере безопасности после смены администраций в Токио и Вашингтоне? // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 4. С. 34–49. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10023

For citation: Streltsov D.V. (2020). Kuda pojdyot politika Yaponii v sfere bezopasnosti posle smeny administracij v Tokio i Vashingtone? [Where will Japan's security policy go after the change of administrations in Tokyo and Washington?], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2020, 4: 34–49. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10023

DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10024

Об изменении ситуации в Японии и российско-японских отношениях в 2020 году

Т.Е. Горчакова, О.И. Казаков

Аннотация. Пандемия COVID-19 нанесла серьезный удар по экономике и общественной жизни Японии, а также оказала негативное влияние на российско-японские отношения. Массовые мероприятия, запланированные в рамках «Года российско-японских межрегиональных и побратимских обменов», а также в научно-образовательных, спортивных и иных областях проводятся с ограничениями, предотвращающими опасность коронавирусного заражения. Эти новые, прежде всего дистанционные формы в дальнейшем могут стать обычной практикой, что, в частности, потребует пересмотра многих аспектов российских международных отношений.

На фоне глобальной трансформации в Японии произошла смена премьер-министра: после отставки Абэ Синдзо его пост 16 сентября занял Суга Ёсихидэ, который хотя формально и проводит политику предшественника, в отличие от него не имеет личных стимулов развивать отношения с Россией. Вероятно, первая встреча В.В. Путина и Ё. Суга в 2021 г. более точно покажет, насколько серьезным изменениям подвергнутся позиции сторон по разным сферам сотрудничества.

Ключевые слова: Япония, Восточная Азия, российско-японские отношения, народная дипломатия, гуманитарные связи, COVID-19.

Авторы: Горчакова Татьяна Евгеньевна, кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе, руководитель Центра научной информации и документации, ведущий научный сотрудник, Институт Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-1116-1200; E-mail: tatiana.gorchakova@gmail.com

Казаков Олег Игоревич, начальник Отдела научного мониторинга, старший научный сотрудник Центра японских исследований, Институт Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-9009-3225; E-mail: kazakov_oleg@mail.ru

On the changes of the situation in Japan and the Russian-Japanese relations in 2020

T.E. Gorchakova, O.I. Kazakov

Abstract. The COVID-19 pandemic has seriously affected the economy and public life in Japan, and has also had a negative impact on the Russian-Japanese relations. Currently, numerous mass events that were previously planned in the format of the Year of the Russian-Japanese interregional and twin-city exchanges, as well as in scientific, educational, sports and other areas, are held in a limited form, taking into account the risk of the coronavirus infection. New, primarily remote forms of mass events may become a common practice in the future, which requires in particular a review of many aspects of Russia's relations with other countries.

There was a change of Prime Minister in Japan: On September 16, Abe Shinzo was replaced by Suga Yoshihide, who (although formally pursuing Abe's policy) has no personal incentives to develop relations with Russia. Probably, the first meeting between Vladimir Putin and Suga Yoshihide in 2021 will more accurately show, how serious the changes in the positions of the two sides in different areas of bilateral cooperation are.

Keywords: Japan, East Asia, Russian-Japanese relations, people's diplomacy (peplomacy), humanitarian relations, COVID-19.

Authors: *Gorchakova Tatiana E.*, PhD (Economics), Deputy Director for Science, Head of the Center for Scientific Information and Records, Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-1116-1200; E-mail: tatiana.gorchakova@gmail.com

Kazakov Oleg I., Head of the Department of Scientific Monitoring, Senior Research Fellow of the Center for Japanese Studies, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-9009-3225; E-mail: kazakov_oleg@mail.ru

Введение

Глобальные перемены 2020 г., обусловленные прежде всего эпидемией коронавируса и локдаунами (от англ. lockdown – изоляция, строгая изоляция) разных стран, серьёзно и даже радикально повлияли на многие сферы деятельности государств, включая официальную и народную дипломатии, уровень и качество взаимодействия в разных сферах: от экономики до гуманитарной области. Можно констатировать, что с началом эпидемии COVID-19 в 2020 г. мир изменился и уже не будет таким, как раньше.

Начавшаяся в Китае пандемия ударила в первую очередь по всем странам Восточной Азии, включая Японию, которая вынуждена была принимать экстренные меры, чтобы изолировать своих граждан от возможных источников инфекции и прежде всего – контактов с иностранцами. Отменены Олимпийские и Паралимпийские игры в 2020 г. [Кзаков], почти полностью перекрыт туристический поток, что подорвало всю отрасль туризма в Японии, пострадали другие секторы экономики, на грани банкротства оказались многие частные компании, а влияние пандемии в целом на японский рынок труда требует особого изучения [Лебедева].

«Коронавирусный удар» нанесён и по российско-японским отношениям. Несмотря на активные усилия дипломатов и общественных организаций, развивающих двусторонние связи, объективные обстоятельства несколько их «подморозили». Впрочем, даже в условиях, близких к карантину, программа «Года российско-японских межрегиональных и побратимских обменов», намеченного на 2020–2021 гг., начала реализовываться в формате запланированных массовых мероприятий, которые, однако, проходили только в онлайн-режиме¹. Опыт гуманитарного сотрудничества в условиях риска коронавирусного заражения необходимо анализировать и изучать сугубо из практических соображений, учитывая, что полная победа над COVID-19 пока только видится в перспективе, а многие эксперты-вирусологи ожидают дальнейших мутаций этого типа вируса и появления других, не менее опасных инфекций.

¹ Во многих странах, включая Россию, наибольшей популярностью пользуется Zoom-формат. В Японии, в связи с переходом на удалённую работу, даже появился термин «Хорошо выглядеть в Zoom» (*дзу-му-баэ*, Zoom 映え). В Instagram также возник хэштег #zoom 映え (см. URL: <https://www.instagram.com/explore/tags/zoom映え>).

Япония в 2019 и 2020 годах

Если 2019 г. прошёл для Японии довольно спокойно, то начало 2020 г. расстроило многочисленные планы её руководства по проведению массовых мероприятий, в том числе событий на высоком международном уровне, в частности, Олимпиады-2020. Изоляция из-за пандемии фактически привела к обвалу туристического бизнеса – как внешнего, так и внутреннего, что не могло не повлиять на всю сферу международного гуманитарного сотрудничества Японии. Серьёзно пострадали многие отрасли экономики, политические контакты также трансформировались в общение на дистанции. В 2020 г. в мировую практику вошла Zoom-дипломатия, повседневностью для японского бизнеса стала дистанционная работа, во многом ломающая традиции японских корпораций.

Нельзя не отметить влияние пандемии на образование в Японии. В частности, японские исследователи обнаружили «цифровое неравенство», когда на фоне закрытия школ из-за коронавирусной эпидемии между регионами страны выявилась значительная разница в части использования цифровых устройств и материалов, необходимых для дистанционной учёбы в домашних условиях². В связи с этим актуализируется проблема такого обучения в Японии и качественного онлайн-образования [Кириченко].

Думается, у исследователей появилась новая тема изучения Японии в условиях пандемии – новые тренды трансформации японского стиля жизни, в том числе в контексте смены поколений [Япония в ретроспективе...].

На фоне описанных выше процессов в стране произошло ещё одно неординарное событие – отставка премьер-министра Абэ Синдзо и избрание нового главы правительства Суга Ёсихидэ. Многие эксперты при оценке данного факта обозначили риски для российско-японских отношений.

Рассмотрим более подробно некоторые моменты, касающиеся успехов и неудач Японии в 2019 и 2020 гг.

Показатели общественного мнения в Японии в 2019 году

Некоторые результаты ежегодных опросов общественного мнения³, затрагивающих отношение японцев к ряду других стран (США, Россия, Китай и Республика Корея) за последние 9 лет (с 2011 по 2019 гг.), представлены в табл. 1.

Таблица 1. Отношение японцев к США, России, Китаю и Республике Корея в 2011–2019 гг., %

Страна	Ответы	Год								
		2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
США	Симпатия	82,0	84,5	83,1	82,6	84,4	84,1	78,4	75,5	78,7
	Антипатия	15,5	13,7	15,8	15,3	13,5	13,2	19,1	22,4	19,1
	Не знаю	2,6	1,8	1,1	2,1	2,1	2,6	2,4	2,2	2,2
Россия	Симпатия	13,4	19,5	22,5	20,1	17,4	19,3	18,0	17,7	20,8
	Антипатия	82,9	76,5	74,8	76,4	79,3	76,9	78,1	78,8	76,2

² NHK World. 22.04.2020.

³ Данный ежегодный опрос проводится с 1978 г. правительством Японии и Центральной исследовательской службой (Central Research Services). См. URL: <http://survey.gov-online.go.jp/index-gai.html> (на яп.)

	Не знаю	3,7	3,4	2,8	3,5	3,3	3,8	3,9	3,4	3,0
Китай	Симпатия	26,3	18,0	18,1	14,8	14,8	16,8	18,7	20,8	22,7
	Антипатия	71,4	80,6	80,7	83,1	83,2	80,5	78,5	76,4	74,9
	Не знаю	2,3	1,4	1,2	2,2	2,1	2,7	2,8	2,8	2,4
Республика Корея	Симпатия	62,2	39,2	40,7	31,5	33,0	38,1	37,5	39,4	26,7
	Антипатия	35,3	59,0	58	66,4	64,7	59,1	59,7	58,0	71,5
	Не знаю	2,5	1,8	1,3	2,2	2,3	2,8	2,8	2,5	1,9

Источник: Отдел по связям с общественностью кабинета министров и премьер-министра Японии. URL: <http://survey.gov-online.go.jp/index-gai.html> (на яп.)

США. После Великого бедствия на Востоке Японии в марте 2011 г. и проведённой США гуманитарной операции «*Томодати*» («Друг») уровень симпатий к этой стране стабильно превышал 80 %, пока в 2016 г. президентом США не стал Дональд Трамп. И уже в 2017 г. доброжелательность к Штатам в Японии начинает угасать.

Без сомнения, причиной тому стало негативное отношение японцев к Д. Трампу, который заявлял о необходимости увеличить расходы на содержание американского воинского контингента в Японии, к его манере вести дела. Очевидно, что отрицательная оценка главы Белого дома заметно повлияла на отношение к США в целом как к успешной стране и ключевому партнёру Японии в вопросах обороны.

Неудивительно, что в Стране восходящего солнца с воодушевлением восприняли поражение Д. Трампа на президентских выборах 3 ноября 2020 г. Новый премьер-министр Японии Суга Ёсихидэ первым из лидеров государств Азиатско-Тихоокеанского региона в телефонном разговоре 12 ноября поздравил победителя-демократа Джозефа Байдена, исходя из заявлений американских СМИ и не дожидаясь официального итога голосования. Лидеры стран в течение 10 мин обсудили ряд других актуальных вопросов⁴.

Россия. В 2016 г. уровень симпатий японцев к России вырос на 2% (с 17,4 % в 2015 г. до 19,3 % в 2016 г.) и до 2019 г. находился в диапазоне 18–20 %. Вероятно, это связано с тем, что 27 встреч «Путин – Абэ» так и не привели к заметным для японцев результатам: не была решена ни проблема территорий, ни мирного договора. Лидерам так и не удалось сблизить позиции стран в этих вопросах. Осталась нерешённой даже задача совместного экономического освоения южных Курильских островов, хотя многолетние безвизовые обмены так и не прекращались до объявления пандемии в 2020 г.

Китай. С 2016 г. число японцев, симпатизирующих Китаю, медленно, но неуклонно растёт: 16,8 % в 2016 г., 18,7 % в 2017 г., 20,8 % в 2018 г. и 22,7 в 2019 г. Соответственно, снижается степень антипатии: 80,5 % в 2016 г., 78,5 % в 2017 г., 76,4 % в 2018 г. и 74,9 % в 2019 г. Ежегодные опросы общественного мнения показывают, что уровень позитивного и негативного отношения японцев к КНР последние годы приблизительно соответствует аналогичному восприятию России. Последняя, в отличие от Китая, не представляет для Японии военной угрозы, что говорит о других проблемах в отношениях.

Республика Корея. До 2019 г. уровень симпатий и антипатий японцев к Республике Корея находился в диапазоне между США и Россией/Китаем. Тем не менее положительно к стране относится меньше японцев, чем тех, кто имеет о ней отрицательное мнение. В 2019 г. произошёл обвал симпатий к РК: с 39,4 % в 2018 г. до 26,7 % в 2019 г. и, соответственно,

⁴ NHK World. 12.11.2020.

зафиксирован рост антипатий с 58,0 % в 2018 г. до 71,5 % в 2019 г. Это вплотную приблизило показатели Республики Корея в этом аспекте к уровню Китая.

Что касается Северной Кореи, то в данном опросе ей фактически отводится роль «страны-изгоя». В отношении данной страны японцев не спрашивают о симпатиях или антипатиях, а задают вопросы о том, что их больше всего беспокоит в связи с ней. В течение ряда лет в ответах респондентов лидируют три варианта, которые меняются местами в зависимости от текущей ситуации и политической конъюнктуры: 1) похищение японских граждан; 2) ядерная проблема; 3) запуск ракет. Остальные вопросы для японцев менее существенны – их доля в ответах по Северной Корее не превышает планку в 50 %.

Опрос 2020 г. покажет, насколько изменилось отношение граждан Японии к другим странам и регионам из-за обвала взаимных обменов и перехода почти во всех сферах деятельности к коммуникации на дистанции; какое влияние окажет Zoom-дипломатия на мнение японцев по вопросам мировой политики, на их симпатии и антипатии к другим странам и регионам; сможет ли новый премьер-министр Японии Ё. Суга убедить своих сограждан в том, что его действия улучшают отношения с США, Китаем, Республикой Корея и Россией.

Въездной и внутренний туризм в Японии

К 2019 г. усилия правительства Японии привели к почти полному восстановлению экономики от последствий природно-техногенной катастрофы 2011 г., вызванной мощным цунами, которое спровоцировало аварию на АЭС «Фукусима-1». До сих пор актуальными остаются проблемы запуска остановленных станций и утилизации радиоактивной воды в резервуарах «Фукусима-1». Япония, несомненно, улучшила свой экологический имидж, подорванный радиационным загрязнением части японской территории в 2011 г. Она остаётся одной из самых безопасных стран для иностранных туристов, хотя постоянно испытывает удары стихии в виде землетрясений, тайфунов и цунами – неотъемлемой части природных особенностей Японии.

В 2013 г. Международный Олимпийский Комитет на 125-й сессии объявил Токио столицей Олимпийских и Паралимпийских игр в 2020 г. В 2016 г. правительство Японии поставило цель удвоить число иностранных гостей страны с 20 млн чел. в 2015 г. до 40 млн чел. к 2020 г. Статистика показывает, что Япония в вопросах привлечения туристов из-за рубежа до 2020 г. добилась значительных успехов, несмотря на серьёзные последствия тайфунов 2019 г., повлёкших человеческие жертвы: сентябрьского № 15 и октябрьского № 19. Первый повредил многие сельскохозяйственные угодья страны и принёс ущерб в размере около 750 млн долл.⁵, потери от второго оцениваются примерно в 17 млрд 600 млн долл.⁶ Некоторые эксперты-климатологи предполагают, что изменение климата участит случаи ущерба, вызванного тропическими ливнями, и расширит их географию. В связи с этим Министерство национальных земель, инфраструктуры транспорта и туризма Японии (Ministry of Land, Infrastructure, Transport and Tourism) планирует пересмотреть политику по борьбе со стихийными бедствиями⁷.

⁵ NHK World. 20.11.2019.

⁶ NHK World, 12.10.2020. Тайфун № 19 принёс самый крупный урон из всех, нанесённых стихийными бедствиями, связанными с дождями, с 1961 г. Число погибших – более 110 чел. При этом повреждения дорог, зданий и других сооружений были оценены в 1 трлн 860 млрд иен (примерно 17 млрд 600 млн долл.).

⁷ NHK World. 20.11.2019.

Политические, экономические и спортивные события, а также природные катастрофы влияют на туристический поток в Страну восходящего солнца. По данным Японской национальной туристической организации (Japan National Tourism Organization, JNTO), в 2012 г. в страну прибыло 8,35 млн иностранных туристов, т. е. на 34,4 % больше по сравнению с 2011 г., а в 2019 г. количество гостей из-за рубежа увеличилось по сравнению с 2011 г. почти в четыре раза и превысило 31,8 млн чел., но уже по сравнению с 2018 г. с годовым приростом 2,2 % [Казаков].

Примечательно, что по информации Иммиграционной службы Японии (Immigration Bureau of Japan), в 2019 г. во въезде было отказано 10 647 иностранцам, что на 1 468 человек (или 16 %) больше по сравнению с 2018 г. Основной причиной рекордного за 12 лет числа отказов стало сомнение властей в истинности заявленной цели приезда: 80 % так называемых туристов на самом деле планировали нелегально работать в Японии⁸.

Статистика 2012–2019 гг. свидетельствует, что задача японского правительства привлечь к 2020 г. в страну 40 млн туристов могла быть решена, если бы пандемия COVID-19 почти не уничтожила въездной туризм⁹. Из-за распространения коронавируса Япония закрыла въезд для граждан из 129 стран и регионов¹⁰. Отменены не только Олимпийские и Паралимпийские игры 2020 г., но почти все мероприятия в сфере экономического и гуманитарного сотрудничества, которые предполагают общение и массовое скопление людей.

Из-за COVID-19 обрушился и внутренний туризм Японии. Для его восстановления в конце июля 2020 г. стартовала государственная программа по стимулированию путешествий внутри страны – кампания Go To Travel¹¹. В её рамках предлагаются разнообразные скидки на расходы путешественников, а также выдачу купонов, которые можно использовать на туристических маршрутах и в сувенирных магазинах¹². После роста в ноябре 2020 г. числа заражений правительство решило исключить из программы Go To Travel те районы, где наблюдается особая активность коронавируса. В начале декабря туристические агентства в Японии призвали клиентов, которые планировали посетить Саппоро или Осаку в течение двух предстоящих недель, по возможности отменить поездки, поскольку эти два города исключены из кампании Go To Travel¹³.

Пострадали туристические агентства Японии. Например, лидер среди них – компания JTB – планирует сократить 6 500 рабочих мест (в японских отделениях – 2 800, а за рубежом – 3 700 позиций) на фоне прогнозов о самом масштабном убытке компании в текущем финансовом году в размере около 950 млн долл.¹⁴

Чтобы смягчить негативный эффект от запрета посещать Японию, японофилов приглашают совершать виртуальные экскурсии по стране. Например, веб-сайт Japan

⁸ NHK World. 22.10.2020.

⁹ Точные данные по иностранным туристам, посетившим Японию в 2020 г., будут доступны лишь в начале 2021 г.

¹⁰ NHK World. 16.07.2020.

¹¹ Кампания Go To Travel (Go To トラベル キャンペーン) – это инициатива японского правительства по стимулированию туризма с целью придать импульс потреблению и восстановлению японской экономике, серьезно пострадавшей от пандемии. См., напр., URL: <https://www.japan-guide.com/news/0053.html> (дата обращения: 20.11.2020).

¹² NHK World. 22.07.2020.

¹³ NHK World. 02.12.2020.

¹⁴ NHK World. 21.11.2020.

Heritage¹⁵, созданный Агентством по делам культуры (Agency for Cultural Affairs) и Японской национальной туристической организацией (Japan National Tourism Organization), представляет широкий спектр материалов о японском наследии и других культурных ценностях Японии, в том числе фотографии, видео и пояснительные тексты на японском и английском языках. К особенностям этого ресурса относятся:

- отличная виртуальная реальность и видеоконтент – посетители будут чувствовать себя, будто в действительности находятся в выбранном месте;
- историческое и культурное наследие каждой достопримечательности преподносится в такой форме, которая позволяет посетителям понять их истинное значение для Японии;
- на веб-сайте представлена обширная информация о путешествиях, включая полезные факты об отелях, местной кухне и практических занятиях.

Хотя виртуальные посещения Японии не могут заменить реальные путешествия, но усилия государства по продвижению «виртуального туризма» заслуживают внимательного изучения. Рано или поздно запреты будут сняты, а интерес иностранцев к Стране восходящего солнца, подпитываемый в том числе и виртуальными технологиями, останется.

Смена премьер-министра Японии

28 августа 2020 г. премьер-министр Японии Абэ Сидзо объявил о намерении покинуть должность по состоянию здоровья. На высоком посту он находился с декабря 2012 г., став абсолютным рекордсменом по длительности непрерывного пребывания на премьерском посту за всю историю Японии.

14 сентября на съезде правящей Либерально-демократической партии (ЛДП) абсолютным большинством голосов был избран её новый председатель – Суга Ёсихидэ, который занимал при С. Абэ пост генерального секретаря кабинета министров и также побил все рекорды по длительности пребывания на этой должности. Через два дня он был утверждён в должности премьер-министра на заседании обеих палат парламента Японии. Ё. Суга будет занимать этот пост до конца сентября 2021 г., когда истечёт срок полномочий подавшего в отставку С. Абэ, как того требует устав ЛДП. Был обновлён состав кабинета министров. Сентябрьский опрос NHK показал, что уровень поддержки нового кабинета министров Японии во главе с премьер-министром Ё. Суга составил 62 %¹⁶. Это высокий показатель для Японии.

Помимо заявления о борьбе с COVID-19, Ё. Суга озвучил беспроигрышную с точки зрения японского и всемирного общественного мнения экологическую повестку [Тихоцкая]. В первой программной речи в парламенте Ё. Суга сообщил об амбициозном плане к 2050 г. свести эмиссию парниковых газов в стране к чистому нулю¹⁷. Это намерение публично поддержал Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш. 21 ноября Ё. Суга принял участие в онлайн-саммите «Большой двадцатки», где отметил, что революционные инновации, такие как солнечные элементы нового поколения, переработка углекислого газа, а также водородная энергетика, станут ключом к достижению экологически чистого общества¹⁸.

¹⁵ Japan Heritage. URL: <https://www.japan.travel/japan-heritage/> (дата обращения: 20.11.2020).

¹⁶ NHK World. 24.09.2020.

¹⁷ The Japan Times. 22 Oct 2020. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2020/10/22/national/suga-carbon-neutral-2050/> (дата обращения: 01.12.2020).

¹⁸ NHK World. 23.11.2020.

Ё. Суга не раз заявлял, что будет следовать курсу правительства С. Абэ, но первые шаги на должности премьер-министра уже показали приоритеты его внешней политики: союз с США, реализация вместе со странами АСЕАН проекта свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона, улучшение отношений с Китаем.

Так, 26 ноября Ё. Суга встретился с министром иностранных дел КНР Ван И, который прибыл в Японию для переговоров со своим коллегой Мотэги Тосимицу¹⁹. В резиденции премьер-министра Японии, куда Ван И нанёс визит вежливости, он передал Ё. Суга послания от председателя КНР Си Цзиньпина и премьера Госсовета Ли Кэцяна. В свою очередь Ё. Суга призвал Китай обращать внимание на безопасность в Восточно-Китайском море, в том числе вокруг о-вов Сэнкаку²⁰. Несмотря на разные позиции стран по ряду исторических и иных вопросов, в уменьшении накала противостояния, похоже, заинтересованы обе стороны.

На фоне усилившейся роли США, способных оказывать большое влияние на внешнюю политику Японии, а также укрепления их оборонной роли для её защиты от угроз со стороны Северной Кореи и Китая, в отношениях с Россией Япония может занять более жёсткую позицию по «северным территориям» (южным Курильским островам). Интрига заключается в том, захочет ли Ё. Суга двигаться дальше по этому пути.

Российско-японские отношения в 2020 году

Основной темой в российско-японских отношениях в 2020 г. стал «Год российско-японских межрегиональных и побратимских обменов» в условиях COVID-19 при отсутствии ставших в последние годы традиционными контактов на высшем уровне. Из-за ограничений в связи с пандемией изменились форматы многих массовых мероприятий, сократился туристический обмен²¹, и произошёл переход на дистанционные форматы коммуникации. Очевидно, что по другим направлениям, включая торгово-экономические отношения, показатели сотрудничества по результатам года могут оказаться существенно ниже, чем в 2019 г.

Год российско-японских межрегиональных и побратимских обменов

29 июня 2019 г. во время визита в Японию В.В. Путин и С. Абэ пришли к общему мнению о необходимости проведения с 2020 по 2021 г. «Года российско-японских межрегиональных и побратимских обменов», по поводу которого был подписан меморандум. Официальное открытие Года планировалось в мае 2020 г. в г. Саппоро (Хоккайдо) в присутствии лидеров России и Японии, но из-за пандемии оно не состоялось.

Не получила должного развития идея продолжить в рамках «Года обменов» деятельность Совета губернаторов России и Японии, которая была возобновлена в 2019 г. после почти девятилетнего перерыва.

¹⁹ The Japan Times. 25 Nov 2020. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2020/11/25/national/politics-diplomacy/japan-china-national-security-senkaku/> (дата обращения: 01.12.2020).

²⁰ NHK World. 26.11.2020.

²¹ По данным аналитиков ВТБ, россияне в 2020 г. сократили траты на отдых за рубежом на 60 %. URL: <https://www.vtb.ru/o-banke/press-centr/novosti-i-press-relizy/2020/12/2020-12-03-vtb-rossiyane-v-etom-godu-sokratili-traty-na-otdykh-za-rubezhom-na-60/> (дата обращения: 4.12.2020).

С ограничениями проходит и ежегодный 15-й Фестиваль российской культуры в Японии 2020 г., запланированные мероприятия которого осуществляются в основном силами японской стороны с участием проживающих в Японии россиян.

Ограничения затронули конференции, лекции и иные научно-образовательные мероприятия, они проводятся в режиме онлайн, который в дальнейшем может стать обычной практикой, что требует пересмотра многих аспектов двухсторонних контактов. Массовые культурные мероприятия также пришлось проводить дистанционно, а если принято решение о традиционном формате, то организаторы принимают серьёзные меры безопасности и следят за соблюдением социальной дистанции, а также за тем, чтобы все участники надевали маски, перчатки, пользовались антисептиками.

С 15 ноября по 5 декабря 2020 г. проходил крупнейший в России 11-й по счёту ежегодный фестиваль японской культуры J-FEST AUTUMN 2020 ONLINE FESTIVAL²². Он состоялся в онлайн-формате под девизом «Япония на расстоянии клика». Велись прямые трансляции из Японии, в ходе которых демонстрировался танец *бон-одори*, прошли голосования на конкурсе косплея и других соревнованиях, были представлены фильмы и концерты традиционной японской музыки, включающие в себя проект Art Kabuki, *ракуго*, демонстрировались традиционные японские боевые искусства, шли лекции по истории Японии и многое другое. Доступ к контенту фестиваля – бесплатный. Данный проект был включён в московскую программу «Месяца Японии в Москве». Завершением фестиваля стал праздничный концерт AUN-J CLASSIC ORCHESTRA, транслировавшийся в прямом эфире из Японии.

С точки зрения работы музеев в условиях COVID-19, интересен опыт Государственного музея Востока, который провёл на телеканале «Культура» онлайн-выставку «Открытый музей»²³ из коллекции японских шедевров²⁴. При этом сам музей закрыт с 16 ноября 2020 г. по 15 января 2021 г.

На особом счету – тема побратимских обменов. Япония активно выстраивает такие отношения²⁵ с городами из других стран. По данным Совета местных органов власти по международным отношениям (Council of Local Authorities for International Relations), Япония насчитывает сейчас 1 777 таких связей между своими городами, префектурами, регионами и партнёрами аналогичного масштаба за рубежом²⁶.

Как известно, в 1964 г. была создана Ассоциация по связям советских и зарубежных городов, которая входила в Союз советских обществ дружбы (ССОД) и являлась коллективным членом Всемирной федерации породнённых городов (1957–2004), в которую вошли породнённые города СССР. Первыми из них в российско-японских отношениях стали г. Находка (Приморский край) и г. Майдзуру (преф. Киото), которые породнились 21 июня 1961 г. С 1961 г. по 2001 г. между Японией и Советским союзом было установлено

²² См. URL: <https://j-fest.org/> (дата обращения: 04.12.2020).

²³ Онлайн-выставка «Открытый музей». Японские шедевры в коллекции Государственного музея Востока. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2BgnRPUEVE4> (дата обращения: 04.12.2020).

²⁴ В экспозиции Государственного музея Востока находится более 450-ти произведений из Японии. Эти предметы создавались с конца XII до начала XX вв. Они относятся к различным видам искусства и ремёсел, составляя основу японской художественной традиции.

²⁵ Города-побратимы, по-японски: 姉妹都市 *симаи-тоси*, досл. «города-сёстры». Вероятно, японский термин произошёл от англоязычного «sister city».

²⁶ Sister City Information. URL: <http://www.clair.or.jp/e/exchange/shimai/index.html> (дата обращения: 04.12.2020).

48 побратимских связей городов и регионов²⁷. Для сравнения: с США – 458 связей, с Китаем – 375, с Республикой Корея – 165²⁸. Однако в настоящее время Ассоциации по связям советских и зарубежных городов не существует, и в современной России механизм создания городов-побратимов, похоже, не работает.

Для активизации этого процесса Посольство Японии в России предлагает свою помощь. Так, на его сайте в разделе «Города-побратимы» российской стороне представлен алгоритм работы по созданию таких отношений²⁹.

«Год обменов» мог бы содействовать этому направлению гуманитарного сотрудничества двух стран. Однако не исключено, что традиционная форма побратимских обменов с регулярными двухсторонними визитами останется в прошлом, а развиваться начнут дистанционные форматы взаимодействия, размывающие географические рамки побратимских связей.

Политика награждений

Как оказалось, пандемия практически не повлияла на наградную деятельность двух государств: Россия и особенно Япония проводят активную дипломатию в сфере поощрений граждан и организаций за развитие двусторонних отношений. В 2020 г. японской стороной премированы известные российские японоведы, которые ранее были председателями Ассоциации японоведов, а также другие специалисты.

Так, 29 апреля 2020 г. правительство Японии опубликовало список иностранных граждан, награждённых орденами весной 2020 г. (Москва): И.П. Лебедева (Институт востоковедения РАН, бывший председатель Ассоциации японоведов), А.Н. Мещеряков (Институт классического Востока и античности Высшей школы экономики, бывший председатель Ассоциации японоведов), Г.Б. Шишкина (Государственный музей Востока)³⁰.

3 ноября 2020 г. был обнародован список иностранных граждан, награждённых орденами правительства Японии осенью 2020 г. (Москва)³¹. Среди них: Ф.К. Шодиев (учредитель и член совета директоров компании «Eurasian Resources Group», председатель Международного фонда Шодиева, почётный председатель Ассоциации японоведов), К.О. Саркисов (почётный профессор университета Яманаси Гакуин, бывший председатель Ассоциации японоведов), А.И. Кравцевич (бывший профессор Университета Хосэй, бывший председатель Ассоциации японоведов), а также Т.Х. Метакса (советник генерального директора, бывший первый заместитель директора Государственного музея Востока).

Был награждён и Международный фонд Шодиева (International Chodiev Foundation), созданный в 1996 г. бизнесменом и филантропом Ф.К. Шодиевым, который играет значительную финансовую роль в российско-японских отношениях. Фонд, в частности,

²⁷ Sister City Information. Russia. URL: <http://www.clair.or.jp/e/exchange/shimai/countries/detail/49> (дата обращения: 04.12.2020).

²⁸ Sister City Information. Japanese Local Governments with Affiliation Agreements by Country and Territory. URL: <http://www.clair.or.jp/e/exchange/shimai/countries/> (дата обращения: 04.12.2020).

²⁹ Посольство России в Японии. URL: <https://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/TWINCITIES/> (дата обращения: 04.12.2020).

³⁰ Посольство Японии в России. 29.04.2020. URL: https://www.ru.emb-japan.go.jp/itpr_ru/gaikokujinjokun_200429.html (дата обращения: 04.12.2020).

³¹ Посольство Японии в России. 03.11.2020. URL: https://www.ru.emb-japan.go.jp/itpr_ru/20201103.html (дата обращения: 04.12.2020).

организует и финансирует мероприятия как на территории России, так и Японии. Например, Международный фонд Шодиева является генеральным спонсором фестиваля японской культуры J-FEST. В 2019 г. за активную работу по развитию отношений между Россией и Японией фонд был награждён почётной грамотой министра иностранных дел Японии. В сентябре 2020 г. Ф.К. Шодиев удостоен российского Ордена Дружбы. В ноябре 2020 г., как указано выше, меценат награждается японским Орденом восходящего солнца – Золотые лучи с шейной лентой за активный и многолетний вклад в развитие экономических и культурных связей между Россией и Японией.

О перспективах подписания мирного договора

Хотя премьер-министр Ё. Суга не раз заявлял о намерении продолжать политику С. Абэ, он, в отличие от своего предшественника, не имеет личных стимулов развивать партнёрство с Россией. Пока отношения между двумя странами не «заморозились», но многие эксперты предполагают такое развитие событий.

По данным NHK, 29 сентября в телефонном разговоре с президентом В.В. Путиным премьер-министр Ё. Суга предложил урегулировать двусторонний территориальный вопрос с Россией, не передавая его решение следующему поколению³². На сайте российского лидера было размещено сообщение о прошедших переговорах, в котором «подтверждено обоюдное намерение продолжать усилия по продвижению всего комплекса отношений между Россией и Японией в интересах народов двух стран и Азиатско-Тихоокеанского региона в целом»³³. О мирном договоре и территориальной проблеме упоминаний в данном сообщении нет. Это говорит о разных подходах к выстраиванию двусторонних отношений: Россия делает упор на широкомасштабном сотрудничестве, а Япония во главу угла ставит решение территориальной проблемы. Пока ничего нового по её решению нет, как и по вопросу подписания мирного договора Ё. Суга российской стороне пока ничего не предложил.

По ситуации на 2020 г. можно констатировать практически полное прекращение политического диалога по этим проблемам, который ранее так активно продвигал С. Абэ. Редкие ритуальные обмены мнениями на уровне государственных чиновников говорят о том, что Токио не ставит на первые места своей внешней политики развитие отношений с Россией по широкому спектру вопросов, ограничиваясь традиционными требованиями «вернуть северные территории».

Вероятно, первая встреча президента России В.В. Путина и премьер-министра Японии Ё. Суга, ожидаемая в начале 2021 г., покажет, произошли ли изменения в позициях стран по разным сферам двустороннего сотрудничества, включая переговоры по мирному договору. Не исключено, что на политическую повестку повлияет и 65-летие подписания Совместной декларации СССР и Японии 1956 г. Обе стороны воспринимают её как реально действующий документ, на который необходимо опираться при выходе на подписание мирного договора, который позволит решить территориальную проблему. Роль этой декларации в двусторонних отношениях не ограничивается исторической составляющей – как документ она актуальна и сегодня.

³² NHK World, 30.09.2020.

³³ Президент России. 29.09.2020. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64110> (дата обращения: 02.12.2020).

Заключение

Ключевым событием 2020 г. стало распространение эпидемии COVID-19, затронувшее практически все ведущие страны, включая государства Восточной Азии, величину причинённого ущерба которым ещё предстоит исследовать.

Эпидемия серьёзно ударила по экономике, прежде всего – по туристической отрасли и смежным с ней областям. Планы по проведению массовых мероприятий в странах Восточной Азии, включая Олимпиаду-2020 в Японии, были сорваны. Многие экономические и гуманитарные проекты из офлайн ушли в онлайн, но для оценки этих изменений необходимы исследования, основанные на полной и широкомасштабной статистике по Японии за 2020 г.

Смена в Японии премьер-министра вызвала озабоченность в среде экспертов в связи с развитием российско-японских отношений по возможному негативному сценарию. И хотя на настоящий момент серьёзного «охлаждения» отношений нет, однако нет и новых предложений по их улучшению. Премьер-министр Ё. Суга в этом вопросе скорее выглядит консерватором, чем новатором, каким продемонстрировал себя премьер-министр С. Абэ, активно действовавший на российском направлении в рамках своих политических возможностей, к сожалению, весьма ограниченных.

Можно констатировать, что 2020 г. заложил основы «посткоронавирусной эпохи», которая только начинает формироваться в разных странах и проявляться в различных формах «дистанционной» жизни и бесконтактного взаимодействия. В Японии это уже наблюдается во многих сферах деловой и общественной жизни. Дальнейшие изменения в стране в сторону «изоляции» стимулируют одни секторы экономики (прежде всего – цифровые технологии, робототехнику, беспилотный транспорт и др.) и подавляют другие (туризм и бизнес, обслуживающий массовые мероприятия). Эти процессы, несомненно, будут находиться в фокусе внимания исследователей-японистов из разных стран. В полной мере тема «посткоронавирусной эпохи» в Японии станет вызовом и для российских специалистов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Казаков О.И. Иностраный туризм Японии накануне Олимпийских игр 2020 года // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 1. С. 81–96. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10007

Кириченко М.А. Японское образование: дистанционное обучение и другие вызовы современности // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 2. С. 51–65. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10011

Лебедева И.П. Структурные проблемы японского рынка труда // Японские исследования. 2020. № 1. С. 48–68. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10003

Тихоцкая И.С. Экологические проблемы в Японии: между прошлым и будущим // Японские исследования. 2018. № 1. С. 59–71. DOI: 10.24411/2500-2872-2016-00007

Япония в ретроспективе смены поколений / под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Аспект-пресс, 2020. ISBN 978-5-7567-1084-7

REFERENCES

Kazakov O.I. (2020). Inostrannyi turizm Yaponii nakanune Olimpiyskikh igr 2020 goda [Japan's inbound tourism on the eve of the 2020 Olympic Games], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2020, 1: 81–96. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10007

Kirichenko M.A. (2020). Yaponskoe obrazovanie: distancionnoe obuchenie i drugie vyzovy sovremennosti [Japanese education: distance learning and other challenges of the present], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2020, 2: 51–65. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10011

Lebedeva I.P. (2020). Strukturnyye problemy yaponskogo rynka truda [The structural problems of the Japanese labor market], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2020, 1: 48–68. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10003

Tikhotskaya I.S. (2018). Ekologicheskiye problemy v Yaponii: mezhdru proshlym i budushchim [Ecological problems in Japan: between past and future], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2018, 1: 59–71. DOI: 10.24411/2500-2872-2016-00007

Yaponiya v retrospektive smeny pokoleniy (2020) [Japan in the Retrospective of Generation Change], ed. by D.V. Streltsov, Moscow: Aspekt-press. (In Russian). ISBN 978-5-7567-1084-7

Поступила в редакцию 07.12.2020

Received 7 December 2020

Для цитирования: Горчакова Т.Е., Казаков О.И. Об изменении ситуации в Японии и российско-японских отношениях в 2020 году // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 4. С. 49–62. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10024

For citation: Gorchakova T.E., Kazakov O.I. (2020). Ob izmenenii situatsii v Yaponii i rossiysko-yaponskikh otnosheniyakh v 2020 godu [On the changes of the situation in Japan and the Russian-Japanese relations in 2020], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2020, 4: 49–62. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10024

DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10025

Лингва Хиросима – электронный каталог книг об атомной бомбардировке

М.А. Кириченко

Аннотация. Основной объект данного исследования – недавно созданный японский сайт Лингва Хиросима (Lingua Hiroshima), который специализируется на формировании электронного каталога книг по теме атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. В статье рассмотрены цели его создания, методы работы редакторов и результаты проведенного ими анализа собранной информации. Исследований на эту тему в России не проводилось, но предполагается, что японский опыт мог бы быть полезен и при создании аналогичных российских каталогов на темы, требующие продвижения в мире.

Ключевые слова: Япония, атомная бомбардировка, Хиросима и Нагасаки, Вторая мировая война, борьба за мир, литература, электронный каталог.

Автор: Кириченко Мария Алексеевна, старший преподаватель Дипломатической академии МИД РФ (адрес: 119021, Москва, ул. Остоженка, 53/2, строение 1), редактор Института Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). E-mail: aimaria.kirichenko@yandex.ru

LinguaHiroshima – a Database of books on atomic bombing

М.А. Kirichenko

Abstract. The main object of this research is the newly created Japanese website LinguaHiroshima, which specializes in creating an electronic catalog of books about the atomic bombings of Hiroshima and Nagasaki. The article discusses the goals of its creation, the editors' working methods and the results of their analysis of the information received. The research on this topic has not been conducted in Russia, but it is assumed that the Japanese experience could be useful in creating similar catalogs on topics required promotion by Russia in the world.

Keywords: Japan, atomic bombing, Hiroshima and Nagasaki, World War II, the struggle for peace, literature about the atomic bombing, digital catalogue.

Author: Kirichenko Maria A., Senior Lecturer at the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (address: Building 1, Ostozhenka Str., 53/2, 1, Moscow, 119021); Editor of the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). E-mail: aimaria.kirichenko@yandex.ru

Память о войне

В 2020 г. отмечалось 75-летие окончания Второй мировой войны. Даже для Японии, которая потерпела поражение, приняла безоговорочную капитуляцию, прошла через

оккупацию союзных держав, а на её территории всё ещё расположены американские военные базы, эта дата не может не нести с собой радость и свет – ведь вот уже 75 лет жители Страны восходящего солнца видят над головой мирное небо.

Япония встала на мирный путь развития, закрепив Принцип мира и отказавшись от оружия в своей послевоенной Конституции. Она удивила планету своим экономическим развитием, передовыми технологиями, гостеприимством, сохранением древних традиций и культуры. При этом японцы стараются беречь память о войне и передавать трагический опыт следующим поколениям.

В разные дни 2020 г. новостная лента часто начиналась с упоминания о ковровой или стратегической бомбардировке, которым 75 лет назад подвергся тот или иной город Японии: Токио, Нагоя, Осака, Кобэ, Киото, Иокогама. По всей стране проходили мероприятия памяти жертв этих атак – в основном мирных людей.

Главные даты последних дней войны в Японии – 6 и 9 августа 1945 г., дни атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Эти названия в трагическом контексте пишутся не иероглифами (広島、長崎), а азбукой катаканой (ヒロシマ、ナガサキ). Так разделяются смыслы: города-жертвы и прекрасные региональные центры, которые несмотря ни на что возродились и не должны ассоциироваться только с горем. Помимо официальных мероприятий, таких как Церемония памяти жертв атомной бомбы в Хиросиме, проводятся и памятные торжества многочисленных общественных организаций и групп, которые заботятся о мемориалах и об увековечении пережитого. В подобных акциях участвуют все жители городов. Например, в районе Кояура г. Сака в окрестностях Хиросимы около мемориала проводится фестиваль ритуального приготовления рисовых лепёшек *моти* для последующего их подношения душам 93 похороненных там жертв и их поминовения. Действие продолжает просветительская программа – жителям района рассказывают о ситуации после атомной бомбардировки, о том, как в этих окрестностях находили спасение пострадавшие из Хиросимы, показывают фильмы, подготовленные местной телерадиовещательной корпорацией.

Ежегодная вечерняя поминальная служба 6 августа на р. Мотоясу с запуском плавающих фонариков в память о погибших и с молитвами о мире в 2020 г. проводилась онлайн: на большие экраны проецировались фонарики с надписями, причём принять участие в этом мероприятии можно было из любой точки мира. Всё это сопровождалось пением сводного онлайн-хора, в который вошли вокалисты из разных стран, включая Россию [75 каймэ но 8.6. 2020 нэн...].

Важной вехой в сохранении памяти о трагедии стало официальное открытие 10 января 2019 г. сайта электронного каталога книг об атомной бомбардировке японских городов – Лингва Хиросима [Гэмбаку бункэн].

Сведения о сайте Лингва Хиросима

Ресурс содержит примерно 3,5 тыс. источников, опубликованных на 75 языках мира. Этот без преувеличения эксклюзивный проект – самая обширная и доступная международная база данных по литературе о Хиросиме и Нагасаки.

Сервис создан командой разработчиков из г. Курэ префектуры Хиросима. Как и в любом электронном каталоге, поиск можно осуществлять по названию книги и по имени

автора, а данные содержат год выпуска, издательство, имена редакторов и переводчиков, сведения о переводах на другие языки и ссылки на них. К части книг прилагаются краткие примечания редакторов сайта.

Латинский термин *lingua* – «слово» – для названия ресурса выбран неслучайно: исследовательский проект задаётся целью узнать, в каких странах, на каких языках и какие произведения издаются про атомную бомбардировку Хиросимы и Нагасаки, и посредством этого проанализировать, как мировая общественность восприняла трагический опыт японских городов.

Концепция проста и вместе с тем категорична – не допустить повторения катастрофы, случившейся в Хиросиме и Нагасаки. Предоставляя данные литературных и научных источников о бомбардировке на разных языках, редакторы сайта принимают участие в распространении по всему миру знаний об этой трагедии, а также в формировании большой гражданской группы, которая будет заботиться о безопасности именно людей, а не государств, в условиях, когда ликвидация ядерного оружия на планете далека от воплощения в действительность.

Модернизация всего ресурса, его поисковой системы продолжается, как и анализ книг каталога. В связи с этим редакторы проекта просят посетителей сайта принять участие в пополнении базы новыми изданиями и (или) сведениями о них. Только за время написания данной статьи количество источников на русском языке увеличилось с 73 до 78. В базе есть несколько книг, которые рассказывают про ядерные испытания на атолле Бикини, аварии в Чернобыле и в Фукусиме. Главное условие попадания в каталог – упоминание в содержании об атомных бомбардировках Хиросимы и Нагасаки.

Работа над созданием тематической электронной библиотеки началась в 2014 г., за год до 70-летия трагического августа 1945 г. Организаторы проекта – Накамура Томоко (中村朋子) и Уршула Стычек (Urszula Styczek) начали исследование разноязычной литературы об атомных бомбардировках Хиросимы и Нагасаки. Уршула Стычек приехала в Японию из Польши на стажировку для изучения творчества писателя Хара Тамики (1905–1951 гг.), известного своими произведениями об атомной бомбардировке. В процессе научной работы она начала составлять список переводов японской литературы на эту тему, которую в Японии называют *гэмбаку бунгаку* (原爆文学, литература атомной трагедии), на другие языки. Работая преподавателем в нескольких университетах Хиросимы, она также занимается деятельностью, связанной с правами человека. Доктор педагогических наук Накамура Томоко, почётный профессор Международного университета Хиросимы, ранее участвовала в проекте «Литература о Хиросиме и Нагасаки, доступная на английском языке» (英語で読む広島・長崎文献) и в 2003 г. издала одноимённую книгу, также занималась популяризацией произведений про атомные бомбардировки на английском языке [Накамура Томоко]. Финансово проект поддержали несколько организаций. Среди них Хиросимский фонд созидания мира, который был создан в 1995 г., в год 50-летия окончания Второй мировой войны для помощи организациям и частным лицам, занимающимся деятельностью, направленной на передачу опыта пострадавших от атомной бомбардировки и созидание мира. Сотрудниками фонда являются губернатор префектуры Хиросимы, мэр г. Хиросимы, представители местных СМИ, университетов, банков и торгово-промышленной палаты [Хиросима Хэйва...]. Спонсорами Лингва Хиросима выступают также грантовый

фонд Niwano Peace Foundation Grant, созданный в 1978 г. и имеющий в своих рядах представителей религиозных организаций, образовательных и банковских систем [Нивано Хэйва...], и отделение международной ассоциации сороптимистов Soroptimist Heiwa Hiroshima [Сороптимист Хэйва...].

Источники в базе данных делятся на 7 тематических групп (рис. 1). В разделе художественной литературы – 705 книг, детской литературы – 522, в дневниках и репортажах – 494, в истории и социальной науке – 1198, в альбомах фотографий и рисунков – 193, в медицине – 274, в физике – 119 книги.

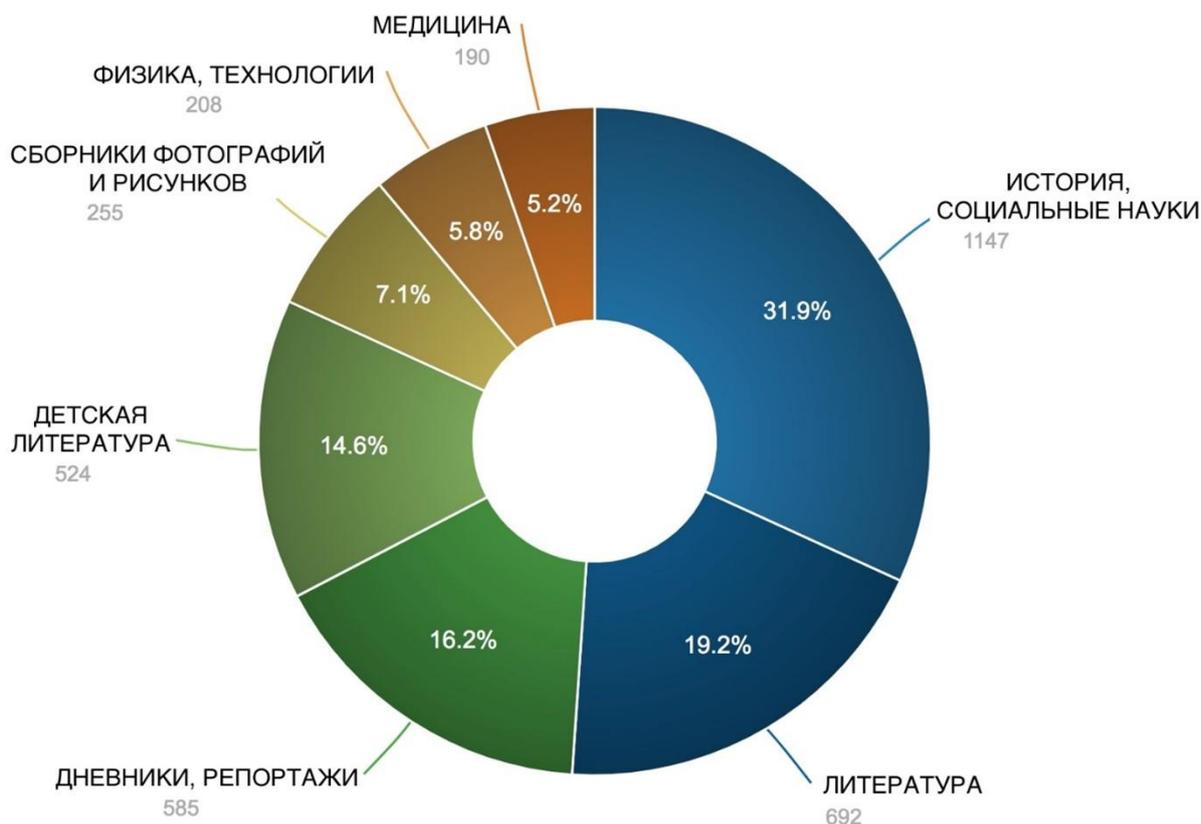

Рис. 1. Распределение по темам книг про атомную бомбардировку
Источник: [LinguaHiroshima].

Анализ источников показал, что чаще всего на японский, а с него – на многочисленные языки переводится художественная и детская литература (манга – японские комиксы, книжки с картинками, учебники, произведения для детей и подростков), часть из которой написана в стиле дневниковых записей. Редакторов сайта этот факт чрезвычайно обрадовал, так как подобные книги имеют большую назидательную ценность, в том числе для будущих граждан Земли. Кроме того, анализ периодов выхода оригинальных детских изданий на эту тему, в том числе повторных, показывает, что она не утрачивает своей актуальности по сей день.

По количеству переводов среди детских книг лидирует книжка с картинками Умино Сихо (1947 – н.в.), написанная в 2003 г., но уже переведённая на 27 языков – «Путешествие бумажного журавлика» («Оридзуру но таби. Садако-но инори о носэтэ»). Это история о девочке Садако, ставшей жертвой атомной бомбардировки. Своим переводам книга обязана небольшой неправительственной организации ANT Hiroshima.

В основном книга выходила на языках Азии, а в последнее время стали появляться издания на европейских языках, хотя перевода на русский пока нет.

Среди часто переводимых японских авторов есть такие, кто пережил опыт бомбардировки (Хара Тамики, Тогэ Санкити (1917–1953), Курихара Садако (1913–2005)), и те, которые не находились в эпицентре печальных событий (Оэ Кэндзабуро (1935 – н.в.), Иноуэ Хисаси (1934–2010), Ибусэ Масудзи (1898–1993)). Так, произведения Хара Тамики можно прочесть на 22 языках, Курихара Садако и Тогэ Санкити – переведены на 9 языков, включая русский. Книги Ибусэ Масудзи, в том числе знаменитый «Чёрный дождь», напечатаны на 22 языках, в том числе на русском, Оэ Кэндзабуро – на 9, Иноуэ Хисаси – на 6. По каждому японскому автору редакторы проекта провели исследование: какие именно произведения, когда и на какие языки были переведены, резюмировали, на каких языках написаны рецензии на них.

Лидером по количеству переводов на другие языки, включая японский, среди произведений иностранных авторов остаётся написанная в 1961 г. на немецком книга австрийского детского писателя Карла Брукнера (Karl Bruckner, 1906–1982) «Садако хочет жить». На японском языке она увидела свет в 2000 г. Следующим идёт произведение «Цветы Хиросимы» шведско-американской писательницы Эдиты Моррис (Edita Morris, 1902–1988), написанное в 1959 г., а в 1971 г. переведённое на японский, а всего – на 19 языков.

Интересен и анализ распределения книг по языкам (рис. 2).

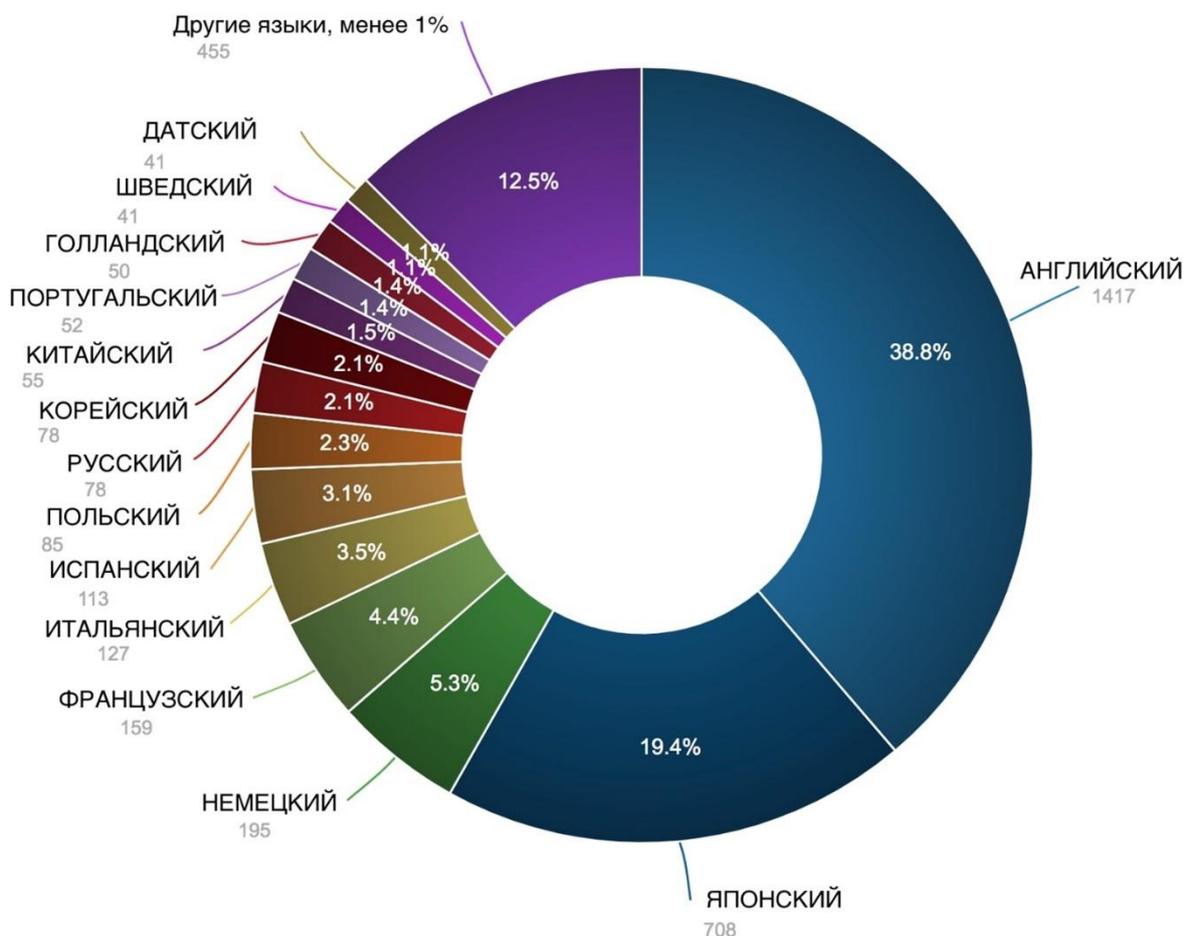

Рис. 2. Распределение литературы по языкам
 Источник: [LinguaHiroshima].

Как следует из схемы, наибольшее количество источников – англоязычные. База произведений на 75 языках содержит и книги на японском, но лишь те, которые имеют переводные версии, либо сами являются переводами. Иными словами, большинство сочинений японских авторов, не изданных на других языках, в каталоге отсутствует, поэтому книг на японском получилось меньше, чем на английском. Русскоязычная литература, зафиксированная на данном сайте, составляет 2,1 %, а именно – 78 книг.

В сегмент менее 1 % входят произведения на языках бывших республик СССР: таджикском, узбекском, азербайджанском, армянском, эстонском, литовском. Кроме них есть книги на венгерском, турецком, арабском, финском и др. К работе организаторов проекта присоединились носители языков из разных стран, без помощи которых невозможно вводить в компьютер информацию на редких наречиях. На некоторых из них – бирманском, бенгальском, сингальском, тамильском, себуанском, пушту, панджаби, маратхи – было найдено всего по 1–2 книги, но они являются просто сокровищами для организаторов сайта, представляя большую ценность для лингвистического исследования. То же можно сказать и о немногочисленных, но уникальных источниках на редких языках Европы – каталанском, галисийском, гренландском, баскском, фарерском, валлийском.

За произведения на русском и других языках, использующих кириллицу, отвечает Уршула Стычек, которая ещё в школе изучала его, а также Хасимура Масуми – участник проекта «Хиросима – Семипалатинск», призванного оказывать помощь жителям Семипалатинска [LinguaHiroshima, Кэнрицу Хиросима].

В своей работе редакторы сайта Лингва Хиросима используют не только Интернет, но и базы данных информационной библиотеки Мемориального музея мира в Хиросиме, где хранится 65 580 японских и иностранных книг и журналов про атомную бомбардировку (из них 26 451 – японские книги и 3190 – иностранные книги на 41 языке) [Мемориальный музей...]. Помимо этого используются материалы литературы Центральной городской библиотеки Хиросимы, где 39 104 книги и журнала размещены в открытом справочном и бесплатном читальном залах, а также библиотеки Хиросимского и других университетов, библиотеки в Музее атомной бомбы Нагасаки, где разрешено просматривать книги по особым случаям.

Из зарубежных исследовательских учреждений редакторы приводят в пример Центр ресурсов мира Уилмингтонского университета в Огайо, США, который обладает самой большой коллекцией материалов, связанных с атомными бомбардировками, на японском и английском языках. В центре хранится 1100 книг, изданных с конца 1940-х гг. по настоящее время. Из них 625 – это литература на японском, 475 книг представляют собой собрание англоязычной литературы и фотоальбомов [LinguaHiroshima; Кэнрицу Хиросима...; Накамура Томоко...].

Обзор литературы на русском языке

Согласно списку Лингва Хиросима на момент написания данной статьи, на русском языке издано 78 книг на тему атомной бомбардировки. Первое издание датируется 1946 г.: это книга американского физика Г.Д. Смита (1898–1986) «Атомная энергия для военных целей: официальный отчёт о разработке атомной бомбы под наблюдением правительства США». Кроме русского книга переведена ещё на 15 языков, включая японский (1951 г.).

Далее можно наблюдать достаточно равномерное распределение выпуска литературы на данную тему по десятилетиям XX и XXI вв. Последняя по времени издания книга на языке Пушкина и Толстого датируется 2016 г. – это манга Накадзава Кэйдзи (1939–2012) «Босоногий Гэн-5», выпущенная в Брянском издательстве Alt Graph. Со второй половины 1980-х гг. можно проследить участие японских организаций в выпуске книг на языке нашей страны. К примеру, в 1985, 1989, 1995, 1999 гг. Хиросимский Мемориальный Музей Мира выпустил «Краткий очерк материального ущерба от взрыва атомной бомбы города Хиросимы», а в 1995 и 1998 гг. г. Хиросима издал брошюру «Декларация мира» – на русском и других языках. В 1993 г. Группой по распространению памяти Хиросимы на эсперанто, русском и английском языках были изданы дневники пострадавших от взрыва атомной бомбы – «Незабываемый день: Крики Хибакуся из Хиросимы и Нагасаки».

В 1990-х гг. российское издательство АО «Япония сегодня» совместно с международным проектом «Гэн», действующим с 1976 г. для перевода книги «Босоногий Гэн» на разные языки мира, осуществило серию переводов и на русский. Манга рассказывает о жизни мальчика по имени Гэн до и после бомбардировки Хиросимы и основана на реальных событиях жизни автора.

Среди книг на русском – переводы и с японского, и с других языков, и оригинальные, написанные советскими и российскими авторами. В числе японских произведений, увидевших свет на нашем языке, – книги Ибусэ Масудзи «Чёрный дождь», Оэ Кэндзабуро «Хиросимские записки (сборник эссе)», различные произведения Хара Тамики, Тогэ Санкити, Курихара Садако, Мунэтоси Фукагава, упомянутая уже манга Накадзава Кэйдзи «Босоногий Гэн» (Хадаси но Гэн), переведённая на 24 языка. Довольно значимое место по переводам занимает книга Осада Арата¹ (1887–1961) «Дети Хиросимы. Воззвание мальчиков и девочек Хиросимы» («Гэмбаку но ко»), перевод на русский язык которой был осуществлён в 2010 г. автором этой статьи. Книга издана при финансовой помощи Японского фонда, японских частных лиц, обществ, издательств и компаний ещё на 23 языках.

Её составитель Осада Арата вместе с помощниками-студентами обходил школы Хиросимы и просил детей написать свои воспоминания о дне бомбардировки. Удалось собрать 1175 записей, которые профессор Осада первоначально планировал использовать как материал для своей работы по изучению психологии и проблем так называемой мирной педагогики. Однако, перечитав записи детей, младшим из которых во время трагедии было по 4 года, профессор понял, что их нужно предать широкой огласке, чтобы как можно больше людей узнали, какой опыт пришлось пережить детям Хиросимы. Его сын, почётный профессор Июкогамского муниципального университета Осада Горо, который также был свидетелем атомной бомбардировки и спас несколько человек из огня, посвятил жизнь тому, чтобы издать книгу на многих языках и вести просветительскую деятельность, направленную на защиту мира и отказ от ядерного оружия, долгое время являлся председателем Общества защиты детей Японии. Выйдя в свет в разгар Корейской войны, эта

¹ Осада Арата – первый ректор Хиросимского университета гуманитарных и естественных наук, почётный профессор Хиросимского университета, первый президент японского Педагогического общества, первый президент Общества защиты детей Японии, сотрудник Швейцарского государственного института исследований истории воспитания и образования имени Песталоцци, почётный доктор философии Цюрихского университета.

книга повлияла на общественное мнение и формирование движения за мир в Японии, и тем самым помогла предотвратить использование ядерного оружия в Корее и во Вьетнаме, что делает её особенно ценной [Дети Хиросимы...]. Для русского издания Г. Осада отобрал 44 рассказа японских школьников и студентов.

Среди переводов с иностранных языков – произведения Роберта Юнга (1913–1994) «Ярче тысячи солнц» – повествование об учёных-атомщиках, переведённое на 16 языков, включая японский, и «Лучи из пепла. История одного возрождения»; Карла Брукнера (1906–1982) «Садако хочет жить»; Элеоноры Корр (1922–2010) «Садако и тысяча бумажных журавликов»; Курта Воннегута (1922–2007) «Колыбель для кошки: романы». Нельзя не упомянуть и о переводных романах лауреата Нобелевской премии по литературе 2017 г., британца японского происхождения Исигуро Кадзуо (1954 – н.в.) «Там, где в дымке холмы» (1982) и «Художник зыбкого мира» (1986). Первый повествует о живущей в Англии японке, которая после самоубийства дочери мучается воспоминаниями о разрушении Нагасаки. Во втором романе через рассказ обременённого собственным военным прошлым художника Оно Мацуи исследуется отношение японцев ко Второй мировой войне.

В ряду ярчайших произведений русских авторов, которые были переведены на японский – «Дождь в Нагасаки» И.Г. Эренбурга (1891–1967), «Тени на мосту: очерки» и «Горячий пепел – Хроника тайной гонки за обладание атомным оружием» В.В. Овчинникова (1926 – н.в.).

Некоторые книги читают на многих языках, кроме японского. Например, «Девушка из Хиросимы» Р.Н. Кима (1899–1967) переведена на 6 языков стран социалистического лагеря, а также на бенгальский, но не имеет аналогов на английском и японском. Этим она заслужила отдельное примечание редакторов сайта, которые отнесли этот факт на политический счёт, в том числе упомянули непростую судьбу советского писателя Р.Н. Кима.

Популярность в СССР приобрело издание «Хиросима. Серия панно лауреатов Международной премии мира японских художников Ири Маруки и Тосико Маруки», а также «Современная японская живопись: каталог», выпущенный Союзом художников СССР.

Электронные каталоги в России

Япония хранит память о трагических событиях в Хиросиме и Нагасаки, делая акцент на страданиях простых людей, передавая горестное знание даже самым маленьким детям в доступной форме. Страна стремится транслировать этот опыт в другие страны. Здесь наблюдается коллаборация учёных, которые составляют каталоги, привлекая коллег из других стран, финансирующих организаций, поддерживающих их деятельность и выпуск просветительской литературы, и власти. Планомерный и целенаправленный подход японцев приносит ожидаемые плоды – книги на тему атомной бомбардировки продолжают издаваться во многих странах и в наше время, когда многие события той тяжёлой эпохи предаются забвению.

Отслеживаются ли подобным образом тексты и переводы на тему российской коллективной травмы – Великой Отечественной войны? Особенно актуален этот вопрос сейчас, когда многие её эпизоды подвергаются новому истолкованию, а для России на международном уровне остро встала проблема попыток переписать историю.

На данном этапе автору не удалось найти похожих исследований на животрепещущие для нашей страны темы. Конечно, в русскоязычном Интернете есть много тематических списков и каталогов книг, составленных библиотеками, обществами книголюбов и книжными магазинами: Российской государственной детской библиотекой, Электронной библиотекой современного книголюбца, Президентской библиотекой имени Б.Н. Ельцина и др. Среди этих баз есть списки книг про атомное оружие, подборки произведений советских и зарубежных писателей по определённым сражениям, произведения зарубежных авторов, посвящённые Второй мировой войне (однако эти книги рассказывают о военных событиях в других странах). На Вторую мировую войну можно посмотреть глазами зарубежных писателей и даже – немецких солдат [Вторая мировая война в книгах...; Рекомендованный список...; Военные мемуары...; Вторая мировая война в архивных документах]. Но систематизированной информации про переводы наших книг, написанных людьми, прошедшими через Великую Отечественную войну, пережившими и осмыслившими её опыт, а также дающих возможность посмотреть на неё глазами советских детей, которые могли бы передать это страшное знание иностранным читателям, найти не удалось.

Конечно, переводы такой литературы существуют, и целесообразно было бы собрать их в единую базу данных, используя схему японских коллег, а также приложить усилия к их дальнейшему выпуску, не забывая про книги для самых маленьких. Переводы русскоязычной литературы на военную тему существуют и в Японии, где, например, издана целая серия о танковых сражениях Германии и СССР (独ソ戦車戦シリーズ) – работы российских авторов М. Коломийца, А. Смирнова, что свидетельствует об интересе к военной теме. В японском рекомендательном списке детских книг про войну всего две имеют отношение к России (СССР). Это книжка-картинка художника Николая Попова (1938 – н.в.) «Зачем?» (в японском переводе *なぜ あらそうの*). Вторая – это фотокнига для детей известного японского фотографа и режиссёра Мотохаси Сэйити (1940 – н.в.) «Алексей и источник» (*アレクセイと泉のはなし*), которая была причислена к военной, вероятно, потому что Чернобыльская авария по степени последствий может быть приравнена к войне. Вместе с тем в списке можно увидеть много переводов произведений для детей иностранных писателей: про Холокост, зарождение фашизма в Германии, войну в Ираке, Англию и Австрию во время войны, детей в Афганистане, живущих во время войн, вымышленные сказки о мире и войне [Хэйва...; Сэнсо...; Докусо...].

Выводы

Электронный каталог Лингва Хиросима представляет собой пример смежного исследования – лингвистического, библиографического, социального, в котором удачно проявилась способность японцев к систематизации и анализу. Это дальновидный проект, направленный в будущее, ставящий задачу продвижения просветительских идей о недопустимости использования ядерного оружия. Ресурс поддерживается не только волонтерами, но также органами власти и финансовыми организациями. Вне всякого сомнения, база данных стала проявлением политики мягкой силы и культурной дипломатии Японии.

Думается, Россия могла бы перенять этот опыт Японии в составлении подобных электронных каталогов, например, чтобы транслировать память об особенно значимых для

нашей страны моментах Великой Отечественной войны и не допускать фальсификации истории. Также возможно, что знание о том, какая литература по определённой теме существует на данном языке, помогло бы выстраивать диалог с другими странами.

Работа над пополнением каталога Лингва Хиросима продолжается, и редакторы сайта просят всех посетителей о содействии, поэтому у любого человека в мире есть возможность принять участие в этом миротворческом проекте.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

75 каймэ но 8.6. 2020 нэн но хэйва кинэнсикитэн ва онрайн дэ: [Мероприятия, посвящённые 75-му Дню памяти мира 6 августа 2020 г., проведём онлайн] // Префектура Хиросима. URL: <https://www.pref.hiroshima.lg.jp/lab/topics/20200804/03/> (дата обращения: 23.10.2020).

Военные мемуары. Вторая мировая война. URL: <https://www.chitai-gorod.ru/collections/70/> (дата обращения: 02.11.2020).

Вторая мировая война в архивных документах. URL: <https://www.prlib.ru/collections/1298142> (дата обращения: 02.11.2020).

Вторая мировая война в книгах зарубежных писателей. URL: <https://www.livelib.ru/selection/111369-vtoraya-mirovaya-vojna-v-knigah-zarubezhnyh-pisatelej> (дата обращения: 23.10.2020).

Гэмбаку бункэн 75 го кэнсаку ОК Курэ но «Ринга Хиросима» сайто хонкаку опун : [Начал работу сайт «Лингва Хиросима», на котором можно найти книги про атомную бомбардировку на 75 языках] // Тюгоку симбун. URL: <http://www.hiroshimareacemedia.jp/?p=89028> (дата обращения: 11.10.2020).

Дети Хиросимы: воззвание мальчиков и девочек Хиросимы / сост., автор послесловия А. Осада; пер. с яп. М.А. Кириченко. М.: Печатные традиции, 2010. 336 с.

Докусю сэнсясэн сиридзу : [Серия Немецко-Советские танковые сражения]. URL: http://www.kaiga.co.jp/products/list.php?category_id=482 (дата обращения: 29.11.2020).

Кэнрицу Хиросима дайгаку нингэн бунка гакубу киё : [Вестник факультета гуманитарных наук и культуры префектурального Хиросимского университета]. 2019. С. 105–113.

Мемориальный музей мира Хиросимы. URL: <http://hpmmuseum.jp/> (дата обращения: 11.10.2020).

Накамура Томоко. Эйго дэ ёму Хиросима, Нагасаки бункэн : [Книги про Хиросиму и Нагасаки, доступные на английском]. Издательский центр Тюгоку Симбун, 2003.

Нивано хэйва дзайдан : [Грантовый фонд «Нивано»]. URL: <https://www.npf.or.jp/> (дата обращения: 29.11.2020).

Рекомендованный список книг про войну // Каталог централизованной системы детских библиотек Волгограда. URL: <http://bibliodeti-volg.ru/catalog/> (дата обращения: 02.11.2020).

Сороптимист Хэйва Хиросима : [Сороптимист мирная Хиросима]. URL: <http://www.si-heiwahiroshima.net/index.html> (дата обращения: 23.10.2020).

Сэнсо то хэйва ни цуитэ кангаэру : [Размышляя о мире и войне]. URL: http://www.kodomo.gr.jp/sagashite/2004_09/ (дата обращения: 11.10.2020)

Хиросима Хэйва Содзо Кикин : [Хиросимский фонд созидания мира]. URL: <https://www.hiroshima-pcf.or.jp/index.html> (дата обращения: 27.11.2020).

Хэйва о кангаэру эхон : [Книжки с картинками про мир]. URL: <https://www.ehonnaivi.net/special.asp?n=775> (дата обращения: 11.10.2020).

LinguaHiroshima // Официальный сайт Лингва Хиросима. URL: <https://www.linguahiroshima.com/> (дата обращения: 15.11.2020).

REFERENCES

75 kaime 8.6. 2020 nen no heiwa kinenshikiten wa onrain de [Events dedicated to the 75th Peace Memorial Day on August 6, 2020 will be held online], *Hiroshima Prefecture*. URL: <https://www.pref.hiroshima.lg.jp/lab/topics/20200804/03/> (accessed: 23 October 2020). (In Japanese).

Children of Hiroshima: The Appeal of the Boys and Girls of Hiroshima (2010). Comp., the author of the afterword A. Osada; per. from Japan. M.A. Kirichenko. Moscow, Pechatnye Traditsii, 336 p.

Dokuso senshasen shirizu [Series of German-Soviet tank battles]. URL: http://www.kaiga.co.jp/products/list.php?category_id=482 (accessed: 29 November 2020). (In Japanese).

Gembaku bunken 75 go kensaku OK Kure no “LinguaHiroshima” saito honkaku opun [The website “LinguaHiroshima” was launched, where you can find books about atomic bombing in 75 languages], *Chugoku Shimbun Newspaper*. URL: <http://www.hiroshimapeacemedia.jp/?p=89028> (accessed: 11 October 2020). (In Japanese).

Heiwa wo kangaeru ehon [Books with pictures about the world]. URL: <https://www.ehonnaivi.net/special.asp?n=775> (accessed: 11 October 2020). (In Japanese).

Hiroshima Peace Creation Fund. URL: <https://www.hiroshima-pcf.or.jp/index.html> (accessed: 27 November 2020).

Hiroshima Peace Memorial Museum. URL: <http://hpmmuseum.jp/> (accessed: 11 October 2020). (In Japanese).

Kenritsu Hiroshima daigaku ningen bunka gakubu kiyo [Bulletin of the Faculty of Humanities and Culture, Hiroshima Prefectural University], 2019: 105–113. (In Japanese).

LinguaHiroshima. Official website of Lingua Hiroshima. URL: <https://www.linguahiroshima.com/> (accessed: 15 November 2020). (In Japanese).

Nakamura Tomoko (2003). Hiroshima and Nagasaki: Books available in English. Chugoku Shimbun Business Publishing Center.

Niwano Heiwa Dzaidan [Niwano Peace Foundation]. URL: <https://www.npf.or.jp/> (accessed: 29 November 2020). (In Japanese).

Recomendovannyi spisok knig pro voynu [Recommended list of books about the war], *Katalog tsentralizovannoi sistemy detskih bibliotek Volgograda* [Catalog of the centralized system of children's libraries in Volgograd]. URL: <http://bibliodeti-volg.ru/catalog/> (accessed: 2 November 2020). (In Russian).

Senso to heiwa ni tuite kangaeru [Reflecting on peace and war]. URL: http://www.kodomo.gr.jp/sagashite/2004_09/ (accessed: 11 October 2020). (In Japanese).

Soroptiist Heiwa Hiroshima [Soroptomist Peace Hiroshima]. URL: <http://www.si-heiwahiroshima.net/index.html> (accessed: 23 October 2020). (In Japanese).

Voennye memuary. Vtoraya mirovaya voina [Military memoirs. The Second World War]. URL: <https://www.chitai-gorod.ru/collections/70/> (accessed: 2 November 2020). (In Russian).

Vtoraya mirovaya voina v knigah zarubezhnyh pisatelei [World War II in the books of foreign writers]. URL: <https://www.livelib.ru/selection/111369-vtoraya-mirovaya-vojna-v-knigah-zarubezhnyh-pisatelej> (accessed: 23 October 2020). (In Russian).

Vtoraya mirovaya voina v arhivnyh dokumentah [World War II in archival documents], *Yeltsin Presidential Library*. URL: <https://www.prlib.ru/collections/1298142> (accessed: 2 November 2020). (In Russian).

Поступила в редакцию 08.12.2020

Received 8 December 2020

Для цитирования: Кириченко М.А. Лингва Хиросима – электронный каталог книг об атомной бомбардировке // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 4. С. 63–74. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10025

For citation: Kirichenko M.A. (2020). Lingva Hiroshima – elektronnyj katalog knig ob atomnoj bombardirovke [LinguaHiroshima – a Database of books on atomic bombing], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2020, 4: 63–74. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10025

DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10026

**«Дипломатическим отношениям
между Россией и Республикой Корея – 30 лет»
Конференция в ИДВ РАН**

А.З. Жебин

Аннотация. В статье представлен обзор прошедшей в онлайн-режиме конференции «Дипломатическим отношениям между Россией и Республикой Корея – 30 лет», которая состоялась 30 сентября 2020 г. в Центре корейских исследований ИДВ РАН. Мероприятие позволило сформировать многомерную картину состояния отношений между РФ и РК. Выявился ряд актуальных проблем, требующих совместных усилий наших стран для их решения в духе достигнутых двусторонних договорённостей, мира и безопасности в Северо-Восточной Азии.

Ключевые слова: Россия, Республика Корея, отношения, партнёрство, сотрудничество, денуклеаризация, безопасность.

Автор: Жебин Александр Захарович, кандидат политических наук, руководитель Центра корейских исследований, Институт Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-3060-2390; E-mail: alexzheb1948@gmail.com

**“30 Years of Diplomatic Relations
between Russia and the Republic of Korea”
the Conference in the IFES RAS**

A.Z. Zhebin

Abstract. The article presents an overview of the online conference "30 Years of Diplomatic Relations between Russia and the Republic of Korea", which was held in the Center for Korean Studies (CKS) of the Institute of Far Eastern Studies (IFES) of the Russian Academy of Sciences on 30 September, 2020. The Event allowed to form a multidimensional picture of the state of relations between the Russian Federation and the Republic of Korea. There emerged a number of urgent problems, requiring joint efforts of our countries to resolve them in the spirit of bilateral agreements reached, peace and security in North-East Asia.

Keywords: Russia, Republic of Korea, relations, partnership, cooperation, denuclearization, security.

Author: Zhebin Alexander Z., PhD (Politics), Director of the Center for Korean studies, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-3060-2390. E-mail: alexzheb1948@gmail.com

Спустя ровно 30 лет со дня установления дипломатических отношений между Россией и Республикой Корея (РК), 30 сентября 2020 г. в Центре корейских исследований ИДВ РАН состоялась конференция «Дипломатическим отношениям между Россией и Республикой Корея – 30 лет». Фактически мероприятие стало российской частью традиционной

международной конференции учёных ИДВ РАН и Центра исследований АТР Ханьянского университета (РК).

Ежегодные встречи учёных двух стран, которые проводятся с 1988 г. поочерёдно в Москве и Сеуле, остаются одной из самых авторитетных площадок для всестороннего анализа отношений между РФ и РК, ситуации на Корейском полуострове и в СВА, к тому же беспрецедентной по длительности функционирования.

Запланированный на сентябрь 2020 г. в Сеуле 32-й полноформатный форум российских и корейских учёных, как и многие другие мероприятия 2020 г. – «Года обменов» между нашими странами, из-за всемирной пандемии по взаимной договорённости перенесён на 2021 г.

В рамках подготовки к нему учёные ЦКИ решили в формате онлайн предложить своё видение итогов минувшего 30-летия и задач, которые предстоит решить для устойчивого прогресса в наших отношениях.

Становление дипломатических отношений

«До 1990 г. СССР и РК более 40 лет были открытыми политическими и идеологическими противниками, – напомнил **ведущий научный сотрудник ЦКИ к.филос.н. Е.Е. Ким** в докладе **«К истории установления и развития дипломатических отношений между РФ и РК»**, – а потому предполагалось, что документально оформленные дипломатические отношения в реальности будут проходить этапы, необходимые для возникновения определённой степени доверия, а изменения в экономических, политических, культурных связях будут идти разными скоростями».

Так, руководство СССР считало, что приоритет развития отношений с РК лежит в плоскости экономики и взаимодействия между общественными организациями. В 1989–1990 гг. эту позицию разделяли и в Южной Корее. В реальности нормализация отношений между странами пошла по другому сценарию, подчеркнул Е.Е. Ким.

С одной стороны, продолжил он исторический экскурс, в декабре 1988 г. по итогам визита в Пхеньян член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел Э.А. Шеварднадзе согласовал с руководством КНДР итоговое коммюнике, где было сказано: «Советский Союз не имеет намерения официально признать Южную Корею, устанавливая с ней политические и дипломатические отношения». Однако после вступления М.С. Горбачёва в должность президента СССР был взят иной курс. Уже 4 июня 1990 г. во время встречи в Сан-Франциско Горбачёв и президент РК Ро Дэ У договорились об установлении дипотношений с 1 января 1991 г. Причём имелось в виду, что соглашение об этом будет подписано в декабре 1990 г. во время визита президента Южной Кореи в Москву. Но даже этот срок оказался слишком длительным, поэтому 30 сентября 1990 г. в Нью-Йорке в кулуарах 45-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН министры иностранных дел двух стран подписали соглашение об установлении дипотношений. «Наверное, в любой другой стране за самоуправство и нарушение директивы главы государства такой чиновник был бы смещён с должности, – заметил Е.Е. Ким, – но Шеварднадзе остался на своём посту». Этот факт, по мнению эксперта, даёт основания предположить, что шаг, преподнесённый как экспромт, был заранее подготовлен с ведома М.С. Горбачёва. Южнокорейская сторона не ожидала такого подарка от СССР. Получилось так, как того хотел Сеул – вначале дипломатические отношения, а потом решение экономических и других проблем.

Президент Ро Дэ У впоследствии так объяснил основные цели установления дипотношений с Советским Союзом: «Это стратегия обхода Северной Кореи с тыла и зажатия её в угол с целью принуждения Пхеньяна к диалогу (с Южной Кореей)». Сеул рассчитывал использовать советское влияние на Северную Корею, чтобы побудить Китай к признанию РК, создать условия для принятия её в ООН. Не в последнюю очередь для Южной Кореи было важно получить доступ к ресурсам советского Дальнего Востока и Сибири, к научно-техническому потенциалу СССР и его обширному рынку.

Южная Корея уже в 1990-е гг. достигла всех целей, поставленных при установлении дипотношений. Россия же не получила ничего, кроме развития торговых связей, причём на невыгодных для себя условиях. В структуре двусторонней торговли РФ на данный момент представляет собой, скорее, сырьевой придаток РК. При этом наша страна остаётся поставщиком наукоёмкой продукции по ценам, в десятки раз ниже (на начало 2000-х гг.) тех, по которым подобную продукцию, да и то не всегда, РК продают США и страны Западной Европы.

С 2000-х гг. Россия начинает корректировать подход к отношениям с РК, они становятся более взвешенными и сбалансированными. Это приводит к существенному увеличению товарооборота, обмену туристами, развитию сотрудничества в области культуры, образования, буму корееведения в РФ, а также открывает возможности для россиян, в том числе этнических корейцев, знакомиться с достижениями Южной Кореи.

В поздравлении президенту Мун Чжэ Ину в связи с 30-летием установления дипломатических отношений президент В.В. Путин отметил: «За прошедшие десятилетия Российской Федерацией и Республикой Корея накоплен значительный опыт плодотворного сотрудничества в политической, торгово-экономической, научно-технической, гуманитарной и других областях. Хорошую отдачу даёт координация усилий в решении актуальных вопросов региональной и международной повестки дня, в том числе в рамках ООН, АТЭС, АРФ и других многосторонних структур». Российский лидер также выразил уверенность, что Москва и Сеул продолжат и далее развивать взаимовыгодные партнёрские связи на благо двух народов и в интересах упрочения безопасности и стабильности на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии в целом.

По мнению **руководителя ЦКИ к.полит.н. А.З. Жебина**, утверждения тех, кто хотел бы уже сейчас представить наши отношения как «стратегическое партнёрство», пока малообоснованны. Южная Корея остаётся одним из главных военно-политических союзников США в Восточной Азии. РК воевала на стороне США практически во всех конфликтах с участием американцев после Корейской войны 1950–1953 гг., на её территории дислоцированы почти 29 тыс. американских военнослужащих и находится их самая большая военная база за пределами континентальной части США, развёрнуты элементы американской глобальной ПРО.

Рассуждения о «стратегическом партнёрстве» с Россией представляются особенно неуместными, по мнению А.З. Жебина, в свете того, что соглашения о таком сотрудничестве Сеул имеет с Польшей и Румынией – странами, известными своими антироссийскими позициями и разместившими, как и РК, на своей территории системы ПРО США.

Предметом озабоченности в перспективе может стать втягивание РК в реализацию военно-политической составляющей американской концепции Индо-Тихоокеанского региона, чему Сеул пока всячески сопротивляется, опасаясь реакции КНР. Отношения двух

стран может осложнить размещение Соединёнными Штатами своих новых ракет средней дальности в Южной Корее. Об этих планах глава Пентагона заявил ещё в 2019 г.

Дело, по словам А.З. Жебина, не только в весьма возможном возрастании военных угроз для России. На примере Европы мы видим, как военно-политические союзы используются в интересах нечестной экономической конкуренции, завоевания рынков. «Наши корейские партнёры нередко утверждают, что некоторые проекты экономического сотрудничества будет гораздо легче реализовать после объединения Кореи. Однако то, как сейчас США выкручивают руки Германии спустя 30 лет после её объединения, заставляя её отказаться от явно выгодных для неё проектов с Россией, даёт повод задуматься о том, не повторится ли такое же и в Корее», – подчеркнул руководитель ЦКИ.

По мнению эксперта, использование самого термина «стратегическое партнёрство» стало своего рода модой в дипломатии, призванной продемонстрировать, что страна находится в русле современных тенденций международной жизни. Так, на уровень «стратегического партнёрства» в Сеуле официально возведены отношения не только с РФ и КНР, но и с такими странами, как Индонезия, Латвия.

«Нам нужна более адекватная, реалистическая оценка нынешнего этапа выстраивания наших отношений как длительного и порой весьма противоречивого процесса. Уважая региональные озабоченности РК и некоторые подходы Сеула к решению существующих в СВА проблем, мы вправе рассчитывать на аналогичное отношение со стороны наших партнёров. Представляется, что именно такой подход позволит России и Республике Корея своевременно выявлять возможные “узкие места” и предлагать решения проблем, порой весьма деликатных, в области безопасности, экономики и в других сферах, без устранения которых подъём отношений на новый уровень, как показал совсем недавний опыт, оказывается невозможным или недолговечным», – заключил А.З. Жебин.

Продолжил тему взаимодействия двух стран **научный сотрудник ЦКИ к.и.н. К.В. Асмолов** докладом «**30 лет отношений РФ и РК: политический аспект**». За этот период, по его словам, обе стороны избавились от большей части взаимных иллюзий. В Сеуле смирились с тем, что Россия не будет разрывать отношения с Севером в обмен на экономические преференции Юга. «В Москве сняли “розовые очки” относительно грядущего количества и качества подобных преференций», – уточнил К.В. Асмолов.

Северокорейская тематика остаётся одной из главных во внешнеполитических контактах России с Республикой Корея, хотя Сеул не в полной мере разделяет концепции урегулирования ЯПКП, предложенные Москвой и Пекином. Как периодически заявляют представители РК, «Россия в состоянии убедить Северную Корею в необходимости встать на путь построения передового государства и светлого будущего». Между тем по словам Сергея Лаврова, «Россия не намерена предлагать какие-либо услуги КНДР и Республике Корея для преодоления обострившейся напряжённости между ними».

Важную роль в развитии двустороннего сотрудничества играют контакты на высшем уровне. За годы, прошедшие после установления дипотношений, лидеры наших стран встречались более 30 раз. Особенно стоит отметить официальный визит российского лидера В.В. Путина в Сеул в ноябре 2013 г. и приезд президента РК Мун Чжэ Ина в Россию в июне 2018 г.

Между странами заключено более 50 соглашений в области торговли, инвестиций, рыболовства, военно-технического сотрудничества, мирного использования атомной

энергии, культуры и др. С 1 января 2014 г. вступило в силу соглашение о безвизовом пребывании граждан одного государства на территории другого в течение 60 дней. В отношениях двух стран нет такого количества постоянных проблем или взаимных претензий, которые наличествуют у РК с другими окружающими её державами, отсутствуют территориальные споры или непреодолимые исторические, а также политические претензии.

Сохраняются, но могут быть решены в рабочем порядке, проблемы нелегалов, проникающих в РК в условиях безвизового режима, а кроме того, депортации российских граждан за незаконную трудовую деятельность; случаи браконьерства южнокорейских рыбаков в российских водах; активность на российской территории деструктивных псевдо-протестантских сект корейского происхождения. А.В. Асмолов обратил внимание на инциденты, связанные с попытками Сеула распространить на свою зону опознавания ПВО (KADIZ) статус воздушного пространства страны, что ведёт к периодическим инцидентам с участием китайских и российских военных самолётов.

Продолжая тему, эксперт подчеркнул, что Москва и Сеул избегают вмешательства в споры, которые касаются их отношений с третьими странами: «Так, можно обратить внимание, что в России практически никак официально не комментируют японо-южнокорейские территориальные споры, торговые войны или войны исторической памяти. В свою очередь Южная Корея также воздерживается от критики российской политики на территории бывшего СССР. Отдельные спорадические материалы, иногда привлекающие внимание, погоды не делают».

Российскую Федерацию и Республику Корея объединяет общая заинтересованность в устранении комплекса региональных угроз, частично связанных с т. н. ядерной проблемой Корейского полуострова (ЯПКП). Обе стороны заявляют о необходимости разрешения этой проблемы политико-дипломатическим путём.

После событий 2014 г. на Украине РК не стала вводить санкции против РФ. Отношение южнокорейской прессы и публики к случившемуся в целом нейтральное – этот конфликт прямо не затрагивает интересы РК.

Остановившись на факторах, сдерживающих сотрудничество в экономической сфере, докладчик отметил, что среди них – не столько боязнь санкций США, сколько нежелание южнокорейской стороны «влезать» в дорогие или рискованные проекты. Южнокорейские бизнесмены в России предпочитают «снимать пенки» и не вкладываются в проекты, если те не сулят быструю выгоду.

«Слова о необходимости улучшить отношения Москвы и Сеула звучат часто, но высокого уровня вовлечённости в серьёзные проекты не наблюдается: большинство предложений о сотрудничестве (наподобие “девяти мостов”) не несут с собой чего-то принципиально нового. При этом каждый новый президент РК предлагает пакет мер по взаимодействию с Россией, но в основном он состоит из перелицованных старых идей», – заявил А.В. Асмолов.

По его мнению, отношение двух народов друг к другу также лишено негативных стереотипов, затрудняющих коммуникацию. Взаимное восприятие образов обоих народов остаётся позитивным во многом благодаря южнокорейской политике «мягкой силы». Корейская диаспора в России в целом воспринимается как образцовая, т. е. некриминогенная и достаточно интегрированная. К Южной Корее положительно относится 95,6 % россиян,

это один из самых высоких показателей позитивного настроения граждан того или иного государства по отношению к РК. Российско-южнокорейские отношения к данному моменту вышли на уровень стабильного сотрудничества, и их можно назвать нейтрально дружественными или добрососедскими, поскольку для характеристик, отражающих более тесный уровень союзнического взаимодействия, оснований всё же нет. Не просматриваются и факторы, которые бы способствовали как существенному ухудшению связей двух стран, так и их радикальному улучшению.

Младший научный сотрудник ЦКИ А.Л. Поленова, выступая с докладом на тему «**Россия, Республика Корея и безопасность в Северо-Восточной Азии**», напомнила, что российско-южнокорейские отношения были установлены и начали развиваться на фоне масштабных изменений глобального миропорядка. Распад биполярной системы международных отношений, постбиполярный мир и формирование новой системы сами по себе – серьёзный вызов. Нет единого мнения о том, как именно охарактеризовать формирующуюся систему международных отношений: станет она биполярной или полицентричной, либо будет распадаться на региональные биполярности. Тем не менее ясно, что один из таких центров притяжения расположится в СВА. Значение региона стремительно растёт, внутри него изменяется конфигурация лидерства.

В этом контексте нельзя не отметить трансформацию позиций КНР, США и России. В 1990-х гг. Китай значительно укрепил положение в АТР в целом, расширив сеть внешнеполитических связей, наладив взаимодействие с АСЕАН и углубив экономическое сотрудничество со странами региона. Сегодня КНР продвигает собственные масштабные инициативы: идею «Сообщества единой судьбы» (концептуализация представлений Пекина о развитии мира), проект «Один пояс, один путь».

За эти годы в процессе переформатирования однополярного мира сложилась противоречивая связь между КНР и США, характеризующаяся экономической взаимозависимостью и политическим антагонизмом. Если недавно были надежды на то, что экономическая интеграция снизит конфликтный потенциал в их отношениях, то торговые войны развеивают эти надежды.

Опасения вызывает ещё и то, что в СВА практически отсутствуют механизмы обеспечения безопасности. Работающей региональной структурой остаётся Региональный форум АСЕАН по вопросам безопасности, однако в число приоритетных направлений его деятельности не входит урегулирование проблем СВА.

Естественно, трансформации, которые происходили и происходят в СВА, создают вызовы безопасности как России, так и РК. Эти трудности, впрочем, находятся в разных плоскостях.

Для Республики Корея взаимодействие в рамках СВА, естественно, имеет первостепенное значение, однако задача Сеула сводится в большей степени к тому, чтобы не стать «креветкой», которая, согласно корейской поговорке, страдает в «битве китов». Региональные проблемы ощущаются Сеулом острее. В противостоянии КНР и США РК наталкивается на противоречие между экономическими отношениями с Пекином и поддержанием военно-политического альянса с Вашингтоном. В то же время РК в построении отношений с соседями по региону может тяготеть к использованию внешнеполитической повестки для урегулирования внутривосточных проблем, что не может не сказываться на последовательности её политики.

Для РФ первостепенной задачей остаётся утверждение своего статуса в регионе, поиск места в системе взаимоотношений с Вашингтоном и Пекином. Для выстраивания мирного взаимодействия, стабилизации СВА в 1990-х гг. Россия предлагала формировать субрегиональные системы безопасности, однако ни одна инициатива не была реализована. Понимание того, что значение региона растёт, отражено в последних концепциях внешней политики РФ. Для нас, несомненно, важны вызовы, которые несёт с собой ядерная проблема Корейского полуострова, а также военное партнёрство РК и США, однако в списке приоритетов – в соответствии с текстами концепций внешней политики – по сравнению с СНГ, Европой, Северной Америкой значение региона не повышается, он по-прежнему занимает место в конце списка.

В урегулировании некоторых проблем Москва могла бы стать выгодным союзником для Сеула – например, она может предложить возможности для диверсификации экономических связей, что обеспечило бы сравнительно большую экономическую безопасность РК.

Независимый эксперт д.э.н. С.С. Суслина в докладе «Россия и Республика Корея: основные проблемы 30-ти лет экономического сотрудничества» отметила, что ретроспективный анализ пройденного пути показывает в целом позитивную динамику по основным направлениям сотрудничества, что обеспечивалось отсутствием серьёзных политических противоречий и в значительной мере комплементарностью экономик двух стран.

Вместе с тем достигнутые результаты не могут удовлетворить обе стороны, так как не соответствуют имеющимся у них возможностям. Поэтому объективный анализ итогов экономического сотрудничества и выявление неиспользованных резервов, а также оценка возможных перспектив и разработка предложений по повышению эффективности развития двухстороннего сотрудничества по-прежнему остаются приоритетными целями дискуссий в научном сообществе.

С.С. Суслина назвала основные проблемы и просчёты, которые тормозят развитие экономического сотрудничества в текущий период. Во-первых, с самого начала экономический диалог между двумя странами был комплементарным по отношению к имевшему более важное значение акту политического признания и установления между РФ и РК дипломатических отношений. И хотя в первой половине 1990-х гг. обе страны декларировали большую заинтересованность в развитии экономических связей (была заложена основа договорно-правовой базы двустороннего взаимодействия), существенного прорыва не произошло. В то же время нельзя исключать и объективные обстоятельства, негативно повлиявшие как на экономики двух стран, так и на отношения между ними (кризисы, политическая нестабильность в России, трудности экономического развития, реформы и т. д.).

Во-вторых, при вступлении в экономическое взаимодействие у государств ещё не сформировалось общее представление о целях этого сотрудничества, его начало и дальнейшее развитие не были стратегически выверены. Эта неопределённость и анархичность привела к разочарованию в результатах и закреплению ошибочного представления друг о друге как о проблемных партнёрах.

В-третьих, растущая для РК конкуренция КНР и других стран ЮВА, а для России – вовлечённость, в первую очередь, в экономический ареал передовых стран Запада – привели к некоторому охлаждению и переоценке во взаимных отношениях.

В-четвёртых, мировые экономические кризисы 1997–1998 гг. и 2008–2009 гг. нанесли естественный урон и не стали «новой прорывной возможностью» в российско-южнокорейском сотрудничестве, если сопоставлять с опытом отношений РК – КНР или РК – Вьетнам. Россия и Южная Корея не сразу увидели перспективы к расширению взаимодействия.

В-пятых, политика «поворота России на Восток» хотя и вызвала повышенный интерес южнокорейского бизнеса на начальном этапе, но оживлённого участия в крупных проектах на Дальнем Востоке России не повлекла опять же из-за несовпадения в понимании целей. Россия стремится поднять экономику своего дальневосточного региона и войти в интеграционные проекты в СВА и Восточной Азии. А Южной Корее надо поддержать свои позиции в СВА как крупного экономического игрока и привлечь страны региона к разрешению корейской проблемы.

Приходится признать, отметила С.С. Суслина, что под давлением международных санкций на Россию, при отсутствии какого-либо позитива в деле сближения двух корейских государств, которое могло бы содействовать перспективам трёхстороннего сотрудничества, ожидать более оптимистического результата в российско-южнокорейских отношениях не приходится, особенно в условиях текущей пандемии. Хотя РК официально не присоединилась к санкциям в отношении России, союзнические отношения с США и Японией заставляют РК прислушиваться к мнению «старшего союзника».

В результате на современном этапе (2015–2020 гг.) российско-южнокорейское экономическое сотрудничество испытывает на себе влияние двух противоречивых тенденций. С одной стороны, обе страны признают важность развития экономического партнёрства, продолжаются постоянные контакты на высшем уровне. С другой стороны, в этом партнёрстве на протяжении последних лет не наблюдается значительных прорывов. В текущем юбилейном году, когда экономики практически всех стран мира столкнулись с пандемией, сотрудничество РФ – РК едва сохраняет свои позиции предшествовавшего десятилетия.

Определяя варианты дальнейших экономических отношений двух стран в условиях поствирусной мировой экономики и обострения санкционных и протекционистских режимов, будет полезно учесть накопленный опыт и избежать повтора собственных ошибок, предостерегла С.С. Суслина. «Представляется, что у России и РК сохраняются все возможности для взаимовыгодного экономического партнёрства, и оно может стать даже более глубоким и разносторонним под влиянием тех вызовов, с которыми сталкивается в настоящее время каждая из стран», – заключила эксперт.

Ведущий научный сотрудник ЦКИ к.э.н. В.Г. Самсонова продолжила тему развития стран в контексте глобальной пандемии. В докладе «**Россия – Республика Корея: перспективы экономического сотрудничества в эпоху пандемии Covid-19**» она обратила внимание на то, что на фоне эпидемии перед РФ и РК всё чётче встаёт вопрос о том, как будут строиться их экономические отношения в условиях поствирусной мировой экономики. Ведь в новых реалиях все экономические прогнозы, планы реализации перспективных проектов, дальнейшего расширения объёмов торговли были пересмотрены в негативную сторону, напомнила эксперт. «К тому же в современных условиях практически все политические, культурные, туристические и бизнес-контакты между нашими странами были переведены в дистанционный режим, что, естественно, повлекло за собой падение сотрудничества во всех сферах», – подчеркнула В.Г. Самсонова.

При этом мы вынуждены констатировать, заметила докладчик, что и без негативной составляющей, связанной с пандемией, партнёрство Республики Корея с Россией в реализации крупных инвестиционных проектов ограничивается в основном декларациями. В качестве аргументов сдержанного участия южнокорейские компании нередко ссылаются на устаревшие стереотипы о неблагоприятном инвестиционном климате в России, несовершенстве российского законодательства и т. д. Остаётся открытым вопрос и в сфере трёхстороннего экономического сотрудничества в формате Россия – РК – КНДР, причём Россия неизменно выступает за продвижение инициатив с участием трёх стран, включая интеграцию корейских железных дорог с Транссибом, а также транзитные поставки трубопроводного газа и электроэнергии через КНДР в РК. По мнению В.Г. Самсоновой, активизация сотрудничества в таком формате не только имеет важное экономическое значение, но и может обеспечить стабильность на Корейском полуострове, а также укрепить мир в этом регионе.

«Позитивным моментом в развитии двустороннего торгово-экономического партнёрства могло бы стать и участие в нём финансовых институтов РК, однако последние не торопятся кредитовать российские банки и компании», – уточнила В.Г. Самсонова.

Между тем существуют реальные перспективы для расширения торгово-экономических связей между Российской Федерацией и Республикой Корея. На фоне пандемии особую актуальность получили такие сферы, как производство медицинского оборудования, тест-систем, вакцин и лекарств, интернет-продажи, дистанционное обучение, разработка программного обеспечения и др. Перспективным, по мнению докладчика, становится сотрудничество при взаимном продвижении как российских, так и южнокорейских товаров через онлайн-платформы, социальные сети, видеоблоги. Многообещающей представляется активизация партнёрства в сфере инновационных медицинских разработок, в том числе совместной деятельности по созданию новейших вакцин и лекарственных препаратов.

Несмотря на пандемию, интерес к внутреннему рынку РФ со стороны РК остаётся высоким. Завоевание и удержание существующих позиций на нём – одна из основных целей южнокорейского бизнеса. Прогнозируется, что его деятельность на территории РФ в условиях эпидемии продолжится. К тому же свою роль играет падение курса рубля. С одной стороны, происходит удорожание импортируемых компонентов, но с другой, производственные площадки на территории России получили ценовое преимущество (за счёт снижения издержек на заработную плату, аренду и т. д.) перед предприятиями, размещёнными в других странах, что расширяет возможности для увеличения объёмов производства и экспорта продукции.

По словам В.Г. Самсоновой, прогнозируется, что росту инвестиционных потоков из РК в регионы Сибири и Дальнего Востока будет содействовать разработанный российскими властями преференциальный режим капиталовложений. В рамках территорий опережающего развития и свободного порта Владивосток иностранным, в том числе южнокорейским, инвесторам предлагаются одни из лучших в АТР условия в таких областях, как медицина, портовая инфраструктура, судоремонт, туризм, аграрный сектор. Многие из этих сфер включены в проект «девяти мостов», предложенный президентом РК

Мун Чжэ Ином в 2017 г., работа по активизации которого ведётся обеими странами согласно плану сотрудничества по проекту, который был подписан в 2019 г.

Одна из перспективных сфер сотрудничества РК и РФ – туризм. Его активизации способствовало вступившее в силу с 1 января 2014 г. соглашение о безвизовом пребывании граждан одного государства на территории другого в течение 60 дней, напомнила докладчик. Так, по её словам, количество туристов из РК до начала пандемии демонстрировало непрерывный рост и в 2019 г. достигло отметки в 430 тыс. чел. «На наш взгляд, после окончания пандемии интерес южнокорейских туристов к российскому направлению только усилится. Позитивным стимулом для восстановления сотрудничества в этой сфере стало возобновление с октября с. г. прерванного из-за пандемии авиасообщения между РФ и РК», – подчеркнула В.Г. Самсонова.

Вместе с тем не стоит ожидать сиюминутных прорывов в экономическом сотрудничестве наших стран. Однако с точки зрения долгосрочных планов, текущая ситуация может дать шанс вывести его на качественно новый уровень. «При активизации своей деятельности (без оглядки на политические факторы, в том числе санкционные) у бизнеса РК есть реальная возможность укрепить свои позиции на российском рынке и обеспечить себя бесперебойными поставками стратегически важных ресурсов», – заключила эксперт.

Эпидемиологической ситуации в РК и в мире коснулись почти все спикеры. **Научный сотрудник ЦКИ Л.И. Сёмина** озаглавила своё выступление так: «**Коронавирус в Республике Корея. Опыт борьбы**». «Первый случай заболевания COVID-19 в стране был выявлен 20 января 2020 г., – напомнила она участникам. – По данным на 3 октября 2020 г., в Южной Корее диагностирован 24 091 случай (0,047 % от населения), из которых 421 смертельный, что составляет 1,89 % от всех закрытых случаев». После того, как РК успешно и быстро справилась с первой волной, продолжила Л.И. Сёмина, правительство заручилось поддержкой населения, ярко проявившейся в частности 15 апреля на парламентских выборах, где правящая партия получила 179 мест из 300. В это же время Южная Корея стала позиционировать себя в роли эксперта по борьбе с эпидемией.

Однако, несмотря на принятые меры, в мае было объявлено о второй волне, но показатели заболеваемости оказались не столь значительными. Настоящая вторая волна эпидемии началась 14 августа, и на этот раз властям удалось справиться с ростом числа заболевших буквально за те же две недели.

По словам докладчика, в РК оказались готовыми к эпидемии после негативного опыта с MERS в 2015 г.: в следующем же году был принят закон, позволяющий применять незарегистрированные в стране наборы для диагностики *in vitro* в экстренных ситуациях. К тому же закон о контроле и профилактике инфекционных заболеваний был дополнен статьёй о публичном раскрытии информации.

Как только Китай объявил о вспышке нового заболевания в г. Ухань, РК ввела жёсткий контроль за прибывающими – карантин и обязательный скрининг. Также был принят комплекс мер для поддержки экономики, на который предполагается выделить 554,7 трлн вон (около 447 млрд. долл. США).

Помимо этого, власти РК сделали ставку на *экстенсивное тестирование*. Они начали производство собственных тест-систем, проводили тестирование «на ходу». В марте 2020 г. Южная Корея занимала первое место в мире по уровню тестирования, но на данный момент

спустилась на 116 позицию (47 555 тестов на один миллион населения). Параллельно с производством экспресс-тестов и их активным применением РК занялась разработкой вакцины и лекарств от коронавирусной инфекции. При этом правительство и тут использует взвешенный подход, делая ставку не только на собственные разработки, но активно сотрудничая с иностранными компаниями.

Одну из ключевых ролей в эффективной борьбе с коронавирусом без массовой самоизоляции, отметила Л.И. Сёмина, сыграл масштабный **трекинг заболевших**, их передвижений и контактов, а также своевременное информирование населения. Для этого правительство использовало современные технологии: данные мобильных телефонов, кредитных карт, камеры видеонаблюдения. «У подобного информирования есть и негативный эффект. Согласно исследованию Сеульского национального университета, большой страх у южнокорейцев вызывает не сама болезнь и угроза жизни и здоровью, а массовое осуждение и даже травля в социальных сетях», – заметила докладчик.

В связи с этим важно отметить два фактора: во-первых, наличие и доступность средств индивидуальной защиты, которая была обеспечена на уровне государства, во-вторых, менталитет корейцев, которые в большинстве соблюдали данные правила. Так, если ношение масок привычно для жителей РК, то социальная дистанция и отказ от традиционных совместных посещений мест общего питания стали большой переменной в сложившемся укладе жизни.

По словам **старшего научного сотрудника ЦКИ, кандидата культурологии М.Е. Осетровой**, анализ состояния культурных связей России и Кореи за последние тридцать лет показал, что в этот период они развивались сдержанными темпами и в большей степени расширились, а не углубились. В выступлении на тему **«Российско-корейские связи в области культуры (1990–2020)»** докладчик заметила, что под культурными связями надо понимать не столько конкретные мероприятия или проекты, сколько уровень осведомлённости о достижениях партнёров в этой сфере, интерес к ним, их профессиональное изучение и качество популяризации, уровень взаимного влияния двух стран на культуры друг друга. Растёт число областей, в которых наблюдается такая кооперация, но качественного прорыва добиться пока не удаётся.

Можно выделить несколько причин данного положения. Во-первых, это всё ещё низкий уровень осведомлённости о культуре друг друга, вызванный недостаточными или не всегда верно направленными усилиями по взаимной популяризации наших культур. Это приводит не просто к созданию примитивного образа наших стран, но и формированию искажённых представлений, что не способствует налаживанию устойчивых связей. Несмотря на то, что на программы популяризации культур выделяются значительные средства и разрабатываются соответствующие планы, эффект явно не соответствует прикладываемым усилиям. Часто выбираются не самые перспективные площадки, сферы, посредники и инструменты для более качественного промоушена России в РК и РК в России.

Во-вторых, есть серьёзный дисбаланс в работе сторон. Как известно, в начале 1990-х гг. со стороны Южной Кореи наблюдался повышенный интерес к культуре России, но у нас в стране в то время не получилось воспользоваться предоставленным историческим шансом. Сейчас «бум» – в прошлом, но всё же определённый интерес к некоторым сферам российской культуры у корейцев присутствует. Благодаря этому у России есть возможность

усилить свои культурные позиции и влияние в РК. Однако по-прежнему в большинстве случаев инициатива по культурному взаимодействию исходит от корейской стороны, а наша страна играет в этом процессе довольно пассивную роль.

В-третьих, успешному развитию культурных контактов препятствуют проблемы в коммуникации. Удивительным образом обе стороны отмечают этот факт. Корейцы говорят, что русские партнёры «никогда вовремя не отвечают на e-mail», а русские жалуются на те же проблемы со стороны корейцев.

В-четвёртых, нужно отметить и разобщённость наших усилий. Существует несколько каналов, по которым возникает и развивается российско-корейское взаимодействие в области культуры: через официальные органы (часто государственные); через российских корейцев и их ассоциации; при содействии академических и образовательных институций; напрямую между организациями, самостоятельно ищущими контакты с корейскими/российскими партнёрами.

Разумеется, утопично и излишне было бы желать привести эти каналы к какой-то системе, требовать координации их действий. Тем не менее наличие определённой базы данных, собирающей и фиксирующей подобные контакты, могло бы хотя бы в какой-то степени помочь представить более широкую картину подобного взаимодействия, выявлять тенденции, нащупывать проблемные зоны и помогать их преодолевать. В этом деле как раз могли бы пригодиться опыт и знания российских корееведов и корейских русистов.

Несмотря на усилия обеих сторон, мы всё ещё мало знаем друг о друге, недостаточно доверяем, не всегда понимаем мотивы партнёров. Сказывается разобщённость усилий, отсутствие системных просветительских программ. Преодолеть эти трудности возможно широкомасштабной слаженной работой разных участников с привлечением значительных ресурсов, в том числе временных. 30 лет – срок не слишком длительный для истинного сближения наций. Сегодня у наших культурных связей есть неплохие наработки и некоторый опыт, который в дальнейшем при условии решения проблемных моментов может дать более качественные результаты.

Конференция, на которой было заслушано восемь докладов сотрудников Центра корейских исследований ИДВ РАН, впервые была проведена онлайн на платформе Zoom. Тексты докладов представлены в сокращённом виде.

Поступила в редакцию 06.10.2020

Received 6 October 2020

Для цитирования: Жебин А.З. «Дипломатическим отношениям между Россией и Республикой Корея – 30 лет». Конференция в ИДВ РАН // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 4. С. 75–86. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10026

For citation: Zhebin A.Z. (2020). «Diplomatic relations between Russia and the Republic of Korea – 30 years». Conference in the IFES RAS [“30 Years of Diplomatic Relations between Russia and the Republic of Korea”. The Conference in the IFES RAS], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika [East Asia: Facts and Analytics]*, 2020, 4: 75–86. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10026

DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10027

Китайские реформы: составляющие успеха и достигнутые результаты

Рецензия на монографию А.В. Островского
«Китай становится экономической сверхдержавой»

Н.Н. Котляров

Аннотация. В статье даётся анализ недавно вышедшей из печати монографии известного российского китаиста, посвящённой проводимой в Китае в период последних четырёх десятилетий политики реформ и модернизации экономики (ISBN 978-5-6045103-1-5). В основу монографии положен богатый научный материал, собранный автором в ходе многолетних исследований и практических наблюдений Китая. Структура работы отображает такие аспекты, как особенности китайской модели перехода к рынку, проблемы достоверности китайской статистики, задачи и результаты программы построения общества «малого благоденствия», роль инноваций в модернизации народного хозяйства КНР. Отдельные главы посвящены китайской инициативе «Один пояс, один путь», а также проблемам и перспективам российско-китайского экономического взаимодействия.

Ключевые слова: Китай, реформы, рыночная экономика, модернизация, внешнеэкономические связи, НИОКР, энергия, капитал, ВТО, прямые иностранные инвестиции.

Автор: Котляров Николай Николаевич, доктор экономических наук, профессор, заместитель председателя межрегиональной общественной организации «Научно-техническое общество имени академика С.И. Вавилова» (адрес: 119019, Москва, ул. Моховая, 10/2). E-mail: kotlyarov_nn@mail.ru

Chinese reforms: ingredients for success and results achieved

Review of the monograph “China is on its path to economic superpower” by A.V. Ostrovskii

N.N. Kotlyarov

Abstract. The article analyzes a recently published monograph by a well-known Russian Sinologist, dedicated to the policy of reforms and economic modernization carried out in China over the past four decades (ISBN 978-5-6045103-1-5). The monograph is based on the rich scientific material collected by the author during many years of research and practical observations of China. The structure of the book reflects such aspects as the features of the Chinese transition to the market, the problems of reliability of Chinese statistics, the tasks and results of the program for building the “welfare society”, the role of innovation in the modernization of the national economy of the PRC. Some chapters are devoted to the Chinese “One Belt, One Road” initiative, as well as to the problems and prospects of Russian-Chinese economic cooperation.

Keywords: China, reforms, market economy, modernization, foreign economic relations, R & D, energy, capital, WTO, investment, foreign direct investments.

Author: Kotlyarov Nikolai N., Doctor of Science (Economics), Professor, Deputy chairman of the Interregional public organization “Scientific and Technical Society Named after Academician Vavilov Sergey I.” (address: Mokhovaya Str., 10/2, Moscow, 119019, Russian Federation). E-mail: kotlyarov_nn@mail.ru

Новая работа одного из ведущих отечественных китаеведов А.В. Островского посвящена важной в научном и практическом отношении теме.

Экономическое развитие современного Китая влияет на динамику глобальной экономики, на состояние важнейших мировых рынков товаров и услуг, на характер спроса, предложения и порядок цен на них. От хозяйственного развития КНР в той или иной степени зависит экономика большинства стран мира. Это связано с тем, что по ряду показателей Китай вышел на второе после США место, а по некоторым параметрам (объёму экспорта и размерам внешней торговли) занял лидирующую позицию.

Чрезвычайно интересны разделы, посвящённые возможностям России использовать китайский опыт модернизации и реформ. По справедливому замечанию автора, экономическая трансформация КНР осуществлялась под эгидой установки: «нельзя торопиться, надо делать все постепенно, по составленному и обдуманному плану, и тогда придут ожидаемые результаты».

Китайский путь преобразований представляет собой творческое обобщение опыта экономического строительства многих стран. При этом КНР не стала следовать указаниям Запада, а нашла собственный путь перехода от плановой экономики к рыночной. Теория социализма была не полностью отброшена в этой стране, а творчески доработана в соответствии с духом и задачами времени. Отказавшись от догматичности старой идеологии, теоретики КНР разработали концепцию социализма с китайской спецификой, вписав в неё возможность использовать, помимо государственной и кооперативной, смешанные формы собственности и иностранный капитал. Новая теория была дополнена доктриной «трёх представительств», основанной на возможности членства в партии деловых кругов Китая.

Общий подход руководства КНР к реформированию обеспечил постепенный, эволюционный переход к рыночной экономике без «шоковой терапии» с упором на социально-политическую стабильность и повышение жизненного уровня населения. В Китае отказались от бездумных монетаристских методов рыночной трансформации и выработали свои подходы к созданию «социалистической рыночной экономики» (с. 22).

В результате эволюционных преобразований, взвешенной социально-экономической политики, внимательного отношения к развитию регионов страны и постепенного реформирования системы внешнеэкономических связей Китай сумел добиться впечатляющих результатов. При этом, отмечает автор, были достигнуты не только количественные, но и качественные показатели. Серьёзно изменилась отраслевая структура экономики, КНР вышла на передовые рубежи по целому ряду направлений развития науки и техники, включая космические программы, создание современных материалов, энергетику, транспорт, электронику. Согласно данным, которые приводит автор, вклад науки и техники в прирост ВВП в 2015 г. составил 55,3 %, а в 2020 г. – 60 %. Доля расходов на НИОКР в 2015 г. равнялась 2,2 %, в 2020 г. наблюдался подъём до 2,5 % (с. 62). По этому показателю Китай достиг уровня ведущих стран мира, а по другим параметрам экономического развития в XXI в. значительно превзошёл запланированные результаты. Так, намеченное на

XVIII съезде КПК (2012 г.) увеличение ВВП к 2020 г. до 80 трлн юаней было достигнуто в 2017 г., а в 2019 г. этот показатель составил уже 99,1 трлн юаней.

Особенно важным достижением китайских реформ стал рост материального благосостояния граждан страны. Если в 2000 г. средний размер доходов городского населения составлял 6999 юаней, то в 2018 г. он достиг 33288 юаней (с. 136). Конечно, сохраняется разрыв между материальным положением горожан и сельских жителей, усиливается дисбаланс между доходами богатых и бедных слоёв населения. Вместе с тем реальный рост благосостояния и улучшение качества жизни большинства китайцев значительны. В монографии автор подробно описывает вопросы социального обеспечения населения, включая механизм пенсионных выплат, борьбу с бедностью, повышение стандартов здравоохранения.

Автор затрагивает проблемы развития китайской энергетики, что непосредственным образом влияет на структуру и объёмы торгово-экономического сотрудничества России с КНР. Китай – один из крупнейших потребителей энергетических ресурсов, его доля составляет свыше 10 % мирового потребления первичной энергии. В стране реализуются масштабные планы развития как традиционных отраслей энергетики, так и альтернативных. Тем не менее Китай вынужден продолжать импортировать энергетическое сырьё в больших объёмах. В частности, до 50 % общего потребления нефти будет удовлетворяться за счёт импорта. Основными поставщиками чёрного золота для Китая, по мнению автора, станут три основных региона: Ближний и Средний Восток, Центральная Азия (Каспийский регион) и Россия (с. 240).

В рамках анализа внешнеэкономических связей КНР автор подробно рассматривает важнейшие направления проводимой с конца 1970-х гг. политики открытости внешнему миру (*кайфан чжэнцэ*), включая внешнеторговую политику, изменения региональной и отраслевой структуры внешней торговли Китая, политику привлечения в экономику страны иностранного капитала и вывоза национального предпринимательского капитала за рубеж. Детально описывается процесс присоединения КНР к ВТО, в том числе этапы переговорного процесса, аргументы за и против вступления в данную организацию, последствия этого шага для китайской экономики. Важнейший результат присоединения к ВТО – стремительное развитие внешней торговли, объём которой увеличился с 510 млрд долл. в 2001 г. до 1760 млрд долл. В 2006 г. Китай стал второй торговой державой мира, а в последние годы занял место лидера. Автор справедливо отмечает, что при вступлении России в ВТО китайский опыт был учтён в недостаточной мере. К этому следует добавить, что РФ и КНР стали членами Всемирной торговой организации в принципиально разных условиях. Китай вступил в ВТО в период роста мировой экономики начала 2000-х гг., в то время как Россия – в период глобальной рецессии, вызванной кризисом 2008–2009 гг. Кроме того, значительно отличалась структура экспорта двух стран. Китай был в тот период крупным экспортёром продукции обрабатывающей промышленности, прежде всего трудоёмких отраслей, и был остро заинтересован в снижении импортных пошлин со стороны стран-членов ВТО. Российский экспорт основывался на продукции сырьевых отраслей, пошлины на которые со стороны импортёров были невысокими и без вступления в ВТО. В результате членство в организации для России не имело таких положительных последствий, как для Китая.

Останавливаясь на вопросах международного инвестиционного сотрудничества, автор отмечает, что несмотря на большие объёмы привлекаемых в страну иностранных инвестиций, их значение в развитии китайской экономики многими авторами преувеличивается (с. 340). Внешние вливания занимают очень скромное место в общих капиталовложениях в китайскую экономику, составляя в отдельные годы от 5–6 % до 0,3 % этого показателя. Разработанный в Китае отраслевой каталог иностранных инвестиций демонстрирует стремление властей использовать их в современных наукоёмких отраслях промышленности и сферы услуг, на которые и распространяются основные льготы.

Автор подробно анализирует нынешнее состояние двусторонних торгово-экономических отношений Китая с его ведущими партнёрами. В частности, рассмотрены причины, характер и последствия «торговых войн» между КНР и администрацией США во главе с Д. Трампом. Следствием растущей напряжённости в двусторонних отношениях стало сокращение в 2019 г. китайско-американской торговли на 10,7 % по сравнению с показателем предыдущего года и ослабление роли США в качестве ведущего торгового партнёра Китая. Штаты уступили свои позиции ЕС и странам АСЕАН (с. 367). Усилия КНР снизить экономическую зависимость от США направлены на сокращение валютных резервов и международных расчётов, номинированных в американских долларах.

Проблемам реализации китайской инициативы «Один пояс, один путь» в монографии уделяется особое внимание. Автор отмечает, что Китай выступает не только организатором проекта, но и основным финансовым спонсором. Он обеспечивает материальные вложения посредством специально созданных институтов: Азиатского банка инфраструктурных проектов (АБИИ) и Фонда Шёлкового пути. Составной частью проекта является Экономический пояс Шёлкового пути (ЭПШП), реализация которого придаст импульс развитию не только западных регионов Китая, но и соседних стран, включая Россию. По мнению А.В. Островского, российской стороне следует активизировать усилия по участию в проекте ЭПШП, поскольку существуют и уже начали эксплуатироваться альтернативные маршруты, в частности, средний (через Каспий) Актау – Баку – Тбилиси с последующим направлением в Стамбул (с. 385). Реализация ЭПШП демонстрирует, что если в предыдущие десятилетия Китай делал упор на развитие восточных приморских районов страны с ориентацией на страны АТР, в первую очередь, США, Японию и Республику Корея, то теперь основной акцент делается на усилении западных китайских территорий, имеющих выходы к России и странам Центральной Азии.

Автор не обошёл вниманием анализ российско-китайских экономических отношений. Обе стороны, по его мнению, в равной степени заинтересованы в активизации традиционных и поиске новых форм экономического взаимодействия и сотрудничества (с. 405). Установление стратегического партнёрства и высокий уровень политических отношений остаются важными предпосылками и условиями поступательного развития двусторонних связей в экономической области. В последние годы происходят изменения в структуре двусторонней торговли, главным образом, в российском импорте из Китая – увеличивается доля продукции машиностроения. КНР стала ведущим торговым партнёром России. В то же время доля РФ во внешней торговле Поднебесной не превышает 2 %, что связано как с ограниченным ассортиментом российского экспорта, так и узостью рынка, особенно районов Дальнего Востока РФ, где проживает всего 8 млн человек, что по китайским меркам

определяет довольно маленький рыночный спрос. Сейчас необходимо совершенствовать структуру российского экспорта в Китай в сторону её большей диверсификации за счёт современной наукоёмкой продукции. Одновременно требуется налаживать производственную кооперацию, особенно в энергетике, машиностроении, авиастроении, т. е. в направлениях, где у нашей страны наработан определённый потенциал и в развитии которых заинтересован Китай. Важный резерв укрепления сотрудничества – многосторонние проекты в рамках ШОС и БРИКС.

В контексте производственной кооперации, в том числе в регионах Дальнего Востока, А.В. Островский анализирует проблемы и перспективы российско-китайского инвестиционного сотрудничества, включая реализацию совместных проектов на российской территории и российского участия в инвестиционных проектах в Китае.

В заключении автор останавливается на том, как Россия могла бы использовать китайский опыт реформ. В отличие от КНР в нашей стране реформы начинались (ещё в период существования Советского Союза) с попыток изменить политическую надстройку, в то время как в Китае стартовали (причём медленно, часто в экспериментальном порядке) с преобразования социально-экономической сферы. Результатом преобразований политической системы в российском (советском) случае стал развал системы управления, а затем и распад страны, в то время как Китай демонстрировал высокую динамику развития. По мысли А.В. Островского, КПК будет сохранять руководящую роль, пока в социально-экономической сфере страна добивается успехов. Следует согласиться с авторским выводом, что за прошедшие десятилетия реформ дороги наших стран сильно разошлись, и китайская модель перехода к рынку в российских условиях может использоваться лишь частично (с. 452).

Монография д.э.н., профессора А.В. Островского стала важным вкладом в осмысление современной экономической политики Китая, его места в мировой экономике. Работа носит комплексный характер. Автор представил развёрнутый анализ важнейших направлений экономической трансформации, включая реформы типов собственности, налоговой, бюджетной, банковской систем и внешнеэкономических связей. Основанная на широком спектре китайских источников, книга выгодно отличается от подавляющего большинства отечественных исследований по экономике Китая, написанных на базе преимущественно англоязычной литературы, что зачастую приводит к неверному истолкованию происходящих в КНР процессов. Несомненно, новое исследование А.В. Островского будет по достоинству оценено специалистами, востребовано обществоведами и широким кругом читателей, интересующихся вопросами развития современного Китая.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Островский А.В. Китай становится экономической сверхдержавой. М.: Институт Дальнего Востока РАН: ООО «Издательство МБА», 2020. 496 с.

REFERENCES

Ostrovskii A.V. (2020). Kitay stanovitsya ekonomicheskoy sverhderzhavoy [China is on its path to economic superpower], Moscow: Institute of the Far Eastern Studies of RAS: MBA, 2020, 496 p. (In Russian).

Поступила в редакцию 11.11.2020

Received 11 November 2020

Для цитирования: Котляров Н.Н. Китайские реформы: составляющие успеха и достигнутые результаты. Рецензия на монографию А.В. Островского «Китай становится экономической сверхдержавой» // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 4. С. 87–92. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10027

For citation: Kotlyarov N.N. (2020). Kitajskie reformy: sostavlyayushchie uspekha i dostignutye rezul'taty. Recenziya na monografiyu A.V. Ostrovskogo «Kitaj stanovitsya ekonomicheskoy sverhderzhavoj» [Chinese reforms: ingredients for success and results achieved. Review of the monograph “China is on its path to economic superpower” by A.V. Ostrovskii], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2020, 4: 87–92. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10027

Обзор СМИMedia Review

DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10028

Обзор СМИ стран Восточной Азии (октябрь – декабрь 2020 г.)

Е.М. Скворцова

Аннотация. Настоящий обзор составлен на основе материалов, опубликованных с октября по декабрь 2020 г. в некоторых СМИ Восточной Азии и затрагивающих наиболее актуальные для данного региона в указанный период темы. Среди них: подписание соглашения о Всеобъемлющем региональном экономическом партнёрстве (ВРЭП), пятый пленум ЦК КПК 19-го созыва, парламентские выборы в Мьянме, Соглашение о взаимном доступе между Японией и Австралией, а также рост экономики Вьетнама в условиях пандемии.

Ключевые слова: ВРЭП, АСЕАН, пленум ЦК КПК, Китай, «двойная циркуляция», парламентские выборы, Мьянма, Япония, Австралия, Соглашение о взаимном доступе, Вьетнам, пандемия.

Составитель: Скворцова Елизавета Михайловна, переводчик Центра научной информации и документации, Институт Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). E-mail: elizavetamskvor@gmail.com

East Asian countries media reviews (October – December 2020)

Е.М. Skvortsova

Abstract. The review is based on the materials, published in October – December 2020 in various media of East Asia, which cover the most relevant topics for the region during this period. Among them are: the Comprehensive Regional Economic Partnership (RCEP) Agreement, the fifth plenary session of the 19th CPC Central Committee, the parliamentary elections in Myanmar, the Reciprocal Access Agreement between Japan and Australia, and the growth of the Vietnamese economy amid COVID-19.

Keywords: RCEP, ASEAN, China, CPC Central Committee plenary session, “double circulation”, the parliamentary elections, Myanmar, Japan, the Reciprocal Access Agreement, Vietnam, COVID-19.

Compiler: Skvortsova Elizaveta M., Translator of the Center for Scientific Information and Records, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). E-mail: elizavetamskvor@gmail.com

Итоги пятого пленума ЦК КПК

По сообщению агентства Синьхуа от 29.10.2020¹, 26–29 октября в Пекине состоялось пятое пленарное заседание ЦК КПК 19-го созыва. На этом важнейшем событии внутриполитической жизни страны были подведены итоги 13-го пятилетнего плана

¹ URL: http://www.xinhuanet.com/2020-10/29/c_1126674147.htm (дата обращения: 24.11.2020). (На кит.).

социально-экономического развития, а также одобрены «Рекомендации ЦК КПК относительно разработки 14-го пятилетнего плана социально-экономического развития (2021–2025 гг.) и перспективных целей на 2035 год». Этот программный документ, разработанный под личным руководством Си Цзиньпина, как пишет агентство, станет ключевым руководством в области социально-экономического развития Китая в ближайшие пять лет и в последующий период.

Согласно итоговому коммюнике пленума, за последние пять лет КНР добилась значительных успехов в построении среднезажиточного общества. По предварительным подсчётам, ВВП Китая в 2020 г. превысит 100 трлн юаней. Особое внимание руководства КНР сейчас приковано к программе ликвидации бедности. По последним данным, к концу текущего года все 832 округа, ранее признанные бедными, смогли избавиться от нищеты. Это означает, что цель развёрнутой в 2013 г. кампании по искоренению абсолютной бедности в масштабах всей страны была успешно достигнута. Правительство Китая отмечает, что за это время из тяжёлого положения вышли 93 млн человек. Решению проблемы нищеты, сохранявшейся на протяжении всей истории Китая, способствовали экономические реформы и постоянное расширение социального обеспечения, сообщает сайт Госсовета КНР 30.11.2020².

Участники пленарного заседания, пишет Синьхуа, высоко оценили результаты, достигнутые в области профилактики и контроля коронавирусной эпидемии. Из сообщения агентства можно заключить, что косвенно этому способствовало базовое медицинское страхование, которое сегодня охватывает более 1,3 млрд жителей Поднебесной и обеспечивает базовые пенсии. В коммюнике пленума отмечается, что к 2035 г. будут в целом достигнуты цели социалистической модернизации. К этому времени Китай должен совершить научно-технологический прорыв и вступить в первые ряды государств с развитой инновационной экономикой. По-прежнему актуальным остаётся формирование экологичного образа жизни и производства, стабилизация и снижение выбросов углерода. В коммюнике прогнозируется рост ВВП КНР на душу населения до уровня среднеразвитой страны, существенное увеличение числа граждан со средним доходом.

Важнейшим результатом пленума, транслирует Синьхуа, стало выдвижение главных целей социально-экономического развития 14-го пятилетнего плана. Они касаются долгосрочного и стабильного экономического развития, углубления политики реформ и открытости, модернизации промышленности, развития инноваций, реформы рыночной системы, повышения уровня жизни и благосостояния населения, эффективности государственного управления, улучшения экологической ситуации, модификации сельского хозяйства и возрождения деревни, стимулирования культурной индустрии и укрепления мягкой силы Китая и других направлений.

Особое значение в итоговом коммюнике пленума придаётся инновациям, которые продолжают играть центрообразующую роль в модернизации страны. Китай ставит перед собой стратегическую задачу укрепления и развития государства за счёт науки и образования, реализации инновационного потенциала экономики и ускоренного строительства сильного научно-технического государства.

² URL: http://www.gov.cn/xinwen/2020-11/30/content_5565783.htm (дата обращения: 05.12.2020).

В 14-й пятилетний план вошла так называемая система «двойной циркуляции», состоящая из внутреннего и внешнего (международного) циклов. На основе инноваций и высококачественного предложения Китай планирует расширять внутренний спрос и в полной мере использовать потенциал своего крупнейшего в мире потребительского рынка, сделав его новой движущей силой роста экономики. Внешний цикл будет функционировать на основе эффективной внутренней циркуляции. Подобная стратегия, предусматривающая переориентацию на внутренний спрос, получила название «новой структуры развития».

Новостное агентство Синьхуа 30.10.2020³ сообщает о прошедшей в этот день первой в истории пресс-конференции ЦК КПК, посвящённой толкованию духа пятого пленума и анализу поставленных на нём целей и задач. Руководитель Пресс-канцелярии Госсовета Сюй Линь подчеркнул, что «в исторических условиях вступления социализма с китайской спецификой в новую эпоху создание системы пресс-релизов ЦК КПК соответствует развитию ситуации и требованиям времени и станет важной инновацией, направленной на укрепление всестороннего руководства партии и более эффективное управление государством».

Подписание соглашения о ВРЭП

По сообщению сайта Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) от 15.11.2020⁴, 15 ноября на полях 37-го саммита АСЕАН было официально подписано соглашение о Всеобъемлющем региональном экономическом партнёрстве (ВРЭП). Документ завизировали десять стран-членов АСЕАН, а также диалоговые партнёры Ассоциации: Китай, Австралия, Новая Зеландия, Южная Корея и Япония.

Как отмечает газета «Жэньминь жибао» 24.11.2020⁵, историческому подписанию соглашения предшествовали восемь лет переговоров, четыре встречи лидеров стран, 23 конференции министров и 31 раунд официальных переговоров. В результате участникам удалось совместно претворить в жизнь амбициозную концепцию создания крупнейшей в мире зоны свободной торговли. ВРЭП объединит страны с населением, в совокупности насчитывающем 2,2 млрд человек (30 % человечества), и общим ВВП в 26,2 трлн долл. (30 % мирового ВВП). Соглашение предполагает отмену тарифов и квот на 65 % продаваемых товаров, что сделает экономику более предсказуемой и приведёт к созданию региональных цепочек поставок и новых рабочих мест.

На ВРЭП возлагаются большие надежды при «постковидном» восстановлении экономики. Так, в совместном заявлении⁶ лидеры стран-членов партнёрства подчеркнули, что «соглашение о ВРЭП имеет решающее значение для реагирования на пандемию COVID-19 и будет играть важную роль в повышении жизнестойкости региона посредством инклюзивного и устойчивого процесса восстановления экономики после пандемии». Генеральный секретарь АСЕАН Лим Джок Хой отметил, что «ВРЭП придаст столь необходимый импульс для быстрого и динамичного восстановления предпринимательской деятельности и населения нашего региона, особенно в текущих условиях пандемии коронавируса».

³ URL: http://www.xinhuanet.com/2020-10/30/c_1126680036.htm (дата обращения: 24.11.2020). (На кит.).

⁴ URL: <https://asean.org/asean-hits-historic-milestone-signing-rcep/> (дата обращения: 26.11.2020).

⁵ URL: <http://world.people.com.cn/n1/2020/1124/c1002-31942316.html> (дата обращения: 26.11.2020). (На кит.).

⁶ URL: <https://asean.org/storage/2020/11/RCEP-Summit-4-Joint-Leaders-Statement-Min-Dec-on-India.pdf> (дата обращения: 26.11.2020).

Как отмечается в совместном заявлении, изначально участвовавшая в переговорах Индия соглашение не подписала. Тем не менее лидеры стран-членов ВРЭП высоко оценили её роль в партнёрстве и подтвердили, что соглашение остаётся для неё открытым «с учётом участия в переговорах с 2012 г. и стратегической важности как регионального партнёра».

«Жэньминь жибао» отмечает, что подписание соглашения стало новым уровнем открытости Китая внешнему миру. Все страны-участницы ВРЭП являются его важными торгово-экономическими партнёрами. В 2019 г. оборот КНР с членами ВРЭП составил около трети от общего объёма внешней торговли Китая. Сформированный на основе соглашения общий рынок стимулирует дальнейшее расширение сотрудничества в различных областях, способствует экономическому развитию и функционированию системы «двойной циркуляции».

По сообщению The Japan Times от 15.11.2020⁷, Министр торговли Японии Кадзияма Хироси заявил о стремлении 15 стран оперативно завершить внутренние процедуры и ввести соглашение в силу «как можно быстрее». Он добавил, что «отмена тарифов будет способствовать улучшению японского экспорта и повысит эффективность региональных цепочек поставок». The Japan Times подчёркивает, что это первое торговое соглашение, которое объединяет Японию с Китаем и Южной Кореей. Президент Индонезии Джоко Видодо назвал его подписание историческим и отметил, что оно «знаменует твёрдую приверженность страны многосторонности». Министр торговли Агус Супарманто добавил, что ВРЭП ускорит восстановление экономики Индонезии после пандемии и сможет увеличить приток инвестиций в страну до 22 %, сообщает газета Jakarta Globe 16.11.2020⁸.

Сингапур также приветствует подписание соглашения, которое не только увеличит коммерческую деятельность в портах страны и расширит доступ на рынки Китая, Японии и Южной Кореи, но и будет способствовать развитию электроники. В этой сфере Сингапуру как производителю высокого класса обеспечена защита интеллектуальной собственности, пишет The Business Times 17.11.2020⁹.

Парламентские выборы в Мьянме

Издание The Myanmar Times 15.11.2020¹⁰ пишет о прошедших 8 ноября в Мьянме парламентских выборах. Решительную победу в них одержала правящая партия «Национальная лига за демократию» (НЛД) во главе с государственным советником Аун Сан Су Чжи. По информации избирательной комиссии, НЛД получила 396 из 476 мест, завоевав 258 мест в нижней и 138 мест в верхней палате парламента. Это означает, что партия смогла преодолеть необходимый порог в 322 места, что позволит ей сформировать следующее правительство Мьянмы.

Прошедшие выборы стали вторым всеобщим демократическим голосованием после полувека пребывания у власти военной хунты. Ожидалось, что этнические разногласия и рост числа заражений коронавирусом негативно отразятся на результатах правящей партии.

⁷ URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2020/11/15/business/asia-pacific-rcep-trade-deal/> (дата обращения: 26.11.2020).

⁸ URL: <https://jakartaglobe.id/business/indonesia-eyes-multiple-benefits-from-rcep> (дата обращения: 26.11.2020).

⁹ URL: <https://www.businesstimes.com.sg/government-economy/rcep-a-shot-in-the-arm-for-singapore-asean-economies> (дата обращения: 27.11.2020).

¹⁰ URL: <https://www.mmtimes.com/news/nld-think-carefully-about-forming-new-cabinet.html> (дата обращения: 29.11.2020).

Тем не менее НЛД удалось побить свой же рекорд пятилетней давности, когда она получила 390 мест в парламенте, отмечает The Myanmar Times 30.11.2020¹¹. От ограничений, связанных с распространением второй волны коронавируса, не пострадала и явка на выборах, которая превысила 70 % (по сравнению с 69 % в 2015 г.).

Вскоре после объявления результатов НЛД обратилась к 48 партиям с предложением сформировать правительство национального единства, что не удалось сделать в её первый период нахождения у власти. Это может стать позитивным шагом на пути страны к мирному урегулированию этнических разногласий, рассуждает автор статьи The Myanmar Times. Член ЦИК партии У Мью Ньюн подчеркнул, что НЛД крайне внимательно подходит к формированию нового правительства и готова прикладывать усилия к созданию прочных связей с национальными партиями.

Главный оппозиционный блок – Партия солидарности и развития Союза – получила 33 места. Как сообщает The Irrawaddy 11.11.2020¹², наблюдавший за проведением выборов Центр Картера не обнаружил на них серьёзных нарушений. Группа международных наблюдателей высоко оценила усилия по адаптации процедуры голосования для пожилых избирателей в условиях коронавируса. Вместе с тем Центр подчеркнул важность реформы правовой системы Мьянмы, в том числе ликвидацию мест в парламенте, зарезервированных за военными.

Результаты выборов продемонстрировали, что, несмотря на критику международного сообщества за притеснение малочисленного населения рохинджа и множество нерешённых проблем, усугубляемых коронавирусом, Аун Сан Су Чжи остаётся национальным лидером и олицетворяет движение страны к демократическим переменам. Тем не менее актуальным остаётся вопрос выбора достойного преемника государственного советника, которой в этом году исполнилось 75 лет. Аналитики отмечают важность разработки чёткого плана передачи власти, подчёркивая, что «стране необходимо новое поколение лидеров, стремящихся к диалогу с обществом, а не ожидающих слепого повиновения приказам», пишет The Myanmar Times.

Япония и Австралия достигли соглашения по военному сотрудничеству

Премьер-министр Японии Суга Ёсихидэ 17 ноября заявил, что Япония и Австралия достигли соглашения по двустороннему пакту в области обороны, говорится в публикации The Japan Times от 17.11.2020¹³. «Соглашение о взаимном доступе» позволит Австралии и Японии более тесно заниматься кооперацией в военной сфере.

Переговоры по данному вопросу ведутся уже шесть лет. Соглашение может стать первым документом, регламентирующим иностранное военное присутствие на территории Японии, с момента подписания Соглашения о статусе сил с США в 1960 г. Пакт заложит правовую основу для посещения войсками одной страны территории другой, проведения совместных учений и операций. Документ станет важным элементом

¹¹ URL: <https://www.mmmtimes.com/news/suu-kyis-charm-and-cult-proven-2020-polls.html> (дата обращения: 30.11.2020).

¹² URL: <https://www.irrawaddy.com/elections/no-major-irregularities-myanmar-election-carter-center.html> (дата обращения: 29.11.2020).

¹³ URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2020/11/17/national/politics-diplomacy/australia-scott-morrison-japan-yoshihide-suga-defense-china/> (дата обращения: 29.11.2020).

системы QUAD (Quadrilateral Security Dialogue) – четырёхстороннего диалога по вопросам безопасности между США, Японией, Австралией и Индией.

Уильям Мерц, командующий Седьмым флотом ВМС США, штаб которого расположен в Японии, высоко оценил усилия стран по разработке соглашения. Он отметил, что пакт не нацелен против КНР: «здесь нет попытки сдержать Китай или кого-либо ещё, мы стараемся создать инклюзивную среду», передаёт слова Мерца The Japan Times 19.11.2020¹⁴.

Тем не менее антикитайская направленность соглашения достаточно очевидна. В публикации от 17.11.2020¹⁵ The Global Times отмечает, что Япония и Австралия делают ошибку, рассматривая под руководством США своего крупнейшего торгового партнёра как «стратегическую угрозу». Характерно, что эти переговоры прошли практически одновременно с подписанием Соглашения о ВРЭП, что выявляет две параллельные тенденции в регионе: к сотрудничеству и к конфронтации. Издание подчеркнуло, что «Соглашение о взаимном доступе» направлено против Китая и соответствует стремлению США создать «азиатскую версию НАТО».

«Вьетнамское экономическое чудо»

В контексте глобальной борьбы с пандемией коронавируса положительные результаты демонстрирует Вьетнам. Страна выбрала наиболее эффективную среди членов АСЕАН стратегию противостояния COVID-19: ей удалось не только минимизировать число заражений, но и сохранить стабильный экономический рост.

По сообщению The Vietnam News Agency от 02.12.2020¹⁶, на прошедшем 2 декабря очередном заседании правительства премьер-министр Вьетнама Нгуен Суан Фук отметил, что по отчётам соответствующих ведомств рост экономики страны в 2020 г. составит 2,5–3 %. За последние 11 месяцев положительное сальдо торгового баланса Вьетнама достигло рекордного уровня в 20,1 млрд долл. Наблюдается стабильный рост промышленного производства – на 9,2 % по сравнению с предыдущим годом.

Положительную динамику экономики Вьетнама отмечают и международные организации. По прогнозам Международного Валютного Фонда, её рост в 2020 г. составит 2,4 %. МВФ высоко оценил принятые страной решительные меры, которые позволили сдержать негативное влияние эпидемии на здоровье населения и экономическую ситуацию, сообщает Nhan Dan 25.11.2020¹⁷. Есть и более оптимистичные прогнозы. Так, в статье от 03.12.2020¹⁸ The Manila Times ссылается на данные Всемирного Банка, по прогнозам которого рост экономики Вьетнама в 2020 г. составит 2,8 %. Эта цифра – яркое исключение среди показателей стран АСЕАН (ожидается сокращение ВВП на 10,4 % в Таиланде, на 9,9 % в Филиппинах и 6,1 % в Малайзии).

¹⁴ URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2020/11/19/national/u-s-navy-commander-japan-australia-military-pact/> (дата обращения: 29.11.2020).

¹⁵ URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1207181.shtml> (дата обращения: 29.11.2020).

¹⁶ URL: <https://en.vietnamplus.vn/vietnams-economy-a-bright-spot-in-volatile-world-govt-meeting/191421.amp> (дата обращения: 03.12.2020).

¹⁷ URL: <https://en.nhandan.org.vn/business/item/9331302-vietnam> (дата обращения: 01.12.2020).

¹⁸ URL: <https://www.manilatimes.net/2020/12/03/campus-press/what-vietnam-is-doing-right/804193/> (дата обращения: 04.12.2020).

Успехи Вьетнама отмечают его соседи по региону. The Nikkei Asia¹⁹ называет его единственным примером успешного реагирования стран Юго-Восточной Азии на пандемию коронавируса. Положительно повлияло на экономику то, что многие компании стали переносить производство из Китая во Вьетнам, чтобы избежать введённых США тарифов.

Высоко оценили действия Вьетнама Филиппины. В той же статье The Manila Times от 03.12.2020 отмечается, что на фоне второй волны коронавируса в регионе особенно впечатляет эпидемиологическая ситуация во Вьетнаме. По состоянию на 1 декабря в стране, где численность населения приближается к 100 млн, был зарегистрирован всего 1351 подтверждённый случай заражения и 35 летальных исходов.

В этом году Вьетнам успешно завершает председательство в АСЕАН. В будущем стране предстоит использовать устойчивый экономический рост для скорейшего восстановления экономики региона, что представляется ещё более актуальным в свете подписания соглашения о ВРЭП. Как отмечает The Manila Times, позитивный опыт Вьетнама может стать уроком не только для стран Юго-Восточной Азии, но и всего мира.

Поступила в редакцию 04.12.2020

Received 4 December 2020

Для цитирования: Скворцова Е.М. Обзор СМИ стран Восточной Азии (октябрь – декабрь 2020 г.) // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 4. С. 93–99. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10028

For citation: Skvortsova E.M. (2020). Obzor SMI stran Vostochnoj Azii (oktyabr' – dekabr' 2020 g.) [East Asian countries media review (October – December 2020)], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2020, 4: 93–99. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10028

¹⁹ URL: <https://asia.nikkei.com/Economy/Vietnam-emerges-as-sole-economic-winner-in-Southeast-Asia> (дата обращения: 01.12.2020).

*Новые книги**New books***Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее**

Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее / отв. ред.-сост. Ю.В. Кулинцев. М.: ИДВ РАН, 2020. 400 с. ISBN 978-5-8381-0375-8

Аннотация. В основу сборника статей российских и зарубежных востоковедов легли материалы VII Международной конференции молодых востоковедов, которая прошла 28–29 ноября 2019 г. при содействии Института Дальнего Востока РАН. Исследуются вопросы регионального развития Китая, Японии, Северной и Южной Кореи, Вьетнама и их сотрудничества с Россией по основным направлениям: политика, экономика, история, культура и общество. Особое внимание уделено актуальным проблемам использования информационных технологий, взаимодействию в финансовом секторе и торгово-экономическому сотрудничеству между странами региона. Ряд материалов посвящён историческим и культурно-гуманитарным аспектам двустороннего и многостороннего взаимодействия государств в Восточной Азии.

Ключевые слова: Восточная Азия, Россия, Китай, Корея, Япония, Вьетнам, политика, экономика, история, культура.

East Asia: Past, Present and Future

East Asia: Past, Present and Future, ed.-comp. Yu.V. Kulintsev. Moscow: IFES RAS, 2020. 400 p. ISBN 978-5-8381-0375-8

Abstract. The collection of articles by Russian and foreign Orientalists is based on the proceedings of the VIIth International Scientific Conference of Young Orientalists, held on November 28–29, 2019 in Moscow with the support of the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. The book focuses on the different aspects of regional development of China, Japan, South and North Korea, Vietnam and cooperation with Russia in the areas of politics, economics, history and social sciences. Special attention is paid to the analysis of the new information technologies, cooperation in the finance sector and the trade-economic interaction between the countries of the region. A number of papers describe historical and cultural aspects of bilateral and multilateral cooperation in East Asia.

Keywords: East Asia, Russia, China, Korea, Japan, Vietnam, politics, economic cooperation, history, culture.

* * *

Китай становится экономической сверхдержавой

Китай становится экономической сверхдержавой: монография / А.В. Островский. М.: Издательство МБА, 2020. 496 с. ISBN 978-5-6045103-1-5

Аннотация. Монография основана на многолетнем исследовании экономики Китая. В работе использован большой массив фактического и статистического материала, отражающего динамику реформ в КНР от Дэн Сяопина до наших дней. Автор выявил основные поворотные вехи преобразований, сопоставил их с практикой реформ в СССР, странах Восточной Европы и СРВ. В монографии представлен анализ эволюции китайской политики реформ, в историческом ракурсе отражено последовательное обновление концепций и нормативных целей.

Ключевые слова: китайская модель реформ, переход к рыночной экономике, модернизация, индустриализация, китайский опыт, КНР, статистические данные, инновации, экономическое развитие, внешняя торговля, инвестиции, инициатива «Пояс и путь».

China is on its Path to Economic Superpower

Ostrovskii A.V. China is on its Path to Economic Superpower: monograph, Moscow: Publishing House MBA, 2020. 496 p. ISBN 978-5-6045103-1-5

Abstract. The monograph is based on a long-term study of the Chinese economy. The paper uses the accumulation of factual and statistical material that reflects the dynamics of reforms in China from Deng Xiaoping to the present day. The author identified the main turning points of transformation and compared them with the practice of reforms in the USSR, Eastern Europe and the SRV. The monograph presents the analysis of the evolution of Chinese reform policy, and reflects the consistent updating of concepts and regulatory goals from a historical view.

Keywords: Chinese model of reforms, transition to market economy, modernization, industrialization, Chinese experience, PRC, statistical data, innovation, economic development, foreign trade, investment, Belt and Road Initiative.

* * *

400 лет как один миг (Русско-китайские отношения с начала XVII века)

400 лет как один миг (Русско-китайские отношения с начала XVII века): Сб. статей / А.С. Ипатова; отв. ред. В.С. Мясников. М.: Памятники исторической мысли, 2020. 584 с. ISBN 978-88451-379-2

Аннотация. Книга подготовлена к 400-летию взаимоотношений России с Китаем. В ней описан сложный путь – от взаимного непонимания и

даже противостояния, в том числе вооруженного, – к осознанию, что для добрососедских отношений единственно верный путь – мирный диалог, основанный на взаимных уступках. История китайско-российских отношений подтвердила жизнеспособность этого выбора.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, Российская духовная миссия в Китае, Пекинская миссия, отечественное китаеведение, российская эмиграция в Шанхае.

400 Years as one Moment (Russian-Chinese Relations Since the Beginning of the XVII Century)

Ipatova A.S. 400 Years as one Moment (Russian–Chinese Relations Since the Beginning of the XVII Century). Collection of articles, ed. by V.S. Myasnikov. Moscow: Monuments of historical thought, 2020. 584 p. ISBN 978-88451-379-2

Abstract. The book was prepared for the 400th anniversary of Russia's relations with China. It describes a difficult path from mutual misunderstanding and even armed confrontation to the realization, that the only true path for good neighborly relations is a peaceful dialogue based on mutual concessions. The history of Chinese-Russian relations confirmed the viability of this choice.

Keywords: Russian-Chinese relations, Russian spiritual mission in China, Beijing Mission, Russian Sinology, Russian emigration in Shanghai.

* * *

Взаимоотношения России – Китая – США в рамках стратегического треугольника

Взаимоотношения России – Китая – США в рамках стратегического треугольника / отв. ред.-сост. Ю.В. Морозов. М.: ИДВ РАН, 2020. 288 с. ISBN 978-5-8381-0374-1

Аннотация. Коллективная монография, подготовленная научными сотрудниками Института Дальнего Востока и Института США и Канады РАН, посвящена перспективам взаимоотношений России, Китая и США в рамках стратегического треугольника. Научной основой работы стал круглый стол, состоявшийся в Центре изучения стратегических проблем США и ШОС в марте 2019 г. Участники рассмотрели международно-правовые аспекты деятельности акторов треугольника, а также актуальные проблемы безопасности России в глобальном масштабе. В подготовленной на основе обсуждения

монографии представлены новые теоретические и практические подходы к раскрытию потенциала взаимодействия России, Китая и США. Проанализированы региональные проблемы и возможности развития российско-китайских отношений в конкретных сферах экономики, политики и культурно-гуманитарного сотрудничества.

Книга адресована широкому кругу читателей, студентам и преподавателям вузов, а также ученым и специалистам-практикам, занимающимся проблемами безопасности и перспективами взаимоотношений акторов в рамках стратегического треугольника РФ – КНР – США в XXI в.

Ключевые слова: Россия, Китай, США, стратегический треугольник, регионы мира, политика, стратегия, безопасность, угрозы, взаимоотношения.

Russia – China – US Relations in the Framework of the Strategic Triangle

Russia – China – US Relations in the Framework of the Strategic Triangle, ed.-comp. Yu.V. Morozov. Moscow: IFES RAS, 2020. 288 p. ISBN 978-5-8381-0374-1

Abstract. A monograph prepared by the scientific staff of the Institute of Far Eastern Studies and the Institute for US and Canadian Studies is devoted to the Russia, China, USA relations' prospects in the context of the strategic triangle.

The scientific basis for writing this work was a round table held at the Center for the Studies of the Strategic problems of the NEA and SCO in March 2019. Participants globally reviewed international legal aspects of the triangle actors' activities and current issues of Russia's security. The monograph prepared on the basis of the discussion presents new theoretical and practical approaches to unlocking the potential of interaction between Russia, China and the United States. Regional problems and opportunities for the development of Russian-Chinese relations in specific areas of economy, politics, cultural and humanitarian cooperation are analyzed.

Keywords: Russia, China, USA, strategic triangle, regions of the world, politics, strategy, security, threats, relationship.

* * *

ШОС в системе безопасности в Евразии: проблемы многостороннего взаимодействия

ШОС в системе безопасности в Евразии: проблемы многостороннего взаимодействия / ред.-сост. Л.Е. Васильев. М.: ИДВ РАН, 2020. 240 с. ISBN 978-5-8381-0371-0

Аннотация. Сборник содержит аналитические статьи, в которых оценивается ситуация в восточной части Евразии, анализируются причины и условия возникновения новых угроз и вызовов региональной безопасности на пространстве ШОС. Авторы исследуют эффективность обеспечения стабильности и безопасности в Евразии, роль и значение Шанхайской организации сотрудничества в этой

сфере, предлагают меры совершенствования работы в данном направлении с учётом новых условий международной обстановки.

Отмечается, что геополитическое и геоэкономическое расположение государств-членов и государств-наблюдателей ШОС стратегически важно для успешного строительства системы региональной безопасности «Большой Евразии». Таким образом, главная задача ШОС – нейтрализовать присутствие внешних сил в регионе, минимизировать их влияние на страны Центральной и Южной Азии, исключить возможность «играть» на китайско-индийских, ирано-пакистанских, индо-пакистанских и прочих спорах и противоречиях и сделать так, чтобы страны ШОС сами решали существующие в регионе проблемы.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, Евразийский экономический союз, «Большая Евразия», Большое евразийское партнёрство, «Экономический пояс Шёлкового пути», региональная безопасность, международный терроризм, экстремизм, сепаратизм, международное сотрудничество.

* * *

The SCO in the Security System in Eurasia: Problems of Multilateral Interaction

The SCO in the Security System in Eurasia: Problems of Multilateral Interaction, ed.-comp. L.E. Vasiliev. Moscow: IFES RAS, 2020. 240 p. ISBN 978-5-8381-0371-0

Abstract. The compendium contains the articles with the analysis of the situation in Eastern Eurasia and considers the causes and the conditions of the new regional security threats emergence and challenges in the SCO territory. The authors explore the effectiveness of the response to stability and security in Eurasia, analyze the role and importance of the Shanghai Cooperation Organization in this field and develop proposals to improve the work in this direction in view of the present world circumstances.

The compendium mentions that the geopolitical and geo-economic position of the member states and observer states of the SCO are strategically important for the successful implementation of the regional security system of Greater Eurasia. That raises the main task of the SCO – to neutralize the presence of external forces in the region, minimize their influence over countries of Central and South Asia, exclude the possibility of taking advantage through Sino-Indian, Iran-Pakistan, Indo-Pakistan and other disputes and disagreements and to make the SCO countries take full charge of solving the existing problems in the region.

Keywords: The Shanghai Cooperation Organization, Eurasian Economic Union, Greater Eurasia, Greater Partnership, Silk Road Economic Belt, regional security, international terrorism, extremism, separatism, international cooperation.

* * *

Экономика КНР в годы 13-й пятилетки (2016–2020)

Экономика КНР в годы 13-й пятилетки (2016–2020) / сост. П.Б. Каменнов; отв. ред. А.В. Островский. М.: ИДВ РАН, 2020. 344 с. ISBN 978-5-8381-0380-2

Аннотация. В сборник включены статьи, подготовленные для ежегодной научной конференции Центра экономических и социальных исследований Китая Института Дальнего Востока РАН, которая должна была состояться в апреле 2020 г. Книга состоит из трёх разделов, посвящённых развитию китайской экономики в период 13-й пятилетки (2016–2020 гг.): основные проблемы социально-экономического развития КНР, аспекты инновационного развития страны в новых условиях и внешнеэкономические факторы развития.

В первые четыре года 13-й пятилетки китайская экономика развивалась интенсивнее, чем мировая. По итогам 2019 г. объём валового внутреннего продукта КНР составил 99,1 трлн юаней, а показатель на душу населения – 70 892 юаня (более 10 000 долл.), что значительно превосходит намеченные на XVIII съезде КПК в 2012 г. плановые показатели на 2020 г. – 80 трлн юаней ВВП и 60 000 юаней ВВП на душу населения. Предполагалось, что в 2020 г. Китай сможет построить «общество сяокан» (малого благоденствия) и будет дальше наращивать свой потенциал. Однако в начале 2020 г. в Китае началась эпидемия COVID-19, что в значительной степени осложнило выполнение намеченных планов социально-экономического развития.

В годы 13-й пятилетки китайская экономика добилась заметных успехов по сравнению с другими странами, что способствовало развитию внешнеэкономических связей Китая. Следствием стали серьёзные американо-китайские противоречия, которые влияют на всю мировую торговлю. В этой ситуации КНР сделала упор на развитие инновационной экономики, а во внешнеэкономических связях – на инициативу «Один пояс, один путь», направленную на укрепление отношений с «периферийными» странами Европы, Азии, Африки и Латинской Америки. Несмотря на имеющиеся проблемы состояние китайской экономики показывает, что в 2020 г. Китай сможет добиться роста ВВП.

Ключевые слова: экономика КНР, 13-я пятилетка (2016–2020 гг.), внешнеэкономические связи Китая, социально-экономическое развитие КНР, развитие инновационной экономики, реализация инициативы «Один пояс, один путь», «общество сяокан» (малого благоденствия), рост ВВП.

The PRC Economy in the period of the 13-th Five Year Plan (2016–2020)

The PRC Economy in the period of the 13th Five Year Plan (2016–2020), compiled by Kamennov P.B., editor-in-chief A.V. Ostrovskii. Moscow: IFES RAS, 2020. 344 p. ISBN 978-5-8381-0380-2

Abstract. The volume contains articles prepared for the Annual Scientific Conference at the Center for Chinese Economic and Social Research, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy

of Sciences, which was to be held in April, 2020. The volume consists of three chapters, which describe actual problems of Chinese economy in the period of the 13th Five Year Plan (2016–2020) – main problems of social and economic development of Chinese economy, innovation development problems under new conditions and foreign economic relations' factors.

For the first four years of the 13th Five Year Plan Chinese economy developed more rapidly than the world economy. As a result, the PRC volume of gross domestic product was 99.1 trillion yuan, and the GDP per capita was 79 892 yuan (more than 10 000 US\$). It is much more than indicated indices for 2020 marked by the XVIII CPC Congress in 2012 – 80 trillion yuan GDP and 60 000 yuan GDP per capita. They proposed, that by 2020 China could build “xiaokang” welfare society and increase its potential. But at the beginning of 2020 China suffered from COVID-19 epidemic, and it hampered China to fulfill proposed plans of social and economic development.

During the 13th five-year plan the Chinese economy has made significant progress compared to other countries, which has contributed to the development of China's foreign economic relations. The result is a serious US-China conflict that affects the entire world trade. In this situation the PRC has focused on the development of an innovative economy, and in foreign economic relations – on the “One Belt, One Road” initiative, aimed at strengthening relations with the “peripheral” countries of Europe, Asia, Africa and Latin America. Despite the existing problems, the state of the Chinese economy shows that in 2020 China will be able to achieve GDP growth.

Keywords: The PRC economy, the 13th five year plan (2016–2020), foreign economic relations of Chinese economy, social and economic development of Chinese economy, development of innovational economy, implementation of the “One Belt, One Road” initiative, “xiaokang” welfare society, growth of GDP.

* * *

Доклады ИДВ РАН 2018–2019

ДОКЛАДЫ
ИДВ РАН
2018–2019

Доклады ИДВ РАН 2018–2019 / ред.-сост. Е.А. Лапшина. М.: ИДВ РАН, 2020. 160 с. ISBN 978-5-8381-0379-6

Аннотация. Институт Дальнего Востока РАН продолжает выпуск Докладов, которые были сделаны на заседаниях Учёного совета ИДВ РАН. Издание начато в 2011 г.

Ключевые слова: Корейский полуостров, Азиатско-Тихоокеанский регион, политика Китая, кибербезопасность.

Proceedings of IFES RAS 2018–2019

Proceedings of IFES RAS 2018–2019, ed.-comp. E.A. Lapshina. Moscow: IFES RAS, 2020. 160 p. ISBN 978-5-8381-0379-6

Abstract. The Institute of Far Eastern Studies of RAS continues issuing of Proceedings that were made during meetings of the Academic Council of IFES RAS.

Keywords: Korean Peninsula, Asia-Pacific Region, China's policy, cybersecurity.

Пути нейтрализации угроз России в рамках стратегического треугольника «РФ – США – КНР»

Пути нейтрализации угроз России в рамках стратегического треугольника «РФ – США – КНР»: монография / Ю.В. Морозов. М.: ИДВ РАН, 2020. 488 с. ISBN 978-5-8381-0373-4

Аннотация. В монографии рассматриваются возможные способы нейтрализации вызовов и угроз национальным интересам России в рамках её взаимоотношений в стратегическом треугольнике «РФ – США – КНР». Описаны глобальные военно-политические тенденции в начале XXI в. и угрозы безопасности России, а также способы защиты её интересов, представлены существующие проблемы стратегической стабильности и новые теоретические и практические подходы к раскрытию потенциала взаимодействия трёх стран. В книге проанализированы перспективные решения региональных проблем и возможности развития российско-китайских отношений в конкретных сферах экономики, политики и культурно-гуманитарного сотрудничества. Исходя из тенденций международной обстановки и существующих способов защиты интересов РФ проанализирована стратегия развития российско-китайских отношений и возможные направления сотрудничества с США по противодействию общим угрозам и вызовам.

Ключевые слова: Россия, Китай, США, стратегический треугольник, регионы мира, политика, стратегия, безопасность, угрозы, взаимоотношения.

Ways to Neutralize Threats to Russia in the Framework of the Strategic Triangle of “Russia – USA – China”

Morozov Yu.V. Ways to Neutralize Threats to Russia in the Framework of the Strategic Triangle of “Russia – USA – China”: monograph, Moscow: IFES RAS, 2020. 488 p. ISBN 978-5-8381-0373-4

Abstract. The monograph examines possible ways of the challenges and threats to Russia's national interests neutralization in the context of its relations in the strategic triangle “Russia – USA – China”. The work covers global military and political trends of the beginning of the XXI century and threats to Russia's security and ways to protect its interests, presents existing problems of strategic stability and new theoretical and practical approaches to unlocking the potential of interaction between the three countries. The book analyzes promising solutions to regional problems and opportunities for developing Russian-Chinese relations in specific areas of economy, politics, cultural and humanitarian cooperation. Based on the trends in the international situation and existing ways to protect the interests of the Russian Federation, the strategy for the development of Russian-Chinese relations and possible areas of cooperation with the United States to counter common threats and challenges are analyzed.

Keywords: Russia, China, USA, strategic triangle, regions of the world, politics, strategy, security, threats, relationship.

Составитель: Пржежецкая Н.В.
Compiler: Przhezhetskaya N.V.

Научное издание

Восточная Азия: факты и аналитика
№ 4, 2020

Редактор:	Ильинская И.Д.
Редактор английских текстов:	Горчакова Т.Е.
Редактор:	Надточенко Б.Я.
Редактор:	Потапова В.А.
Редактор:	Пржежецкая Н.В.
Компьютерная вёрстка:	Потапова В.А.
Редактор сайта:	Казakov О.И.
<hr/>	
Дата публикации:	30.12.2020

Контакты:

- *Адрес:* Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32, ИДВ РАН, Центр научной информации и документации
- *E-mail:* eastasiajournal@mail.ru
- *Тел.:* +7 (499) 124 09 13

Scientific edition

East Asia: Facts and Analytics
No. 4, 2020

Editor:	Ilinskaya I.D.
Editor (English):	Gorchakova T.E.
Editor:	Nadtochenko B.Ya.
Editor:	Potapova V.A.
Editor:	Przhezhetskaya N.V.
Layout:	Potapova V.A.
Web-Site editor:	Kazakov O.I.
<hr/>	
Date of issue:	30 December 2020

Contacts:

- *Address:* Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation
- *E-mail:* eastasiajournal@mail.ru
- *Tel.:* +7 (499) 124 09 13 (Center for Scientific Information and Records, IFES RAS)

www.eastasiajournal.ru

